ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

45
2026
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (648) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Майкл Фарадей* (1791–1867) — выдающийся английский физик-экспериментатор и химик, чьи исследования заложили фундамент современной электротехники и учения об электромагнитном поле.

Фарадей родился в поселке Ньюингтон-Баттс близ Лондона (ныне часть Большого Лондона) в семье кузнеца. Семья жила небогато, и систематическое образование мальчику получить не удалось. В 13 лет он оставил школу и начал работать рассыльным в лондонском книжном магазине француза-эмигранта Рибо, а вскоре стал учеником переплетчика. Среди книг, которые ему приходилось переплетать, встречались труды по физике и химии — это пробудило в юноше страстную любознательность. Он тщательно конспектировал прочитанное, иллюстрировал записи и обсуждал идеи с окружающими.

В 1810–1811 годах Фарадей посещал Городское философское общество, где слушал выступления по физике и астрономии. А в 1812 году Фарадей раздобыл билет на цикл лекций Гемфри Дэви — знаменитого химика и физика, директора химической лаборатории Королевского института. Фарадей посетил несколько лекций, глубоко увлекся и отправил Дэви подробные конспекты своих записей. Впечатленный энтузиазмом юноши, в начале 1813 года Дэви взял его ассистентом в свою лабораторию. Осенью того же года Фарадей сопровождал профессора в двухлетнем путешествии по научным центрам Европы.

После возвращения из поездки Фарадей начал самостоятельные исследования. В 1821 году он продемонстрировал электромагнитное вращение — принцип, который лег в основу первого в мире простейшего электродвигателя.

Одним из величайших открытий ученого стала электромагнитная индукция. В августе 1831 года Фарадей доказал, что изменяющееся магнитное поле порождает электрический ток. В отчете, представленном Королевскому обществу 24 ноября 1831 года, он впервые использовал термин «магнитные силовые линии». На основе этого открытия был создан первый электромагнитный генератор — «диск Фарадея». Эти работы заложили основу для развития электроэнергетики: на подобных принципах работают генераторы на электростанциях, трансформаторы и многие другие устройства.

В 1833–1834 годах Фарадей провел серию экспериментов в области электрохимии и сформулировал законы электролиза (законы Фарадея), которые сыграли ключевую роль в развитии теории дискретных носителей электрического заряда. В 1825 году он открыл бензол — важное соединение в химии. В 1845 году ученый обнаружил явление, позднее названное эффектом Фарадея: он показал связь между светом и электромагнетизмом (вращение плоскости поляризации света в магнитном поле). Именно Фарадей ввел в научный обиход ряд терминов: «ион», «катод», «анод», «электролит», «диэлектрик». Он также предсказал существование электромагнитных волн.

Фарадей активно занимался популяризацией науки. С 1826 года он регулярно читал публичные лекции, в том числе знаменитые рождественские. Одна из них — «История свечи» — была издана отдельной книгой и стала одним из первых популярных научных изданий.

Фарадей был глубоко верующим христианином и не изменил своим убеждениям даже после публикации теории Дарвина.

Он отличался скромностью: отказался от предложения стать президентом Королевского общества, не принял рыцарское звание (по религиозным соображениям) и отклонил просьбу британского правительства помочь в разработке оружия во время Крымской войны (по этическим мотивам).

За преданность экспериментальной работе коллеги прозвали его королем экспериментов.

Существует версия, что ухудшение здоровья в поздние годы было связано с отравлением парами ртути, которая часто использовалась в его опытах.

В 1840 году Фарадей тяжело заболел Он жаловался на резкий упадок сил, головокружения и ухудшение памяти. Болезнь периодически обострялась, вынуждая ученого надолго прерывать активную работу. В 1858 году он ушел в отставку с большинства постов и поселился в Хэмптон-Корте, где провел последние девять лет жизни. Майкл Фарадей умер 25 августа 1867 года за письменным столом, немного не дожив до 76-летия. Похоронен рядом с женой на Хайгейтском кладбище в Лондоне. Он хотел, чтобы похороны были скромными, поэтому на них присутствовали только родственники.

В честь ученого названа единица измерения электрической емкости (фарад), закон электролиза, эффект в оптике, а также медаль и премия Британского королевского общества.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Даурова М. Р.
Тактика проведения следственных действий с участием несовершеннолетних 279

Даурова М. Р.
Роль педагога и психолога в следственных действиях 281

Дроздов С. И.
Купля-продажа земельного участка в 2026 году: условия действительности договора и риски оспаривания после дела Долиной 284

Дроздов С. И.
Аренда земельного участка в 2026 году: условия действительности договора, права сторон и оспаривание с учётом дела Долиной 287

Дудина А. Н.
Роль и значение результатов экологической экспертизы в законодательном процессе в Российской Федерации 290

Дудина А. Н.
Зарубежный опыт экологической оценки проектов нормативных правовых актов 294

Дуюнов А. А.
Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни: проблемы квалификации и пути совершенствования статьи 137 УК РФ 296

Зайцева Т. В.
Критерии и показатели эффективности политико-правового взаимодействия субъектов управления 299

Иванчик А. А.
Разграничение суггестивного воздействия и манипуляции в уголовном праве 301

Ивичук О. Н.
Условия законности производства следственных действий 303

Исаева А. Р.
Особенности договорного регулирования оказания услуг по управлению многоквартирным домом — товариществом собственников жилья 305

Кабанцова Е. Ю.
Этапы расследования ятрогенных преступлений 307

Каекбердина А. Р.
Правовая основа и способы защиты прав и законных интересов предпринимателей 309

Карелина И. О.
Правовые гарантии защиты военных корреспондентов в условиях вооруженных конфликтов 311

Козак П. А.
Привлечение к ответственности за налоговые правонарушения 314

Комарова Е. А.
Недобросовестность страховщиков и виды санкций, применяемых к ним в случае нарушения обязательств по договору обязательного страхования, на примере судебной практики Вологодской области 317

Королева П. Д.
Сравнительная характеристика законодательства стран СНГ в сфере привлечения юридических лиц к административной ответственности: проблемы и направления гармонизации 320

Кошелева Е. О.
Право на иск в современном гражданском процессе: законодательные и правоприменительные проблемы 323

Крылова Д. С.
Цифровые инструменты прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции: опыт Белгородской области 326

Кузовкова Д. М.
Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 76/262 «Постоянный мандат на проведение прений в Генеральной Ассамблее в случае применения вето в Совете Безопасности»: структурно-правовой анализ положений 332

Куцин И. В.
Проблемы правового регулирования переговоров о заключении договора в российском гражданском праве 334

Лизвинская А. В.
Теоретические основы использования компьютерных технологий в раскрытии и расследовании преступлений..... 338
Лоншакова Д. В.
Автономия банкротного оспаривания: анализ научных дискуссий о публично-правовой природе механизма возврата активов в конкурсную массу..... 340
Лыкова Д. О.
Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве России: допустимость, оценка и роль прокурора 344
Майоренко Д. И.
Проблемы распределения обязанностей между участниками проекта строительства горнообогатительного комбината..... 348

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тактика проведения следственных действий с участием несовершеннолетних

Даурова Марина Рамазановна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Проблема участия несовершеннолетних в следственных действиях занимает особое место в уголовном судопроизводстве. Это обусловлено не только повышенной уязвимостью данной категории лиц, но и тем, что именно в ходе следственных действий формируется значительная часть доказательственной базы по уголовному делу. От того, насколько грамотно организовано производство допроса, очной ставки, предъявления для опознания или проверки показаний на месте, во многом зависит не только полнота установления обстоятельств преступления, но и соблюдение прав самого несовершеннолетнего. Актуальность темы обусловлена тем, что возрастные особенности, эмоциональная неустойчивость, повышенная внушаемость и зависимость от взрослых требуют от следователя особой осторожности, точности и такта. На практике это означает, что формально правильное процессуальное действие еще не всегда оказывается тактически верным. Напротив, при игнорировании психологических факторов следователь рискует получить неполные, искаженные либо недостоверные сведения, а иногда и спровоцировать вторичную психологическую травматизацию. В данной статье рассмотрены теоретико-правовые и психолого-криминалистические основы производства следственных действий с участием несовершеннолетних. А также проведено исследования влияния возрастной специфики на выбор тактических приемов.

Ключевые слова: *следственные действия, несовершеннолетний, тактика проведения.*

В российском уголовном процессе в качестве несовершеннолетнего рассматриваются лица, не достигшие восемнадцати лет. Вместе с тем, определяющим фактором является не сам возраст, а процессуальное положение. Несовершеннолетний может выступать свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, подсудимым. Его статус определяет объем его процессуальных прав. Положения уголовно-процессуального законодательства закрепляют специальные правила допроса, предусматривая обязательное участие педагога или психолога, законного представителя.

Участия педагога и психолога имеется двойственную природу, с одной стороны, они содействуют следователю в установлении контакта с несовершеннолетним, помогают выбрать корректную форму вопросов и контролируют полноту отражения показаний в протоколе. С другой стороны, их участие направлено на охрану прав и законных интересов несовершеннолетнего, прежде всего, на защиту его психики от излишне травмирующего воздействия следственной ситуации. Такой подход представляется обоснованным, поскольку несовершеннолетний в силу возраста нередко не способен самостоятельно противостоять давлению обстоятельств, даже если оно не носит прямого принудительного характера. [1]

Гарантии прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве следует рассматривать систематизировано. Данная система включает в себя право на защиту, участие законного представителя, возможность привлечения педагога или психолога, соблюдение возрастных и временных ограничений, а также недопустимость применения приемов, способных повлечь унижение чести и достоинства или вызвать необоснованный страх. Практическое значение этих гарантий заключается в том, что следователь обязан не просто зафиксировать сведения, а обеспечить такие условия, при которых несовершеннолетний сможет сообщить информацию максимально точно и без чрезмерного психологического напряжения. [6]

Несмотря ключевую роль следователя в обеспечении законности следственного действия, необходимо участие педагога и психолога, поскольку оно позволяет восполнить дефицит специальных знаний в области возрастного развития, а участие законного представителя и защитника обеспечивает дополнительный уровень процессуальной защиты. Педагог и психолог не должны рассматриваться как формальные фигуры, присутствие которых сводится лишь к соблюдению процедуры. Напротив, их участие имеет содержательное значение, они обращают

внимание на возрастные особенности, стремятся снизить негативное воздействие.

Возрастные особенности восприятия, памяти и речи несовершеннолетнего имеют непосредственное значение для оценки полученных показаний. Несовершеннолетний, особенно младшего возраста, может воспринимать ситуацию фрагментарно, запоминать не столько фактические детали, сколько эмоционально яркие элементы события, а при изложении произошедшего путать последовательность обстоятельств. Это не означает, что показания недостоверны, однако они требуют более внимательной проверки. [2]

Память несовершеннолетнего не является «менее развитой» версией памяти взрослого, она качественно иная по способу фиксации и воспроизведения сведений. На результативность воспоминания влияют не только возраст, но и состояние тревоги, страх перед незнакомой обстановкой, отношение к взрослым, уровень доверия к следователю, а также наличие стрессового или травмирующего опыта. Отсюда следует, что прямолинейный допрос, построенный по схеме жесткого опроса взрослого лица, в отношении несовершеннолетнего часто оказывается неэффективным.

Важно учитывать эмоциональную неустойчивость несовершеннолетних, ребенок или подросток могут резко поменять настроение, замыкаться, проявлять раздражительность, плакать либо, напротив, демонстрировать внешнюю безучастность. Такое поведение нередко является защитной реакцией на стрессовую ситуацию. В данной связи важное значение имеет установление психологического контакта и создание атмосферы, в которой несовершеннолетний не будет ощущать давления. Иначе говоря, следователь должен учитывать не только содержание показаний, но и условия их формирования.

Необходимо учитывать и такой фактор как внушаемость, которая проявляется в повышенной чувствительности к форме вопроса, интонации, подсказке и авторитету взрослого. Если вопрос сформулирован слишком навязчиво или содержит ожидаемый ответ, несовершеннолетний может согласиться с предложенной версией, не всегда осознавая последствия такого согласия. В конфликтной и стрессовой ситуации несовершеннолетний может испытывать страх наказания, недоверие к следствию, стремление защититься ложью либо уйти в себя. Здесь важно понимать, что молчание не всегда свидетельствует о сознательном противодействии, а чрезмерная разговорчивость не говорит о готовности к сотрудничеству. Иногда подросток просто не способен выстроить связный рассказ без поддержки и правильно организованной беседы. [5]

Соответственно, учет личностных характеристик несовершеннолетнего является не факультативным, а обязательным элементом при выборе тактики. Следователь должен принимать во внимание уровень развития, словарный запас, особенности обстановки в семье, предшествующий опыт общения со взрослыми, наличие конфликтов, а также индивидуальные черты характера. В противном случае даже формально безупречное следственное действие может оказаться тактически неудачным и не достигнуть своей цели.

Подготовка к следственным действиям с участием несовершеннолетнего требует учета ряда дополнительных факторов, прежде всего, временного, поскольку несовершеннолетние быстрее утомляются, хуже переносят длительное ожидание и чаще теряют концентрацию к концу разговора. Помимо этого, важное значение имеет выбор места проведения допроса и определения круга участников.

Предварительное исследование сведений о личности несовершеннолетнего позволяет предвидеть его на вопросы, определить, насколько он способен к последовательному рассказу, и понять, нужен ли более мягкий темп беседы либо дополнительная психологическая поддержка. Научные исследования справедливо отмечают, что эффективность допроса зависит не только от знания процессуальных правил, но и от учета возрастной психологии. [3]

Тактика допроса несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего строится на сочетании процессуальной строгости и особого такта. Первоочередное значение имеет установление доверия, следователь должен начинать не с жестких и «проверочных» формулировок, а с нейтральных вопросов, помогающих снять напряжение и адаптироваться к обстановке. Затем следует переход к существенным обстоятельствам, что позволяет избежать ситуации, при которой ребенок или подросток замыкается в себе уже на первых минутах беседы.

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого требует еще большей осторожности, поскольку здесь психологическое давление может возникать не только из-за страха перед следствием, но и из-за осознания возможных правовых последствий. Следователь не должен подменять процессуальный допрос нравоучением или скрытым принуждением. Напротив, важно обеспечить ясность происходящего, разъяснить процессуальные права и создать условия для свободного изложения позиции. Если подросток отказывается отвечать, это не следует рассматривать как противодействие расследованию, иногда молчание является защитной реакцией, обусловленной возрастом и стрессом.

Очная ставка с участием несовершеннолетнего представляет собой наиболее потенциально конфликтное следственное действие, поэтому проведение очной ставки допустимо лишь тогда, когда действительно имеется существенное противоречие в показаниях и иные способы его устранения не дали результата. Присутствие несовершеннолетнего в ситуации прямого столкновения с другим допрашиваемым лицом может усиливать тревожность, страх и внушаемость. Поэтому следователь должен особенно тщательно оценивать необходимость такого действия и заранее продумывать его сценарий, недопустимо превращать очную ставку в средство психологического давления. [4]

Ошибки при предъявлении для опознания могут иметь серьезные последствия, поскольку несовершеннолетний нередко ориентируется на внешне яркие признаки и может испытывать внутреннюю неуверенность

в собственном выборе. Отсюда следует, что следователь должен исключить любые элементы подсказки и обеспечить максимально однородные условия предъявления. Важно, чтобы несовершеннолетний не чувствовал, какой именно вариант от него ожидается. В противном случае возрастная внушаемость неизбежно снижает доказательственную ценность результата.

Проверка показаний на месте позволяет не только уточнить показания, но и сопоставить их с реальной обстановкой. Для несовершеннолетнего это действие иногда оказывается более понятным, чем абстрактная словесная реконструкция событий. Однако и здесь требуется осторожность, поскольку, если следователь слишком активно направляет движения или подсказывает последовательность действий, то результат может быть искажен. При правильной организации проверка показаний на месте способствует восстановлению памяти и уточнению деталей, но при ошибочном проведении легко превращается в формальную процедуру.

Нарушение процессуальных гарантий при участии несовершеннолетнего является одной из наиболее серьезных проблем. В качестве нарушений следует рассматривать ненадлежащее извещение законного представителя, игнорирование обязательного участия педагога или психолога, превышение допустимой продолжительности допроса и использование процедур, не учитывающих возрастные ограничения. Подобные нарушения подрывают доказательственную устойчивость полученных сведений, поскольку ставят под сомнение их допустимость.

Психологическое давление на несовершеннолетнего также является распространенной проблемой. Следователь или иные участники могут оказывать выраженное воздействие, либо косвенное. Недопустимы наводящие вопросы, намеки на «правильный» ответ, моральное давление, унижение, резкие оценки и попытки добиться признания любой ценой.

Таким образом, тактика следственных действий с участием несовершеннолетних имеет самостоятельное значение и не может быть сведена к общим правилам. Успешное расследование по делам с участием несовершеннолетних достигается не жесткостью, а продуманностью. Подготовка к следственному действию, выбор времени и обстановки, подбор педагога или психолога, точность вопросов, а также психологическое воздействие формируют единую систему. Игнорирование возрастной специфики приводит к процессуальным нарушениям, снижению достоверности показаний и риску вторичной травматизации. Корректная тактика позволяет совместить интересы правосудия и охраны прав личности.

Литература:

1. Березина Е. С. Процессуальные проблемы предварительного расследования с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Российский следователь. 2012. № 11. С. 12–15.
2. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / А. Г. Бедризов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галяшин и др.; отв. ред. Я. В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. 224 с.
3. Глушков А. И., Головко Н. В. Процессуальные и тактические проблемы допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Российский следователь. 2015. № 3. С. 12–15.
4. Курмаева Н. А. Тактические и процессуальные особенности участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 1. С. 21–23.
5. Байдавлетова Л. Р. Особенности проведения следственных действий со свидетелем несовершеннолетнего возраста // Российский следователь. 2017. № 4. С. 12–15.
6. Байдавлетова Л. Р. Особенности проведения следственных действий с потерпевшими несовершеннолетнего возраста (на основе анализа уголовных дел) // Российский следователь. 2016. № 20. С. 3–6.

Роль педагога и психолога в следственных действиях

Даурова Марина Рамазановна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Участие педагога и психолога в следственных действиях давно перестало носить только вспомогательный характер. В делах с участием несовершеннолетних оно напрямую связано с качеством получения доказательственной информации. Актуальность исследования обусловлена тем, что несовершеннолетний участник следственного действия находится в заведомо более уязвимом положении по сравнению со взрослым. Его возраст, степень психического развития, жизненный опыт и способность понимать происходящее объективно ограничивают возможность самостоятельной и полноценной защиты интересов. В этой ситуации педагог и психолог выступают как лица, способные обеспечить более бережный и точный формат коммуникации между следователем и несовершеннолетним. Целью данной статьи

является исследование теоретико-правовых основ участия педагога и психолога в следственных действиях, а также изучение практической роли такого участия.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, участие педагога и психолога, предварительное расследование.*

Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве обусловлено, прежде всего, их функциональной ролью в следственных действиях с участием несовершеннолетних. Педагог выступает как лицо, обладающее специальными знаниями в области обучения и воспитания, что позволяет учитывать возрастные особенности ребенка и помогать следователю в установлении контакта. Психолог, в свою очередь, привлекается для учета эмоционального состояния несовершеннолетнего, особенностей его восприятия, внушаемости и реакции на стресс. На практике эти фигуры нередко воспринимаются как сходные, однако их профессиональная природа различна, а значит, различается и содержание помощи, которую они оказывают. [2]

Положения ст. 191 УПК РФ прямо предусматривают, что участие педагога или психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля является обязательным. Законодатель установил не только обязательное участие специалиста, но и дополнительные гарантии, связанные с продолжительностью следственных действий, участием законного представителя и применением видеозаписи. Это указывает на приоритет охраны прав несовершеннолетнего.

Вопрос, связанный с определением объема прав и обязанностей педагога и психолога, является дискуссионным. Они могут рассматриваться как самостоятельные участники процесса, либо, как лица, оказывающие содействие. Соотношение статуса педагога, психолога и специалиста представляет собой отдельную проблему. На первый взгляд, может показаться, что педагог и психолог выступают как специалисты, поскольку оба обладают специальными знаниями и участвуют в следственных действиях для оказания содействия следователю. Однако в уголовно-процессуальном смысле их функции не всегда совпадают со статусом специалиста, предусмотренного УПК РФ. Педагог и психолог вовлекаются не только для помощи следствию, но и для охраны интересов несовершеннолетнего, что придает их участию ярко выраженный защитный характер. Именно эта двойственность и вызывает научные споры, поскольку, с одной стороны, они содействуют получению информации, с другой выполняют охранительную функцию, которую трудно полностью свести к деятельности обычного специалиста. [1]

Следовательно, теоретико-правовая основа участия педагога и психолога в следственных действиях строится на сочетании нескольких начал. Это, и процессуальная форма, закрепленная законом, и охранительная направленность, обеспечивающая права несовершеннолетнего, и практическая помощь следователю, без которой проведение многих следственных действий с несовершеннолетнего становится существенно более сложным.

Первая и наиболее очевидная цель привлечения педагога и психолога состоит в обеспечении прав и законных интересов несовершеннолетнего. В данном случае речь идет о конкретной задаче, которая проявляется в создании психологически приемлемой обстановки, исключающей давление. Несовершеннолетний зачастую не способен в полной мере оценить значение своих процессуальных действий, поэтому присутствие педагога или психолога помогает смягчить влияние следственной ситуации и предотвратить необоснованное вмешательство в его эмоциональное состояние.

Вторая задача заключается в содействии следователю в получении достоверных показаний, что особенно важно потому, что несовершеннолетний может по-разному реагировать на вопросы, не всегда понимая их точный смысл, а иногда и вовсе подстраиваясь под ожидания взрослого. Педагог и психолог помогают следователю выбрать корректную форму общения, избежать двусмысленных формулировок и оценить, не является ли молчание, растерянность или краткость ответа следствием стресса, а не отсутствия сведений. [3]

Третья задача связана с минимизацией психологического давления и стрессового воздействия. Следственное действие по своей природе является для несовершеннолетнего ситуацией повышенного эмоционального напряжения. Особенно это заметно в делах о насильственных преступлениях, где ребенок или подросток может переживать чувство страха, вины, недоверия к взрослым либо внутренний конфликт между желанием сообщить правду и стремлением избежать повторного переживания травмирующих обстоятельств. Психолог в такой ситуации помогает не только следователю, но и самому несовершеннолетнему, поскольку его участие делает процедуру более предсказуемой и менее травматичной.

Наконец, участие педагога и психолога необходимо для учета возрастных и индивидуальных особенностей допрашиваемого. Возраст сам по себе не дает полного представления о том, как несовершеннолетний будет вести себя при проведении следственного действия. Двое подростков одного возраста могут существенно различаться по уровню речевого развития, характеру, эмоциональной устойчивости и способности к воспроизведению событий. Именно поэтому формальный подход здесь особенно опасен. Следователь, опирающийся только на процессуальную схему, рискует не учесть индивидуальные черты личности, тогда как педагог и психолог способны восполнить этот пробел. В этом и состоит практический смысл их участия, не подменять следователя, а помогать ему действовать точнее и корректнее.

Участие педагога и психолога в уголовном процессе не исчерпывается одним только присутствием при допросе несовершеннолетнего. Закон и практика показывают, что их роль может проявляться в нескольких процессуальных формах, причем каждая из них имеет собственную цель и собственные пределы. Именно поэтому рассматривать педагога и психолога как пассивных наблюдателей было бы неверно, ведь их участие встроено в механизм получения доказательственной информации и в механизм охраны прав несовершеннолетнего. [1]

Наиболее распространенной формой является участие в следственных действиях, связанных с несовершеннолетним потерпевшим, свидетелем, подозреваемым или обвиняемым. В ст. 191 УПК РФ прямо предусмотрены особые правила для допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний, если в них участвует несовершеннолетний. В этом смысле педагог и психолог выступают как лица, обеспечивающие более корректный формат общения между следователем и несовершеннолетним. Их присутствие помогает не только смягчить психологическое напряжение, но и сделать саму следственную процедуру более понятной для ребенка или подростка.

Особое значение имеет участие в допросе несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого. Здесь педагог и психолог выполняют взаимодополняющие функции. Педагог чаще помогает следователю выстраивать коммуникацию с учетом возрастных и образовательных особенностей несовершеннолетнего, тогда как психолог ориентирован на оценку эмоционального состояния, уровня тревожности, внушаемости и возможной психологической защиты. Именно сочетание этих профессиональных компетенций позволяет повысить полноту и достоверность показаний. [3]

Помимо участия в следственных действиях, педагог и психолог могут привлекаться в качестве специалистов, а в отдельных случаях их сведения и заключения способны играть значимую роль при оценке состояния несовершеннолетнего. Здесь важно не смешивать процессуальные формы, поскольку специалист содействует следователю в проведении действия, а эксперт дает заключение в рамках назначенной экспертизы. В литературе справедливо обращается внимание на то, что психолог в уголовном процессе нередко действует как специалист при следственном действии, и как эксперт при назначении соответствующего исследования.

Роль педагога в следственных действиях, прежде всего, связана с установлением контакта с несовершеннолетним. Следователь, даже обладая достаточным процессуальным опытом, не всегда может сразу выбрать верный тон общения с ребенком или подростком. Педагог же ориентируется в возрастных особенностях восприятия, в типичных трудностях общения, в том, как несовершеннолетний реагирует на авторитет взрослого и на официальную обстановку. Поэтому его участие помогает снять лишнее напряжение и сделать разговор более естественным.

Не менее важно учитывать особенности воспитания, обучения и развития несовершеннолетнего. Педагог может обратить внимание следователя на уровень словарного запаса, степень сформированности логического мышления, способность понимать абстрактные формулировки. Это имеет особенно важное значение, когда речь идет о допросе младшего подростка или ребенка, для которого сложные юридические конструкции оказываются непонятными. На практике именно педагог способен подсказать, какие слова лучше использовать, как сформулировать вопрос, где следует остановиться, чтобы не перегрузить несовершеннолетнего. [4]

Содействие в формулировании вопросов и оценке реакции несовершеннолетнего являются важной составляющей работы педагога. Педагог не подменяет следователя и не принимает процессуальные решения, но он может помочь избежать неудачных формулировок, которые либо содержат подсказку, либо слишком абстрактны для несовершеннолетнего. Кроме того, педагог способен заметить признаки усталости, растерянности, замыкания в себе или чрезмерного эмоционального напряжения. В таких ситуациях его замечания особенно полезны, поскольку следователь не всегда видит все нюансы поведения допрашиваемого.

Важно отметить и пределы участия педагога, например, он не должен превращаться в посредника, который фактически отвечает вместо несовершеннолетнего или навязывает ему линию поведения. Его задача заключается в оказании содействия, а не в подмене процессуальной функции следователя. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что чрезмерная активность педагога способна исказить характер следственного действия и вызвать сомнения в самостоятельности полученных сведений. Следовательно, педагогическая помощь полезна лишь тогда, когда она остается в пределах своей профессиональной компетенции.

Роль психолога в следственных действиях имеет более выраженную аналитическую направленность. Прежде всего, он помогает оценить эмоциональное состояние несовершеннолетнего, поскольку тревога, страх, стыд или чувство вины способны существенно влиять на способность ребенка или подростка воспринимать вопросы и воспроизводить обстоятельства события. Иногда несовершеннолетний говорит не столько о самом факте, сколько о переживании, связанном с ним. В такой ситуации психолог помогает следователю отличить обычную эмоциональную реакцию от признаков сильного психического напряжения.

Помощь следователю в выборе тактики допроса проявляется в практических рекомендациях по темпу беседы, форме вопросов, распределению нагрузки и порядку перехода от нейтральных тем к более сложным. Психологическое сопровождение расследования позволяет учитывать не только содержание показаний, но и условия их формирования. Это существенно, потому что доказательственное значение имеют не только слова несовершеннолетнего, но и сама обстановка, в которой они были сказаны. Особенности использования психологических знаний при рассле-

довании связаны с тем, что психолог не должен превращать следственное действие в собственное консультирование или терапевтическую сессию. Его участие имеет процессуальную направленность, он содействует следователю, но не подменяет его и не выносит процессуальных решений. В то же время его знания особенно ценны, когда требуется избежать вторичной травматизации несовершеннолетнего или когда возникает необходимость корректно оценить его реакцию на происходящее. В этом состоит практический смысл привлечения психолога. [4]

Несмотря на то, что участие педагога и психолога в следственных действиях прямо предусмотрено УПК РФ, следует выделить ряд проблем, указывающих на незавершенность правовой регламентации. Одной из наиболее заметных проблем остается недостаточная ясность процессуального статуса данный лиц. Положения УПК РФ предусматривают их участие, но не всегда достаточно подробно раскрывают объем прав, обязанностей и ответственности. В результате на практике возникают вопросы, связанные с тем, могут ли педагог и психолог активно высказывать замечания в ходе следственного действия, каково значение этих замечаний для протокола и насколько их мнение влияет на оценку результатов допроса или иного действия.

Данное положение обуславливает различие подходов к разграничению функций педагога и психолога. Формально эти участники часто рассматриваются как взаимозаменяемые фигуры, однако по существу, они выполняют разные задачи. Педагог ориентирован на возрастные, образовательные и воспитательные особенности несовершеннолетнего, тогда как психолог анализирует его эмоциональное состояние, уровень тревожности, внушаемость и защитные реакции. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что смешение этих функций снижает эффективность их участия и затрудняет выработку единых практических рекомендаций.

Еще более заметной проблемой является формальный характер участия этих лиц. На практике нередко встречаются ситуации, когда педагог или психолог присутствует при следственном действии, не оказывая реального влияния. Причины могут быть разными, например, недостаток времени, отсутствие необходимой подготовки, организационная спешка. Между тем именно формальный подход лишает участие указанных лиц какого-либо смысла. Если участие педагога или психолога не меняет ни форму общения, ни характер вопросов, ни общую атмосферу следственного действия, то говорить о полноценной реализации гарантий несовершеннолетнего сложно.

Таким образом, требуется уточнение прав и обязанностей педагога и психолога в УПК РФ. Закон должен быть более конкретным в части их процессуальных возможностей, пределов участия, права заявлять замечания и порядка фиксации этих замечаний в протоколе. Более четкое нормативное регулирование позволило бы снизить количество спорных ситуаций и сделать участие этих лиц менее формальным, а значит, более эффективным. При этом, важно сохранить баланс: излишняя детализация не должна превращать педагога и психолога в самостоятельных процессуальных «судей» хода следственного действия. Не менее важно закрепить критерии их привлечения в следственные действия. В настоящее время закон исходит из общего принципа участия педагога или психолога в определенных случаях, однако на практике остается вопрос, как выбирать между ними, в каких ситуациях предпочтителен именно психолог, а в каких педагог, и какие особенности несовершеннолетнего должны учитываться в первую очередь.

Литература:

1. Галдин М. В., Костенко К. А. О совершенствовании законодательства, регулирующего участие педагога и психолога в уголовном процессе // Российский судья. 2021. № 5. С. 17–21.
2. Тетюев С. В. Участие педагога, педагогического работника и психолога в судебной деятельности: вопросы унификации процессуального законодательства // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 142–155.
3. Цветкова Е. В. Правовые проблемы участия педагога или психолога в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних // Современное право. 2024. № 4. С. 120–123.
4. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 672 с.

Купля-продажа земельного участка в 2026 году: условия действительности договора и риски оспаривания после дела Долиной

Дроздов Сергей Игоревич, студент магистратуры
Научный руководитель: Погосян Алла Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

В статье рассматриваются условия действительности договора купли-продажи земельного участка, существенные требования к его заключению и основные риски оспаривания сделки. Анализируются права и обязанности сторон, осно-

вания признания договора недействительным и особенности защиты прав добросовестного приобретателя с учётом правовых подходов, связанных с делом Долиной.

Ключевые слова: *купля-продажа земельного участка, договор купли-продажи, действительность сделки, недействительность договора, оспаривание сделки, добросовестный приобретатель, судебная практика.*

The purchase and sale of a land plot in 2026: the conditions for the validity of the contract and the risks of challenging it after the Dolina case

The article examines the conditions for the validity of a land plot purchase and sale contract, the essential requirements for its conclusion, and the main risks of challenging the transaction. The rights and obligations of the parties, the grounds for declaring the contract invalid, and the specifics of protecting the rights of a bona fide purchaser are analysed, taking into account the legal approaches related to the Dolina case.

Keywords: *purchase and sale of a land plot, purchase and sale agreement, validity of the transaction, invalidity of the agreement, contesting the transaction, bona fide purchaser, judicial practice.*

Договор купли-продажи земельного участка входит в группу норм о продаже недвижимости (ст. 549–558 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [1]). Вместе с тем общие положения ГК РФ дополняются ст. 37 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) [2], Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», а применительно к сельскохозяйственным землям — Федеральным законом от 24.07.2002 № 101-ФЗ [5]. Продажа публичных земель регулируется ст. 39.3 и 39.4 ЗК РФ и здесь не рассматривается. Недействительность сделок регулирует гл. 9 ГК РФ (ст. 166–181).

Объектом продажи могут быть только участки, прошедшие государственный кадастровый учёт (п. 1 ст. 37 ЗК РФ). Без кадастрового номера предмет не определён, и по ст. 554 ГК РФ договор считается незаключённым. Участки, изъятые из оборота, продавать нельзя, ограниченные в обороте отчуждаются лишь в случаях, прямо указанных в законе (ст. 27 ЗК РФ).

По принципу единства судьбы участка и построек (подп. 5 п. 1 ст. 1, п. 4 ст. 35 ЗК РФ, ст. 552 ГК РФ) участок нельзя продать отдельно от здания, если оба объекта принадлежат одному лицу. Нарушение влечёт ничтожность договора (п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Продавец обязан сообщить покупателю всё, что ему известно об обременениях и ограничениях использования (п. 1 ст. 37 ЗК РФ), и передать участок свободным от прав третьих лиц (ст. 460 ГК РФ). Если участок изымут по основаниям, возникшим до продажи, продавец отвечает по ст. 461 ГК РФ. Типичные обременения: ипотека, арест, сервитуты, охранные зоны, права арендатора, которые сохраняются при смене собственника (ст. 617 ГК РФ). Следует отметить, что нормы о публичных сервитутах меняются: 22.10.2026 Госдума приняла в первом чтении соответствующий законопроект [12].

Продавцом выступает собственник или его представитель (ст. 209, 182, 185 ГК РФ). Право проверяется по ЕГРН: сведения реестра считаются достоверными, а полагавшееся на них лицо презюмируется добросовестным (ст. 8.1, п. 1 ст. 302 ГК РФ). Правда, презумпция опровержима.

Отчуждение недвижимости несовершеннолетнего или ограниченно дееспособного требует согласия органа опеки (ст. 37 ГК РФ) и нотариального удостоверения (ч. 2 ст. 54 Закона № 218-ФЗ [4]).

Участок, купленный в браке, входит в совместную собственность супругов (ст. 256 ГК РФ, ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) [3]). Для его продажи нужно нотариально удостоверенное согласие второго супруга. Если оно не получено, супруг вправе оспорить сделку в течение года, когда другая сторона знала или должна была знать о его несогласии (п. 3 ст. 35 СК РФ).

При продаже доли остальным участникам письменно сообщают цену и условия, и они вправе купить долю в течение месяца (п. 2 ст. 250 ГК РФ). Нарушение даёт им три месяца на перевод прав покупателя на себя (п. 3 ст. 250 ГК РФ). Сделка с долей удостоверяется нотариусом, кроме продажи всех долей по одной сделке (ст. 42 Закона № 218-ФЗ).

Долги продавца тоже имеют значение. Сделка будущего банкрота оспаривается по ст. 61.2 Закона № 127-ФЗ [6]: при неравноценном встречном исполнении в течение года и при причинении вреда кредиторам в течение трёх лет до принятия заявления о банкротстве. Запрет регистрационных действий из исполнительного производства блокирует переход права (ст. 80 Закона № 229-ФЗ [7]), а заложенный участок продаётся с согласия залогодержателя (п. 2 ст. 346 ГК РФ).

Иностранные граждане и организации не вправе владеть на праве собственности участками на приграничных и иных особо установленных территориях (п. 3 ст. 15 ЗК РФ). Сельскохозяйственные земли им доступны только в аренду (ст. 3 Закона № 101-ФЗ). То же касается российских организаций, где иностранное участие превышает пятьдесят процентов.

Закон № 101-ФЗ ограничивает площадь сельхозугодий в собственности одного лица (ст. 4) и закрепляет преимущественное право субъекта РФ на покупку такого участка (ст. 8): продавец извещает высший исполнительный орган региона и ждёт месяц, если отказ не получен. Покупатель

обязан использовать участок по назначению (ст. 42 ЗК РФ), иначе сельхозучасток могут принудительно изъять через три года неиспользования (ст. 54.1 ЗК РФ). Безопасность расчётов обеспечивают аккредитив, эскроу-счёт (ст. 860.7 ГК РФ) или банковская ячейка.

Договор заключается письменно, одним документом (ст. 550 ГК РФ); нарушение формы влечёт недействительность. Нотариальное удостоверение обязательно при продаже долей и недвижимости несовершеннолетних и ограниченно дееспособных (ст. 42, 54 Закона № 218-ФЗ), а при продаже единоличным собственником не требуется. Кстати, законопроект о возврате обязательной нотариальной формы для большинства сделок между гражданами внесён в Госдуму, но, по имеющимся сведениям, не принят [13].

Существенные условия договора: предмет (ст. 554 ГК РФ) и цена (ст. 555 ГК РФ) — без цены договор не считается заключённым. Передача оформляется передаточным актом (ст. 556 ГК РФ).

Регистрируется переход права, а не договор (ст. 551 ГК РФ), и собственником покупатель становится с момента записи в ЕГРН (п. 2 ст. 223 ГК РФ). Срок регистрации составляет семь рабочих дней при подаче в Росреестр и девять через МФЦ. Если контрагент уклоняется от регистрации, её можно потребовать через суд (п. 3 ст. 551 ГК РФ).

Термин «схема Долиной» возник после спора Ларисы Долиной с покупательницей её квартиры. Продавец под влиянием телефонных мошенников продал квартиру и передал им деньги. Суд первой инстанции (Хамовнический районный суд Москвы, дело № 02–0387/2025 [12]) признал сделку недействительной по ст. 178 ГК РФ, вернул квартиру продавцу и не обязал возвращать деньги, которых у неё не осталось. Покупательница потеряла и имущество, и деньги.

Определением от 16.12.2025 № 5-КГ25–174-К2 [9] Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила эти акты и оставила право собственности за покупательницей. Суд указал следующее:

— заблуждение о мотивах и последствиях сделки не основание для её отмены по ст. 178 ГК РФ;

— суд обязан выяснить, мог ли контрагент распознать заблуждение при обычной осмотрительности;

— при обмане продавца третьим лицом сделка оспаривается по абз. 3 п. 2 ст. 179 ГК РФ лишь тогда, когда другая сторона знала или должна была знать об обмане;

— при признании сделки недействительной применяется двусторонняя реституция, и суд не вправе ограничиться возвратом недвижимости.

В июле 2026 года Верховный Суд опубликовал обзор практики по оспариванию сделок с недвижимостью (двадцать позиций за 2022–2025 годы). Он закрепляет, что сожаление продавца не отменяет сделку, а психическое состояние оценивается на момент подписания, а не по факту диагноза. Обзор не меняет закон, а разъясняет действующие нормы.

Законодательно вопрос не решён. Законопроект № 1124149–8 [11] (январь 2026 года) вводит в п. 2 ст. 179 ГК РФ презумпцию добросовестности покупателя. Правительство в мае 2026 года назвало его избыточным, поскольку норма дублирует абз. 3 п. 2 ст. 179 и позицию Верховного Суда, а ст. 302 ГК РФ о добросовестном приобретателе к последствиям недействительности сделки не относится (постановление КС РФ от 21.04.2003 № 6-П [8]). Депутаты Я. Нилов и Д. Гусев в мае 2026 года предложили изменить ст. 167 ГК РФ и закон о регистрации недвижимости [13]. По сведениям на 23.10.2026, поправки не приняты.

Договор купли-продажи земельного участка действителен, если участок учтён в кадастре и свободен от скрытых обременений, продавец подтвердил право, дееспособность и получил необходимые согласия, соблюдены форма и регистрация, а покупатель не подпадает под специальные ограничения. После определения от 16.12.2025 и обзора 2026 года спор о сделке, заключённой под воздействием мошенников, решается с учётом осмотрительности покупателя. Закрепление презумпции его добросовестности в ГК РФ пока обсуждается.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
4. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 29, ч. I. — Ст. 4344.
5. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения : Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3018.
6. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
7. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.

8. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2003 № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 17. — Ст. 1657.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25–174-К2 // ЮИС Легалакт : сайт. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16122025-n-5-kg25-174-k2-2-3872025-uid-77rs0030-02-2024-006532-55/ (дата обращения: 23.10.2026).
10. Верховный Суд РФ по поручению Игоря Краснова сформировал единые подходы по делам об оспаривании сделок с жильём // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. — URL: https://vsrf.ru/press_center/news/36101 (дата обращения: 23.10.2026).
11. В Госдуму внесли проект о защите покупателей от «эффекта Долиной» // Коммерсантъ : сайт. — 19.01.2026. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8362233 (дата обращения: 23.10.2026).
12. Законопроект о защите покупателей от «схемы Долиной» сочли избыточным // РАПСИ : сайт. — 18.05.2026. — URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20260518/311850156.html (дата обращения: 23.10.2026).
13. Депутаты подготовили законопроекты о защите покупателей жилья от «схемы Долиной» // Вести.ру : сайт. — 21.05.2026. — URL: https://www.vesti.ru/ns/deputaty-podgotovili-zakonoproekty-o-zashchite-pokupatelej-zhilya-ot-skhemy-dolinoj (дата обращения: 23.10.2026).
14. Заблуждение о мотивах не разрушает сделку: юристы оценили решение ВС по делу Долиной и Лурье // Право.ru : сайт. — 18.12.2025. — URL: https://pravo.ru/story/261762/ (дата обращения: 23.10.2026).
15. Госдума приняла в I чтении законопроект о публичных сервитутах // ПРАЙМ : сайт. — 22.10.2026. — URL: https://1prime.ru/20261022/gosduma-874516722.html (дата обращения: 23.10.2026).

Аренда земельного участка в 2026 году: условия действительности договора, права сторон и оспаривание с учётом дела Долиной

Дроздов Сергей Игоревич, студент магистратуры
Научный руководитель: Погосян Алла Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

В статье рассматриваются условия действительности договора аренды земельного участка, права и обязанности арендодателя и арендатора, а также основания и особенности оспаривания договора с учётом правовых подходов, связанных с делом Долиной. Анализируются актуальные аспекты гражданско-правового регулирования арендных отношений в 2026 году.

Ключевые слова: *аренда земельного участка, договор аренды, действительность договора, арендодатель, арендатор, оспаривание сделки, судебная практика.*

Lease of a land plot in 2026: conditions for the validity of the contract, rights of the parties, and contestation with regard to the Dolina case

The article examines the conditions for the validity of a land lease agreement, the rights and obligations of the landlord and the tenant, as well as the grounds and specifics of challenging the agreement, taking into account the legal approaches related to the Dolina case. The current aspects of the civil law regulation of lease relations in 2026 are analysed.

Keywords: *land lease, lease agreement, validity of the agreement, landlord, tenant, challenging a transaction, judicial practice.*

Аренда земельного участка регулируется § 1 гл. 34 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [1] (ст. 606–625) и ст. 22 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) [2]. Для публичных участков действуют также нормы гл. V.1 ЗК РФ (ст. 39.6, 39.8, 39.11) о предоставлении на торгах и без торгов. Регистрацию прав определяет Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ [3], обороту сельскохозяйственных земель посвящён Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ [4]. Земельный кодекс действует в редакции от 04.08.2026 с изменениями, вступившими в силу с 01.09.2026 [12]. Недействительность договора и её последствия регулирует гл. 9 ГК РФ (ст. 166–181).

Условие об объекте аренды должно содержать данные, позволяющие определённо установить передаваемый участок; без них договор считается незаключённым (п. 3 ст. 607 ГК РФ). Участок индивидуализируется кадастровым номером, площадью, адресом и границами. При аренде части участка в договор включают описание этой части, иначе объект остаётся неопределённым.

Арендатор обязан использовать участок в соответствии с условиями договора и целевым назначением (ст. 615 ГК РФ, ст. 42 ЗК РФ). Категория земель и вид разрешённого использования задают пределы, выходить за которые арендатору запрещено, а нарушение даёт арендодателю основание для расторжения.

Права третьих лиц на участок не препятствуют аренде, но арендодатель обязан предупредить о них арендатора. При нарушении этой обязанности арендатор вправе требовать снижения арендной платы или расторжения договора (ст. 613 ГК РФ). К таким правам относятся ипотека, сервитуты, зоны с особыми условиями использования территории и права других арендаторов. Следует отметить, что регулирование сервитутов и зон меняется: 22.10.2026 Госдума приняла в первом чтении законопроект о публичных сервитутах и зонах с особыми условиями использования территории [11].

Сдавать участок в аренду вправе собственник либо лицо, управомоченное законом или собственником (ст. 608 ГК РФ). Если участок принадлежит нескольким лицам на праве общей долевой собственности, распоряжение им осуществляется по соглашению всех участников (ст. 246 ГК РФ). Заложенный участок передаётся в аренду с согласия залогодержателя (п. 2 ст. 346 ГК РФ).

Сдача в аренду имущества несовершеннолетнего или недееспособного собственника требует предварительного разрешения органа опеки и попечительства (ст. 26, 37 ГК РФ). Судебная практика признаёт право законного представителя собственника-несовершеннолетнего заключить такой договор, как показывает определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.08.2023 № 88–20446/2023 [13].

Участок, приобретённый в браке по возмездной сделке, входит в совместную собственность супругов — ст. 256 ГК РФ, ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ). По буквальному тексту п. 3 ст. 35 СК РФ нотариально удостоверенное согласие второго супруга необходимо для сделок, подлежащих государственной регистрации, поэтому при аренде от года и более его целесообразно получить.

Долги арендодателя тоже имеют значение. Договор аренды по цене ниже рыночной, заключённый незадолго до банкротства арендодателя, оспаривается как сделка с неравноценным встречным исполнением (ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ).

Иностранные граждане и лица без гражданства вправе арендовать участки наравне с гражданами РФ, за исключением случаев, установленных федеральными законами (ст. 22 ЗК РФ). Земли сельскохозяйственного назначения доступны им только на праве аренды (ст. 3 Закона № 101-ФЗ). Ограничения для приграничных и иных особо установленных территорий определяются ст. 15 ЗК РФ.

Арендатор вносит арендную плату, использует участок по назначению, поддерживает его в надлежащем состоянии и возвращает после окончания договора (ст. 614–616, 622 ГК РФ).

Субаренда допускается без согласия арендодателя при условии его уведомления, если договор не содержит запрета; срок субаренды не может превышать срок основного договора (п. 5 ст. 22 ЗК РФ). При аренде публичного участка на срок более пяти лет арендатор вправе передать свои права и обязанности третьему лицу без согласия арендодателя при условии уведомления (п. 9 ст. 22 ЗК РФ).

Договор аренды земельного участка заключается в письменной форме, если срок превышает год, а при участии юридического лица — независимо от срока (ст. 609 ГК РФ). Договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключённым с момента регистрации (п. 3 ст. 433 ГК РФ). Регистрация не требуется при сроке менее года, что подтверждается постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.06.2024 № 09АП-24175/2024 [13]. Срок регистрации составляет семь рабочих дней при подаче в Росреестр и девять через МФЦ (ст. 16 Закона № 218-ФЗ). Нотариальное удостоверение для аренды не требуется.

Срок аренды определяется договором. Если срок не указан, договор считается заключённым на неопределённый срок и каждая сторона вправе отказаться от него, предупредив другую за три месяца (п. 2 ст. 610 ГК РФ). Для публичных участков предельные сроки аренды зависят от цели предоставления и закреплены в ст. 39.8 ЗК РФ.

Размер арендной платы является существенным условием договора аренды земельного участка (ст. 22 ЗК РФ). Изменение размера по соглашению сторон допускается не чаще одного раза в год (п. 3 ст. 614 ГК РФ). Изменение условий договора без согласия арендатора и ограничение его прав не допускаются (ст. 22 ЗК РФ).

Смена собственника участка не прекращает аренду: договор сохраняется для нового владельца (ст. 617 ГК РФ). Арендодатель вправе требовать досрочного расторжения, если арендатор существенно нарушает условия договора, ухудшает участок или не вносит плату более двух раз подряд после истечения срока платежа, при условии письменного предупреждения об исполнении в разумный срок (ст. 619 ГК РФ). Арендатор вправе требовать расторжения при невозможности использовать участок по вине арендодателя (ст. 620 ГК РФ). Принудительное прекращение права аренды в публично-правовых случаях регулируется ст. 45 и 46 ЗК РФ.

По истечении срока добросовестный арендатор имеет преимущественное право на заключение договора на новый срок (п. 1 ст. 621 ГК РФ). Если арендатор продолжает пользоваться участком без возражений арендодателя, договор возобновляется на неопределённый срок (п. 2 ст. 621 ГК РФ).

Позиция Верховного Суда РФ по делу Долиной сформулирована по договору купли-продажи квартиры. Определением Судебной коллегии по гражданским делам от 16.12.2025 № 5-КГ25–174-К2 [7] отменены решения, возвращавшие квартиру продавцу, обманутому мошенниками [10]. Суд указал следующее:

— заблуждение о мотивах и последствиях сделки не влечёт её недействительности по ст. 178 ГК РФ;

— суд выясняет, мог ли контрагент распознать заблуждение при обычной осмотрительности;

— обман продавца третьим лицом является основанием для оспаривания по абз. 3 п. 2 ст. 179 ГК РФ лишь тогда, когда другая сторона знала или должна была знать об обмане;

— при признании сделки недействительной применяется двусторонняя реституция.

В июле 2026 года Верховный Суд РФ опубликовал обзор практики по оспариванию сделок с недвижимостью (двадцать позиций за 2022–2025 годы), в котором закреплено, что сожаление продавца не отменяет сделку, а психическое состояние оценивается на момент подписания договора [8].

Прямых разъяснений Верховного Суда РФ о применении этой позиции к аренде земельных участков в просмотренных источниках нет. Вывод о её применимости основан на том, что ст. 167, 178 и 179 ГК РФ относятся ко всем договорам независимо от предмета. Риски аренды отличаются от рисков продажи: арендодатель сохраняет право собственности, поэтому потеря участка по «схеме Долиной» ему не грозит. Оспаривание типично для долгосрочных договоров, заключённых пожилыми собственниками, и для договоров с предоплатой арендных платежей, где доводы о заблуждении или давлении мошенников поддерживают родственники. В этих спорах суд оценивает осмотрительность арендатора: размер арендной платы относительно рыночной, личное участие собственника, способ расчётов.

Арендатору для подтверждения добросовестности целесообразно получить выписку ЕГРН на участок, лично встретиться с собственником, зафиксировать обоснование размера арендной платы и осуществлять платежи безналичным способом.

Договор аренды земельного участка действителен, если объект определён, арендодатель вправе распоряжаться участком и получил необходимые согласия, соблюдены письменная форма и регистрация, а условия о сроке и арендной плате согласованы. Сохранение аренды при смене собственника и преимущественное право на продление обеспечивают арендатору устойчивость положения, но расторжение по ст. 619 ГК РФ остаётся основным риском при просрочке платежей. Позиция Верховного Суда РФ по делу Долиной переносится на аренду через общие нормы об оспаривании сделок, и в таких спорах решающее значение имеет осмотрительность арендатора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая и вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 29, ч. I. — Ст. 4344.
4. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения : Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3018.
5. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2003 № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 17. — Ст. 1657.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25–174-К2 // ЮИС Легалакт : сайт. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16122025-n-5-kg25-174-k2-2-3872025-uid-77rs0030-02-2024-006532-55/ (дата обращения: 23.10.2026).
8. Верховный Суд РФ по поручению Игоря Краснова сформировал единые подходы по делам об оспаривании сделок с жильём // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. — 01.07.2026. — URL: https://vsrf.ru/press_center/news/36101/ (дата обращения: 23.10.2026).
9. В Госдуму внесли проект о защите покупателей от «эффекта Долиной» // Коммерсантъ : сайт. — 19.01.2026. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8362233 (дата обращения: 23.10.2026).
10. Законопроект о защите покупателей от «схемы Долиной» сочли избыточным // РАПСИ : сайт. — 18.05.2026. — URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20260518/311850156.html (дата обращения: 23.10.2026).
11. Депутаты подготовили законопроекты о защите покупателей жилья от «схемы Долиной» // Вести.ру : сайт. — 21.05.2026. — URL: https://www.vesti.ru/ns/deputaty-podgotovili-zakonoproekty-o-zashchite-pokupatelej-zhilya-ot-skhemy-dolinoj (дата обращения: 23.10.2026).

12. Заблуждение о мотивах не разрушает сделку: юристы оценили решение ВС по делу Долиной — Лурье // Право.ru : сайт. — 18.12.2025. — URL: https://pravo.ru/story/261762/amp/ (дата обращения: 23.10.2026).
13. Верховный суд разъяснил правила оспаривания сделок после «дела Долиной» // Яндекс Недвижимость : сайт. — 16.07.2026. — URL: https://realty.yandex.ru/journal/post/verhovnyy-sud-razyasnil-pravila-osparivaniya-sdelok-posle-dela-dolinoy/ (дата обращения: 23.10.2026).
14. Госдума приняла в I чтении законопроект о публичных сервитутах // ПРАЙМ : сайт. — 22.10.2026. — URL: https://1prime.ru/20261022/gosduma-874516722.html (дата обращения: 23.10.2026).
15. Статья 22 ЗК РФ. Аренда земельных участков // КонсультантПлюс : сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/0d8d747e3b9275980d0ee41932e25b2591a0ab2a/ (дата обращения: 23.10.2026).
16. Аренда земельного участка: что нужно знать о сделке // Law.ru : сайт. — URL: https://www.law.ru/article/22040-arenda-zemelnogo-uchastka (дата обращения: 23.10.2026).

Роль и значение результатов экологической экспертизы в законодательном процессе в Российской Федерации

Дудина Анна Николаевна, студент магистратуры
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Исследование посвящено роли и значению результатов государственной экологической экспертизы в законодательном процессе в Российской Федерации с учетом изменения законодательного подхода к экологической экспертизе проектов правовых актов. На примерах федеральной и региональной практики раскрывается влияние экспертных заключений на принятие решений в сфере природопользования. Автором обосновывается вывод об опосредованном характере такого влияния, поскольку экологической экспертизе подвергаются лишь отдельные документы и материалы, определяющие содержание последующих публично-правовых решений.

Ключевые слова: *государственная экологическая экспертиза, заключение экологической экспертизы, законодательный процесс, проекты нормативных правовых актов, природопользование.*

Принятие нормативно-правовых актов и изменений в законодательстве нередко способны оказывать влияние на состояние окружающей среды. При этом такие нормативные правовые акты могут быть не связаны непосредственно с природоохранной деятельностью, а вносить изменения законодательства в сфере промышленности, строительства, энергетики, транспорта, землепользования и территориального развития. С учетом того, что закрепляемые нормативными правовыми актами положения способны определять условия последующей хозяйственной деятельности, характер использования природных ресурсов и объем экологических обязанностей соответствующих субъектов, то предварительная оценка проектов нормативных правовых актов должна учитывать не только их соответствие действующей правовой системе, но и возможные экологические последствия реализации предлагаемого регулирования [2]. Этим обусловлена необходимость исследования роли и значения результатов экологической экспертизы в законодательном процессе Российской Федерации.

Первоначальная редакция Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [8] исходила из значительно более широкого понимания объектов экспертной оценки. В частности, ст. 11 относила к объектам государственной экологической экспертизы федерального уровня проекты правовых актов Российской Федерации нормативного и ненормативного характера, реализация которых могла привести к негативному воздействию на окружающую природную среду, а также проекты нормативно-технических и инструктивно-методических документов, регламентирующих хозяйственную и иную деятельность, способную оказывать воздействие на окружающую среду. Подобная конструкция означала, что предметом государственной экологической экспертизы мог выступать не только документ, обосновывающий конкретную хозяйственную деятельность, но и само проектируемое правовое решение, если его реализация потенциально создавала экологически значимые последствия. Такое законодательное решение непосредственно связывало экологическую экспертизу с правотворческим процессом и основанием для проведения экспертной оценки являлась не принадлежность документа к определенному техническому или проектному виду, а способность его реализации повлечь неблагоприятное воздействие на окружающую среду. С учетом такого правового регулирования проект нормативного правового акта мог рассматриваться в качестве самостоятельного объекта государственной экологической экспертизы.

Существенное изменение данной модели произошло в 2006 г. Федеральным законом от 18 декабря 2006 г.

№ 232-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] статья 11 Федерального закона № 174-ФЗ была изложена в новой редакции. Из перечня объектов государственной экологической экспертизы была исключена общая категория проектов правовых актов Российской Федерации нормативного и ненормативного характера, реализация которых могла привести к негативному воздействию на окружающую среду. Вместе с тем в новой редакции сохранились отдельные виды документов, имеющих программный либо нормативно-технический характер, например, проекты нормативно-технических и инструктивно-методических документов в области охраны окружающей среды и проекты федеральных целевых программ, отвечавшие установленным законом условиям. Указанные изменения принципиально изменили сам подход к определению объектов государственной экологической экспертизы. Если первоначальная редакция закона позволяла поставить вопрос об экологической экспертизе проекта правового акта исходя из потенциальных последствий его реализации, то после реформы законодатель перешел к более конкретному перечню документов и документации, прямо названных в законе. В последующем состав таких объектов неоднократно изменялся и уточнялся [3], однако проекты нормативных правовых актов как общая самостоятельная категория в статье 11 Федерального закона № 174-ФЗ теперь отсутствуют.

Современное правовое регулирование государственной экологической экспертизы не предусматривает универсальной процедуры экспертной оценки проектов нормативных правовых актов, однако данное обстоятельство не означает полного отсутствия связи между результатами экологической экспертизы и правотворческой деятельностью. Такая связь сохраняется применительно к отдельным объектам государственной экологической экспертизы, результаты рассмотрения которых используются при подготовке, принятии или утверждении последующих публично-правовых решений. В отличие от первоначальной модели Федерального закона № 174-ФЗ, при которой проект правового акта, способный повлечь негативное воздействие на окружающую среду, мог самостоятельно выступать объектом экспертизы, современное законодательство преимущественно связывает проведение соответствующей процедуры с конкретными видами документов и документации, прямо предусмотренными законом.

Подобная конструкция требует разграничения непосредственного и опосредованного воздействия экологической экспертизы на правотворческий процесс. Непосредственная экспертиза проекта нормативного правового акта в качестве самостоятельного объекта в общем порядке действующим законодательством не осуществляется. Вместе с тем отдельные документы, прошедшие государственную экологическую экспертизу, могут определять фактические и экологические параметры последующего решения органа государственной власти. В подобных случаях экспертное заключение относится не к тексту нормативного правового акта, а к документам, на основании которых формируется его содержание, вследствие чего результаты экспертизы получают значение на предшествующей стадии подготовки публично-правового решения.

Наиболее отчетливо рассматриваемая связь проявляется на региональном уровне. Хотя объектом экспертизы в данном случае является именно проект соответствующего документа, а не проект нормативного правового акта как юридическая форма, последовательность осуществляемых действий позволяет рассматривать государственную экологическую экспертизу в качестве одного из элементов подготовки отдельных публично-правовых решений.

Практическое значение такого механизма может быть рассмотрено на примере установления лимитов добычи охотничьих ресурсов. В соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] лимит добычи охотничьих ресурсов утверждается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Формированию соответствующего решения предшествует подготовка материалов, обосновывающих объемы допустимого изъятия ресурсов, которые в предусмотренных законодательством случаях проходят экологическую оценку и государственную экологическую экспертизу. В результате орган публичной власти принимает решение об объемах природопользования не произвольно, а на основании предварительно подготовленных и исследованных материалов, содержащих экологическое обоснование соответствующих параметров.

Региональная практика позволяет непосредственно проследить указанную взаимосвязь. Так, в Томской области в 2025 г. была проведена государственная экологическая экспертиза «Материалов обоснования лимитов добычи охотничьих ресурсов на период с 1 августа 2025 года до 1 августа 2026 года», по результатам которой выдано положительное заключение [1], в результате чего было принято Распоряжение Губернатора Томской области от 17 июля 2025 г. № 197-р «Об утверждении лимита добычи охотничьих ресурсов на период с 1 августа 2025 года до 1 августа 2026 года на территории Томской области» [5]. Показательным также является вынесенный на общественные обсуждения проект Указ Раиса Республики Татарстан от 24.07.2026 № 622 «Об утверждении лимита добычи охотничьих ресурсов на территории Республики Татарстан на период с 1 августа 2026 года до 1 августа 2027 года» [6] одновременно с материалами, обосновывающими лимит и квоты добычи. Целью прямо указано утверждение объемов добычи охотничьих ресурсов. Аналогичная конструкция применялась в Саратовской области, в которой рассматривались проект постановления Губернатора об утверждении лимитов и квот [4] и мате-

риалы, их обосновывающие, с оценкой воздействия на окружающую среду.

Приведенные примеры свидетельствуют о существовании правовой конструкции, при которой экологической экспертизе подвергается не сам будущий нормативный или иной публично-правовой акт, а документация, определяющая допустимые параметры закрепляемого им решения. Экологическая экспертиза в таких случаях выполняет функцию предварительного экологического обоснования деятельности правотворческого органа. Ее результаты позволяют установить допустимость предлагаемых объемов использования природных ресурсов, выявить возможные последствия предполагаемого решения и определить условия, при которых соответствующая деятельность не выходит за установленные экологические пределы. После завершения экспертной процедуры данные параметры получают юридическое закрепление посредством принятия компетентным органом соответствующего правового акта. Следовательно, юридическая связь между экспертным заключением и нормативным решением возникает не вследствие совпадения их объектов, а вследствие функциональной зависимости содержания последующего правового акта от экологически обоснованных исходных данных.

Сходный механизм может проявляться и при экспертизе иных документов в сфере природопользования. Материалы, определяющие допустимые объемы изъятия природных ресурсов, проекты документов экологического характера, отдельные программные и иные предусмотренные законодательством документы проходят экспертную оценку до принятия соответствующего решения органом публичной власти. Полученное заключение в таком случае ограничивает пространство дальнейшего усмотрения теми экологическими параметрами, которые были признаны допустимыми по результатам экспертизы. При этом далеко не каждый объект государственной экологической экспертизы обладает подобной связью с правотворчеством, поскольку значительную часть установленного законом перечня составляет проектная и техническая документация конкретных объектов хозяйственной деятельности, реализация которой не предполагает последующего принятия нормативного правового акта.

Различие между указанными группами объектов позволяет точнее определить роль экологической экспертизы в законодательном и более широком правотворческом процессе. Ее влияние носит специальный характер и возникает только в тех случаях, когда прошедший экспертизу документ используется как основание для последующего публично-правового решения либо подлежит утверждению органом государственной власти. В иных случаях государственная экологическая экспертиза выполняет традиционную функцию предварительной проверки экологической допустимости конкретной хозяйственной или иной деятельности и непосредственного отношения к правотворчеству не имеет. Поэтому было бы неверно рассматривать всю систему государственной экологической экспертизы как составную часть законодательного процесса.

Определенное значение в рассматриваемом аспекте имеет и федеральный уровень, где экологической экспертизе могут подлежать материалы, устанавливающие экологически допустимые параметры использования природных ресурсов. В частности, государственная экологическая экспертиза проводится в отношении материалов, обосновывающих общий допустимый улов водных биологических ресурсов. Заключение по таким материалам непосредственно не представляет собой нормативное регулирование, однако содержащиеся в нем выводы используются при последующем определении допустимых объемов природопользования компетентными органами. Подобная практика подтверждает, что современная экологическая экспертиза способна оказывать влияние на содержание публично-правовых решений даже при отсутствии прямой экспертизы проекта нормативного правового акта.

Результаты государственной экологической экспертизы в подобных отношениях имеют значение не только как источник специальной информации, но и как юридически значимая предпосылка дальнейшего движения соответствующего проекта документа или принятия связанного с ним решения. Положительное заключение государственной экологической экспертизы подтверждает соответствие объекта установленным экологическим требованиям и тем самым создает возможность его последующей реализации в предусмотренном законом порядке. Отрицательное заключение, напротив, препятствует реализации объекта в представленной редакции и обусловливает необходимость его переработки. Если такой объект должен впоследствии получить утверждение со стороны органа публичной власти, результат экспертизы объективно воздействует и на содержание дальнейшего решения, поскольку документ, не получивший положительной оценки, не может использоваться в первоначальном виде в качестве полноценной основы его принятия.

Рассматриваемая модель позволяет сделать вывод о специфическом характере участия государственной экологической экспертизы в современной правотворческой деятельности. Экспертная процедура преимущественно перемещена с уровня проверки самого нормативного решения на уровень оценки документов и материалов, которые предшествуют его принятию и в определенных случаях определяют его содержание. Вследствие этого экологическое экспертное воздействие на правотворчество приобретает опосредованный характер, согласно которой профессиональной оценке подвергаются экологически значимые исходные данные и документы, после чего соответствующие выводы учитываются при формировании юридически обязательного решения.

Указанное обстоятельство имеет принципиальное значение для определения места экологической экс-

пертизы в законодательном процессе Российской Федерации. Действующая система не может быть охарактеризована как механизм экологической экспертизы нормативных правовых актов в собственном смысле, поскольку проект НПА не образует универсального самостоятельного объекта государственной экологической экспертизы. Одновременно было бы необоснованным утверждать, что экологическая экспертиза полностью исключена из сферы подготовки нормативных и иных публично-правовых решений. Отдельные предусмотренные законом объекты экспертизы непосредственно связаны с такими решениями и позволяют обеспечить предварительную экологическую проверку фактической основы, на которой впоследствии формируется воля компетентного органа.

Таким образом, влияние государственной экологической экспертизы на законодательный и правотворческий процесс в современном российском праве имеет фрагментарный и опосредованный характер. Государственная экологическая экспертиза не охватывает проекты нормативных правовых актов в качестве общей категории, однако ее результаты могут становиться юридически и фактически значимой предпосылкой принятия отдельных публично-правовых решений в тех случаях, когда объектом экспертизы выступает документ, подлежащий последующему утверждению органом государственной власти либо определяющий содержание принимаемого им решения. Наиболее отчетливо соответствующая взаимосвязь проявляется на региональном уровне при экспертизе проектов документов в области охраны окружающей среды и природопользования, а также при подготовке решений, определяющих допустимые параметры использования природных ресурсов. Подобная конструкция свидетельствует о сохранении экологической экспертизы как одного из инструментов предварительного экологического обеспечения правотворческой деятельности, однако сфера ее применения определяется специальным перечнем объектов и не распространяется автоматически на все нормативные решения, способные оказывать воздействие на окружающую среду.

Литература:

1. Информация о проведении и результатах государственной экологической экспертизы — URL: https://depnature.tomsk.gov.ru/eco-expertise (дата обращения 27.09.2026).
2. Определение значительности экологических аспектов деятельности: методические указания к проведению практических работ по дисциплине «Экологическая экспертиза, ОВОС и сертификация» / Юго-Зап. гос. ун-т; сост.: В. В. Протасов, В. В. Юшин, И. О. Кирильчук. Курск, 2021. 13 с.
3. Попова, О. В. Объект экологической экспертизы / О. В. Попова // Аграрное и земельное право. — 2026. — № 6. — С. 90–92.
4. Постановление Губернатора Саратовской области от 31.07.2026 № 206 «Об утверждении лимитов и квот добычи охотничьих ресурсов на территории Саратовской области, за исключением лимитов и квот добычи в отношении охотничьих ресурсов, находящихся на особо охраняемых природных территориях федерального значения, на период с 1 августа 2026 года до 1 августа 2027 года» — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/6400202608040004 (дата обращения 27.09.2026).
5. Распоряжение Губернатора Томской области от 17 июля 2025 г. N 197-р «Об утверждении лимита добычи охотничьих ресурсов на период с 1 августа 2025 года до 1 августа 2026 года на территории Томской области» — URL: https://tomsk.gov.ru/documents/front/view/id/107753 (дата обращения 27.09.2026).
6. Указ Раиса Республики Татарстан от 24.07.2026 № 622 «Об утверждении лимита добычи охотничьих ресурсов на территории Республики Татарстан на период с 1 августа 2026 года до 1 августа 2027 года» — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/1600202607280001?ysclid=mujh2pmz7c62333785 (дата обращения 27.09.2026).
7. Федеральный закон от 18.12.2006 № 232-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5498.
8. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 48. Ст. 4556.
9. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 30. Ст. 3735.

Зарубежный опыт экологической оценки проектов нормативных правовых актов

Дудина Анна Николаевна, студент магистратуры
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается зарубежный опыт экологической оценки проектов нормативных правовых актов. Автором анализируются международные и европейские подходы к стратегической экологической оценке, а также практика Канады и США по учёту экологических последствий при подготовке государственных решений и законодательных предложений. Раскрывается значение предварительного отбора экологически значимых проектов, рассмотрения альтернатив и участия общественности, а также определяются элементы зарубежного опыта, которые могут быть использованы при формировании российской модели экологической экспертизы в законодательном процессе.

Ключевые слова: *экологическая экспертиза, стратегическая экологическая оценка, проекты нормативных правовых актов, зарубежный опыт.*

Вопрос об экологической экспертизе проектов нормативных правовых актов имеет значение с точки зрения развития российского законодательства. Обязательная процедура экологической экспертизы проектов нормативных правовых актов на федеральном уровне в настоящее время отсутствует, хотя способность законодательных решений создавать экологически значимые последствия сохраняется. Однако отсутствие самостоятельной процедуры экологической экспертизы законопроектов не устраняет объективную потребность в соответствующей оценке. Усложнение хозяйственного регулирования приводит к тому, что экологические риски могут формироваться не только вследствие прямого изменения природоохранных требований, но и посредством корректировки смежных отраслей законодательства. Подобные последствия не всегда могут быть установлены в рамках обычной правовой экспертизы, поскольку формальное соответствие проекта законодательству не дает ответа на вопрос о влиянии регулирующего механизма на состояние окружающей среды. Возникающее противоречие между экологической значимостью нормативных решений и отсутствием специального экспертного механизма представляет собой один из вопросов, имеющих значение для дальнейшего совершенствования правового регулирования. С учетом этого имеется необходимость исследования зарубежного опыта экологической оценки проектов нормативных правовых актов.

Зарубежный опыт экологической оценки нормативных решений формировался преимущественно в рамках концепции стратегической экологической оценки, которая отличается от традиционной оценки воздействия конкретной хозяйственной деятельности более высоким уровнем обобщения. Если проектная экологическая оценка ориентирована на отдельный объект, строительство или иной вид деятельности, то стратегическая оценка применяется к решениям, определяющим общие направления государственной политики, планы, программы и иные документы, способные повлиять на последующее развитие соответствующей сферы. Для законодательного процесса подобный подход имеет особое значение, поскольку позволяет анализировать не отдельный объект воздействия, а нормативные предпосылки, создаваемые государством для дальнейшей хозяйственной и иной деятельности.

Одним из наиболее значимых международных документов в данной сфере является Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [3], принятый в 2003 году. Его положения направлены на обеспечение высокого уровня охраны окружающей среды посредством включения экологических требований в подготовку планов и программ, а также учета экологических факторов при разработке политики и законодательства. Подход, закрепленный в Протоколе, представляет интерес тем, что экологическая оценка рассматривается не как заключительная проверка уже сформированного решения, а как элемент его подготовки, позволяющий учитывать возможные последствия до окончательного утверждения соответствующего документа.

Применительно к планам и программам стратегическая экологическая оценка предполагает проведение последовательной процедуры, включающей определение возможных экологических последствий, подготовку соответствующего доклада, рассмотрение альтернатив и участие заинтересованной общественности. В отношении политики и законодательства международный подход является менее формализованным, поскольку государства не обязаны проводить идентичную процедуру применительно к каждому нормативному решению. Вместе с тем закрепляется общий принцип необходимости интеграции экологической составляющей в процесс разработки правовых и управленческих актов. Подобная конструкция учитывает специфику законодательной деятельности, где далеко не каждый проект способен оказывать существенное воздействие на окружающую среду, а характер возможных последствий может значительно различаться в зависимости от предмета регулирования.

Значительное развитие стратегическая экологическая оценка получила в праве Европейского союза. Директива 2001/42/ЕС [2] предусматривает оценку экологических последствий определенных планов и программ, способных создавать рамки для последующего разрешения хозяйственных проектов. Сфера ее действия не ограничивается

документами, утверждаемыми административными органами, поскольку определенные планы и программы могут приниматься в том числе в законодательной форме. В результате необходимость экологической оценки определяется не только формой соответствующего документа, но и его содержанием и потенциальным воздействием на окружающую среду. Для законодательного процесса данный подход представляет практический интерес, поскольку позволяет избежать ситуации, при которой использование формы закона само по себе исключало бы необходимость предварительного экологического анализа.

Важной особенностью европейского подхода является исследование возможных альтернатив предлагаемому решению. Экологическая оценка не ограничивается установлением того, способен ли рассматриваемый документ вызвать негативные последствия, поскольку анализируется также возможность достижения поставленной цели иными средствами, связанными с меньшей экологической нагрузкой. Законодатель нередко обладает несколькими вариантами регулирования одной и той же общественной проблемы, поэтому экспертное исследование может быть направлено не только на выявление недостатков конкретного проекта, но и на сопоставление его с иными допустимыми моделями правового регулирования [5].

Существенное место в зарубежной практике занимает участие общественности в экологической оценке стратегических решений [4]. Заинтересованным лицам предоставляется возможность ознакомиться с материалами оценки и представить свои замечания до окончательного утверждения соответствующего документа. Значение данного механизма обусловлено тем, что экологические последствия решений способны затрагивать широкий круг лиц и территории, а часть фактической информации может быть известна непосредственно населению или профессиональным объединениям. Вместе с тем общественное участие не заменяет экспертного исследования, а дополняет его, позволяя расширить объем информации, которой располагает орган, принимающий окончательное решение.

Наряду с общеевропейской моделью интерес представляет практика отдельных государств, в которых экологическая оценка интегрирована непосредственно в процесс подготовки государственных и регулирующих решений. В Канаде стратегическая экологическая оценка применяется к ряду проектов политик, программ и иных предложений, направляемых на рассмотрение федеральных органов исполнительной власти. В современной модели экологические и экономические последствия анализируются в рамках единого процесса обоснования решения, что позволяет учитывать экологический фактор одновременно с иными результатами предполагаемого регулирования. Отдельное значение имеет последующее раскрытие информации о том, каким образом выявленные последствия были приняты во внимание при подготовке окончательного решения.

Канадский опыт показывает, что экологическая оценка нормативного решения необязательно должна существовать в форме отдельной государственной экспертизы, полностью обособленной от процесса его подготовки. Она может быть встроена в деятельность органа-разработчика при условии установления единых критериев анализа и требований к результатам такой оценки. Подобная модель позволяет проводить исследование на ранней стадии, когда содержание проекта еще может быть скорректировано без значительных организационных и политических издержек. Одновременно возникает необходимость обеспечения достаточной объективности оценки, поскольку проведение исследования самим разработчиком способно создавать риск формального подтверждения уже выбранного варианта регулирования [6].

Иной подход получил развитие в Соединенных Штатах Америки, где экологическое законодательство предусматривает возможность подготовки материалов об экологических последствиях отдельных законодательных предложений федеральных органов. Соответствующая информация включается в материалы, сопровождающие предложение при его направлении в Конгресс, и может использоваться при последующем парламентском рассмотрении. Американская модель не устанавливает универсальной экологической экспертизы каждого законопроекта, однако демонстрирует возможность непосредственного соединения экологического анализа с законодательной инициативой. Результаты оценки при этом выполняют информационную функцию и позволяют учитывать вероятные экологические последствия одновременно с иными обстоятельствами, имеющими значение для принятия решения [1].

Сопоставление зарубежных моделей позволяет установить несколько общих элементов, характерных для экологической оценки стратегических и нормативных решений. Прежде всего исследование проводится до окончательного утверждения проекта, поскольку после вступления соответствующего регулирования в силу предупредительное значение экспертизы существенно уменьшается. Значительное внимание уделяется предварительному определению существенности возможного воздействия, что позволяет не распространять развернутую процедуру на нормативные решения, не создающие значимых экологических рисков. Кроме того, предусматривается исследование альтернатив, взаимодействие с заинтересованными субъектами и обязательное доведение результатов оценки до органа, принимающего решение.

Зарубежная практика также показывает необходимость процессуальной связи между проведением оценки и последующим принятием решения. Экологическое заключение сохраняет практический смысл только при условии, что оно подготовлено до завершения работы над проектом и может быть реально использовано при его корректировке. Если оценка осуществляется после окончательного формирования нормативной модели либо ее результаты не подлежат рассмотрению правотворческим органом, процедура приобретает преимущественно формальный характер. По этой причине зарубежные ме-

ханизмы ориентированы на раннее включение экологического анализа в процесс разработки государственной политики и нормативного регулирования.

Таким образом, зарубежный опыт не позволяет выделить единую универсальную модель экологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, однако свидетельствует о формировании общего подхода к учету экологических последствий на стратегическом уровне государственного управления. Международная и европейская практика ориентирована преимущественно на стратегическую экологическую оценку планов и программ с распространением отдельных принципов на политику и законодательство. Для Российской Федерации наибольшее значение имеют такие элементы зарубежного опыта, как ранняя стадия проведения оценки, предварительный отбор экологически значимых проектов, анализ альтернатив и обязательное представление результатов правотворческому органу, что может служить основой для формирования самостоятельной российской модели экологической экспертизы в законодательном процессе.

Литература:

1. Анисимов А. П. Развитие экологического законодательства в США: проблемы и перспективы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 301–309.
2. Директива N 2001/42/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об оценке влияния некоторых планов и программ на окружающую среду» [рус., англ.] (Вместе с «Информацией»..., «Критериями определения степени воздействия»...) (Принята в г. Люксембурге 27.06.2001) — URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/25/direktiva_N_2008_98_es_evropeyskogo_parlamenta_i_soveta/0/direktiva_N_2001_42_es_evropeyskogo_parlamenta_i_soveta.html (дата обращения 26.09.2026).
3. Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Протокол СЭО/SEA Protocol) (Вместе с «Перечнями проектов», «Критериями для определения возможных существенных экологических последствий», «Информациями») (Подписан в г. Киеве 21.05.2003) — URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/58/pravovoe_obespechenie_ekologicheskoy_bezopasnosti_v/0/protokol_po_strategicheskoy_ekologicheskoy_otsenke_k.html?ysclid=mujehew08y451670187 (дата обращения 26.09.2026).
4. Рекомендации о надлежащей практике участия общественности в стратегической экологической оценке // ЕЭК ООН — URL: https://unece.org/DAM/env/eia/Publications/2016/Good_Practice_Recommendations_on_Public_Participation_in_Strategic_Environmental_Assessment/1514366_R_web_ESPOO.pdf (дата обращения 26.09.2026).
5. Ротарь А. А. Правовое регулирование стратегической экологической оценки в Российской Федерации: актуальные проблемы совершенствования: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.2. / Ротарь Александра Андреевна. –М., 2023–212 с.
6. Yu Z, Zhou Y, Zhang Y and Wu Q (2025) Operationalizing strategic environmental assessment under the BBNJ Agreement: legal frameworks, national practices, and implementation pathways. Front. Mar. Sci. 12:1667924. doi: 10.3389/fmars.2025.1667924.

Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни: проблемы квалификации и пути совершенствования статьи 137 УК РФ

Дуюнов Алексей Анатольевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье анализируется статья 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в действующей редакции, включая изменения 2024 и 2026 годов. Рассматриваются предмет посягательства, соотношение со статьей 272.1 УК РФ, позиции Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, судебная статистика за 2018–2025 годы. Выявлены проблемы квалификации и предложены пути совершенствования нормы.

Ключевые слова: *неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, персональные данные, статья 137 УК РФ, квалификация, судебная практика.*

Введение

Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну закреплено в статье 23 Конституции Российской Федерации, а его уголовно-правовую охрану обеспечивает статья 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Цифровизация расширила способы посягательств, а законодательство изменяется быстрее,

чем формируется единообразная практика. Цель статьи — выявить проблемы квалификации и предложить пути совершенствования нормы.

Состав преступления и последние изменения

Часть 1 статьи 137 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо за распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Наиболее строгое наказание по части 1 — лишение свободы на срок до двух лет, по части 2 — до четырех лет, по части 3 — до пяти лет. Часть 2 предусматривает квалифицирующие признаки: использование служебного положения, корыстную заинтересованность, совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Часть 3 устанавливает ответственность за распространение информации о несовершеннолетнем потерпевшем.

Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ введена статья 272.1 УК РФ о незаконном использовании и передаче персональных данных, и статья 137 получила оговорку об исключении этих случаев. Федеральным законом от 26 июля 2026 г. № 251-ФЗ изменена часть 2: в нее включены корыстная заинтересованность и групповое совершение деяния. Хронология изменений статьи приведена в таблице 1. Конкуренция статей 137, 138, 242, 272.1 и 285 УК РФ при посягательствах на изображение человека и персональные данные остается предметом научного анализа [1].

Таблица 1. **Изменения статьи 137 УК РФ**

Федеральный закон	Что изменено
От 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ	Новая редакция части 1
От 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ	Изменена санкция части 1
От 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ	Введена часть 3 об информации о несовершеннолетнем потерпевшем
От 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ	В часть 1 добавлена оговорка о статье 272.1 УК РФ
От 26 июля 2026 г. № 251-ФЗ	Часть 2 дополнена корыстной заинтересованностью и групповым совершением деяния

Проблемы квалификации

Первая проблема связана с предметом посягательства. С. А. Сидоренко отмечает, что часть 1 статьи 137 не охватывает косвенно идентифицирующие, общедоступные и незаконно ставшие общедоступными данные [2]. И. С. Алихаджиева предлагает критерии отграничения частной жизни, личной тайны и персональных данных [3], а А. В. Сидорова обращает внимание на отсутствие законодательного определения семейной тайны [4].

Вторая проблема — границы нормы, определенные Конституционным Судом Российской Федерации. Постановлением от 18 января 2024 г. № 2-П часть 1 статьи 137 УК РФ признана не противоречащей Конституции в выявленном смысле: она не предполагает привлечения родителя несовершеннолетнего к ответственности за использование программы родительского контроля для обеспечения безопасности ребенка. Президиум Верховного Суда Российской Федерации постановлением от 26 июня 2024 г. № 8-П24 отменил приговор по делу, послужившему поводом обращения. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 следует соотносить с этой позицией; А. С. Перина предлагает дополнить их правилом о квалификации сбора сведений с нарушением тайны связи только по статье 137 [5].

Третья проблема — дифференциация ответственности. А. В. Шокур указывает на недостаточную дифференциацию ответственности за сбор и распространение личной и семейной тайны [6], а А. В. Тонян предлагает ввести квалифицирующий признак использования сети «Интернет» [7]. Е. И. Таранина отмечает, что 87 процентов преступлений по статье 137 в 2020–2021 годах совершены с использованием информационных технологий [8], но часть 2 этого признака не содержит.

Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации показывает, что по части 1 статьи 137 УК РФ осуждено 123 человека в 2018 году и 264 человека в 2025 году, всего 1648 человек за восемь лет. По части 2 осуждено от 2 до 17 человек в год, всего 89, по части 3 — ни одного. Динамика осуждения по части 1 показана на рисунке 1. Столь малое число осужденных при высокой латентности указывает на ограниченную эффективность нормы.

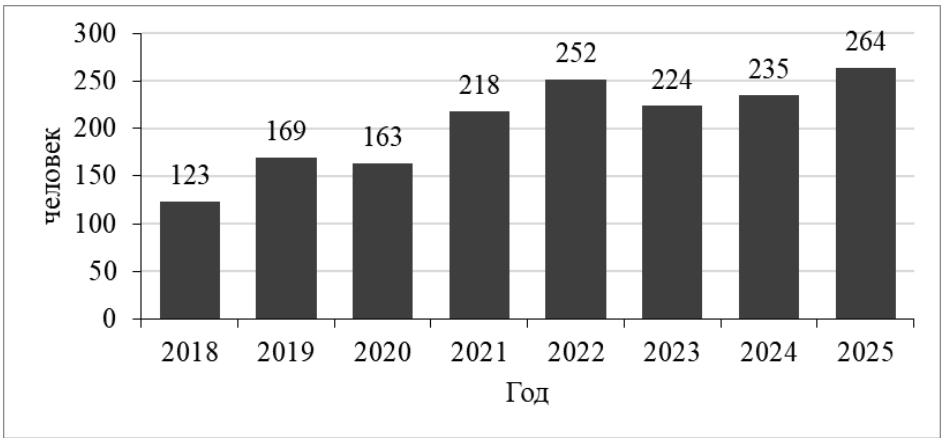

Рис. 1. **Число осужденных по части 1 статьи 137 УК РФ, человек**

Предложения по совершенствованию

Представляется целесообразным: закрепить в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации понятия личной и семейной тайны и учесть правовую позицию Конституционного Суда о родительском контроле; рассмотреть введение квалифицирующего признака использования информационно-телекоммуникационных сетей [7]; уточнить правила разграничения статей 137 и 272.1 УК РФ [1]; усилить защиту биометрических данных и изображений человека.

Заключение

Статья 137 УК РФ остается основной нормой уголовно-правовой охраны частной жизни, однако изменения законодательства 2024 и 2026 годов и правовые позиции высших судов требуют согласования толкования предмета, квалифицирующих признаков и конкуренции с новыми составами. Совершенствование нормы связано с уточнением понятий личной и семейной тайны и расширением квалифицирующих признаков.

Литература:

1. Алексеева Т. С. Изображение человека как предмет преступления: дис.... канд. юрид. наук: 5.1.4. Москва, 2026. 241 с.
2. Сидоренко С. А. Персональные данные как предмет преступления статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 20 (519). С. 419–422.
3. Алихаджиева И. С. Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правоприменителю информацию о личности? // Известия Юго-Западного государственного университета. 2024. Т. 14, № 2. С. 91–106.
4. Сидорова А. В. Концепт «семейная тайна» в российской правовой доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 12. С. 22–33.
5. Перина А. С. Проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 137, 138 УК РФ, совершаемых с использованием компьютерных технологий // Криминалистъ. 2023. № 1 (42). С. 28–34.
6. Шокур А. В. Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на личную и семейную тайну // Юридические исследования. 2025. № 9.
7. Тонян А. В. Преступления, совершаемые в отношении персональных данных: современные способы совершения и вопросы квалификации // Молодой ученый. 2022. № 4 (399). С. 251–253.
8. Таранина Е. И. Современные способы нарушения неприкосновенности частной жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (101). С. 142–150.

Критерии и показатели эффективности политико-правового взаимодействия субъектов управления

Зайцева Тина Вадимовна, студент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается политико-правовое взаимодействие субъектов управления как условие согласованного функционирования публичной власти. Определяются критерии его эффективности: законность, согласованность решений, результативность, прозрачность, подотчётность и участие граждан. Предлагается система качественных и количественных показателей, позволяющая оценивать как результаты, так и качество процедур взаимодействия. Обосновывается необходимость комплексного подхода, учитывающего правовые, организационные и социальные последствия управленческих решений.

Ключевые слова: *политико-правовое взаимодействие, субъекты управления, публичная власть, эффективность управления, критерии оценки, показатели результативности, законность, подотчётность.*

Criteria and indicators of the effectiveness of political-legal interaction between governance actors

Zaytseva Tina Vadimovna, student
Don State Technical University (Rostov-on-don)

The article examines political-legal interaction between governance actors as a condition for coordinated public administration. It identifies key criteria of effectiveness, including legality, consistency of decisions, performance, transparency, accountability and citizen participation. A system of qualitative and quantitative indicators is proposed to assess both outcomes and the quality of interaction procedures. The article argues for an integrated approach that considers the legal, organizational and social consequences of governance decisions.

Keywords: *political-legal interaction, governance actors, public authority, governance effectiveness, evaluation criteria, performance indicators, legality, accountability.*

Современное публичное управление невозможно без постоянного контакта между властью, должностными лицами, институтами гражданского общества и гражданами. Решения одного органа нередко вторгаются в сферу компетенции других участников. Отсюда вывод: эффективность управления зависит не только от того, насколько качественно принято отдельное решение, но и от того, насколько слаженно работает вся система. Размытые полномочия, задержки в обмене информацией и отсутствие ответственности за результат способны ухудшить управление даже при внешне безупречном соблюдении процедур.

Политико-правовое взаимодействие субъектов управления — это набор связей, которые возникают, когда стороны согласуют интересы, готовят решения и вместе выполняют публичные полномочия. Политическая сторона здесь связана с выбором приоритетов, по которым должно развиваться общество. Правовая — с тем, чтобы закрепить, кто за что отвечает, по каким правилам действовать и как нести ответственность. Взаимодействие можно считать эффективным, если решения выполняются слаженно, права граждан не нарушаются, а поставленные цели действительно достигаются.

Значение данной проблематики раскрывается в научных работах М. В. Алексеевой, посвященных государственному управлению, информационному праву и правовому регулированию деятельности органов власти. Исследование государственного управления в сфере охраны культурного наследия позволяет учитывать особенности конкретных областей публичной деятельности, распределение полномочий и необходимость соблюдения правовых требований [1]. Эти положения важны и для оценки взаимодействия субъектов управления, поскольку его эффективность зависит от особенностей регулируемой сферы и установленного порядка реализации полномочий.

Законность управленческих решений — ключевое условие их эффективности. Деятельность органов управления должна соответствовать законодательству, укладываться в установленные процедуры и не вторгаться в сферу компетенции других участников. Оценить это можно по количеству выявленных нарушений, по числу отменённых или признанных незаконными решений, а также по тому, насколько чётко определены полномочия сторон.

Однако количественные данные нужно ещё правильно прочитать. Если нарушений выявлено больше, это не обязательно значит, что ситуация ухудшилась: возможно, просто усилился контроль. Поэтому следует разбираться в причинах нарушений, их последствиях и в том, какие меры приняли для исправления ситуации. Эффективное управление отличается не только соблюдением правовых норм, но и способностью вовремя замечать проблемы и корректировать практику.

Важным инструментом такой оценки является мониторинг. М. В. Алексеева рассматривает его как научную категорию и правовой институт, что позволяет учитывать значение систематического наблюдения за состоянием регулируемых отношений [2]. Применительно к государственному управлению мониторинг предполагает сбор и сопоставление сведений о выполнении решений, соблюдении сроков, возникновении межведомственных разногласий и достижении запланированных результатов.

Мониторинг должен быть связан с практическими управленческими решениями. Для этого необходимо заранее определить критерии оценки, источники информации, периодичность наблюдения и порядок реагирования на выявленные отклонения. Если результаты наблюдения не используются для изменения процедур и устранения недостатков, мониторинг превращается в формальную отчетность и теряет значительную часть своей ценности.

Другим критерием является согласованность действий субъектов управления. Она предполагает четкое распределение обязанностей, своевременное согласование решений и отсутствие необоснованного дублирования функций. Особенно важна согласованность при реализации межведомственных программ и предоставлении государственных услуг.

Согласованность удобно оценивать по срокам согласования документов, доле совместных дел, сделанных вовремя, числу повторяющихся процедур и количеству конфликтов, из-за которых решения не были выполнены. Однако то, что у участников есть разные мнения, само по себе не говорит о неэффективности. Куда важнее, чтобы такие разногласия решались в законном порядке и не затягивали процесс без нужды.

Существенное значение имеет информационная открытость. Доступ к сведениям о деятельности органов власти позволяет гражданам реализовывать свои права, оценивать принимаемые решения и осуществлять общественный контроль. М. В. Алексеева исследует возможности реализации права на доступ к информации и вопросы обеспечения доступа к сведениям о деятельности государственных органов [3; 4]. Эти работы позволяют рассматривать доступность информации как важный критерий качества публичного управления.

Информационная открытость предполагает не только размещение документов, но и обеспечение их актуальности, достоверности и понятности. Показателями могут служить сроки предоставления информации, полнота опубликованных сведений, количество обоснованных жалоб на непредоставление информации и доступность официальных электронных ресурсов. Если необходимые сведения размещены в неудобном формате или своевременно не обновляются, формальное наличие информации не обеспечивает полноценной открытости.

Правовое регулирование информационной деятельности также влияет на качество взаимодействия субъектов управления. В работе М. В. Алексеевой, посвященной законодательным основам информационной деятельности, подчеркивается значение нормативного регулирования работы с информацией [5]. Для органов власти это означает необходимость определять порядок получения, обработки, хранения и передачи сведений, а также ответственность за их достоверность.

Прозрачность должна сочетаться с защитой личных данных и другой информации, доступ к которой ограничен. Иначе говоря, эффективное взаимодействие — это когда общество получает нужные сведения, а закрытые данные при этом не оказываются под угрозой. Если доступ ограничивают без оснований, деятельность органов власти становится менее понятной. Если же защищённые сведения раскрывают неправомерно, это создаёт риск для прав граждан.

Дополнительный импульс для совершенствования взаимодействия даёт цифровизация государственного управления. Электронный документооборот, цифровые реестры и межведомственный обмен данными помогают ускорять процедуры, сокращать повторные запросы документов и обеспечивать прослеживаемость действий должностных лиц.

М. В. Алексеева и И. А. Подройкина рассматривают современные инструменты трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики [6]. М. В. Алексеева и Е. А. Филимонова анализируют особенности трансформации государства под влиянием цифровых технологий [7]. Данные исследования позволяют рассматривать цифровизацию не только как техническое обновление, но и как преобразование способов организации публичного управления.

Вместе с тем внедрение цифровых технологий само по себе не гарантирует повышения эффективности. Если административные процедуры остаются избыточными, обязанности участников не определены, а информационные системы не обеспечивают полноценного обмена данными, существующие проблемы сохраняются и в электронной среде. Поэтому цифровые инструменты должны сопровождаться совершенствованием правового регулирования и организационных механизмов.

Эффективность цифрового взаимодействия можно оценивать по продолжительности предоставления государственных услуг, доле процедур, выполняемых в электронной форме, количеству повторных запросов документов, частоте технических сбоев и удовлетворенности пользователей. При этом необходимо учитывать доступность электронных сервисов для разных категорий граждан и возможность воспользоваться альтернативными способами получения услуг.

Особого внимания заслуживает защищенность информационной среды. В совместной работе М. В. Алексеевой и И. А. Подройкиной рассматриваются правовые аспекты формирования безопасной информационной среды [8]. Для современного государственного управления защита информации является необходимым условием доверия между участниками взаимодействия. Нарушение конфиденциальности или искажение данных может повлиять на законность решений и привести к нарушению прав граждан.

При оценке информационной безопасности учитывают зарегистрированные инциденты, скорость устранения уязвимостей, результаты проверок и наличие процедур реагирования. Однако отсутствие инцидентов не всегда говорит о надёжности системы — иногда это следствие слабого выявления и учёта нарушений. Поэтому количественные показатели должны дополняться анализом организационных мер и качества контроля.

Самостоятельный критерий — результативность взаимодействия, то есть степень достижения поставленных целей. Для её оценки смотрят на долю выполненных мероприятий, сокращение сроков оказания услуг, уменьшение повторных обращений и удовлетворённость граждан. Важно различать непосредственные результаты и долгосрочный общественный эффект. Например, ускорение обработки заявления — это прямой результат, а повышение доступности услуги — более широкий эффект управленческих изменений.

Развитие цифрового государства усиливает необходимость комплексного подхода. М. В. Алексеева и С. В. Рыбак рассматривают трансформацию государственного управления в направлении модели цифрового государства [9], а М. В. Алексеева и Ю. И. Исакова исследуют конституционные аспекты цифровых прав [10]. Эти направления научного анализа подтверждают, что оценка цифровых преобразований должна учитывать не только технологические возможности, но и правовые гарантии, доступность государственных сервисов и защиту прав человека.

Таким образом, эффективность политико-правового взаимодействия следует определять не количеством внедренных технологий, а тем, насколько они обеспечивают законность, согласованность и прозрачность деятельности органов власти. Цифровые инструменты приобретают практическую ценность тогда, когда способствуют сокращению необоснованных процедур, повышению доступности информации и улучшению качества публичных услуг.

Литература:

1. Алексеева М. В. Государственное управление в сфере охраны культурного наследия: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации, 2007.
2. Алексеева М. В. Общее понятие о мониторинге как научной категории и правовом институте // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2015. № 1 (18). С. 9–14.
3. Алексеева М. В. К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях // Современное общество и право. 2012. № 3 (8). С. 29–36.
4. Алексеева М. В. Обеспечение доступа к информации о деятельности государственных органов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 9 (15). С. 58–64.
5. Алексеева М. В. Законодательные основы информационной деятельности в современных условиях // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2012. № 1 (12). С. 69–74.
6. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Современные инструменты трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 4. С. 9–15.
7. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 2. С. 14–21.
8. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 2. С. 24–33.
9. Алексеева М. В., Рыбак С. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12. № 2. С. 16–23.
10. Алексеева М. В., Исакова Ю. И. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 27–30.

Разграничение суггестивного воздействия и манипуляции в уголовном праве

Иванчик Арина Андреевна, студент
Научный руководитель: Хилюта Вадим Владимирович, доктор юридических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

В уголовном праве Республики Беларусь суггестивное воздействие и манипулирование чаще всего выступают как способ совершения преступлений, однако их различие имеет значение для квалификации деяний, связанных с психическим насилием. Ключевое отличие состоит в том, что суггестия (внушение) в уголовно-правовом контексте рассматривается как способ подавления воли потерпевшего, тогда как манипулирование представляет собой скрытое управ-

ление поведением, при котором у жертвы сохраняется иллюзия самостоятельности решения. При суггестии основной акцент делается на то, что жертва неспособна оказать сопротивление в силу измененного состояния психики, при манипулировании — акцент делается на обмане, использующем естественные психологические механизмы.

Ключевые слова: *психика, суггестивное воздействие, общественная опасность, психологическое насилие, манипуляция.*

В психике каждого здорового человека есть «критический фильтр», т. е. так называемая цензура сознания. Он отвечает за логику, сомнения, проверку фактов и соответствие действий личным моральным нормам. С воздействием на «критический фильтр» люди встречаются постоянно в повседневной жизни. Однако не всегда человек может заметить, что непосредственно его психика является целью для преступника.

Перед началом анализа отличий суггестивного воздействия от манипулирования, необходимо установить, что под данными терминами следует понимать.

Суггестия (от лат. suggestio — внушение) — это процесс влияния на психику человека, при котором внушение информации или идей осуществляется без критического восприятия со стороны субъекта [1]. Суггестивное воздействие направлено на подсознательное принятие какой-либо информации, что в конечном итоге меняет мысли, убеждения и поведение человека. Важной особенностью суггестии является то, что внушаемая информация не подвергается сознательной оценке или сомнению. Само содержание суггестии в последующем носит навязчивый характер, представляя собой совокупность «суггестированных (внушенных) установок» [2, с. 37].

Под манипуляцией, в свою очередь, следует понимать скрытое психологическое воздействие на человека, цель которого заставить его совершить определенные действия или принять решения, выгодные манипулятору, но преподносимые так, будто жертва действует абсолютно добровольно и осознанно [3].

Как уже отмечалось ранее, у каждого человека есть свой «критический фильтр», воздействие на который выступает в качестве принципиального отличия при разграничении понятий суггестивного воздействия и манипулирования. Суггестивное воздействие этот фильтр обходит или парализует, т. е. суггестор (внушающий) использует психотехники, чтобы временно усыпить или перегрузить сознание. Это может быть шок, сильный стресс, монотонность, введение в транс или использование физической усталости жертвы. Когда критический фильтр отключен, суггестор «загружает» команду напрямую в подсознание. Человек выполняет действие автоматически, не успев его обдумать. Манипулирование же данный фильтр обманывает, поскольку манипулятор не отключает логику и сознание жертвы. Напротив, он заставляет их работать, но на основе искаженных вводных данных. Манипулятор ищет «мишени» в сознании, такие как уязвимости, комплексы, страхи, амбиции, чувство долга или вины. Он выстраивает ложную картину реальности так, чтобы жертва, включив свою логику, пришла к единственно «верному» (нужному манипулятору) выводу.

В качестве примера суггестивного воздействия можно привести, так называемый, цыганский гипноз. Например, преступник на улице использует технику «разрыва шаблона» (представляющий собой психологический феномен и тактический прием, при котором человека резко выбивают из привычного, автоматического сценария поведения), прикасается к человеку, начинает говорить быстро и монотонно. Критическое восприятие жертвы перегружается и отключается. Преступник дает прямую команду: «Отдай кольцо». Жертва подчиняется автоматически, а придя в себя, не может объяснить, почему это сделала. Примером манипуляции является мошенничество, когда преступник звонит пенсионеру, представляется сотрудником безопасности банка и говорит, что его деньги в опасности. Он не гипнотизирует жертву. Он использует манипулятивные триггеры, такие как страх потери и авторитет власти. Пенсионер находится в сознании, логически рассуждает, но на основе ложной информации сам переводит деньги.

В свою очередь уголовное право всегда оценивает свободу воли (т. е. мог ли человек руководить своими действиями), что в дальнейшем может иметь решающее значение. При суггестии воля суггестенда подавлена и в данному случае жертва теряет автономию. Решение, которое она принимает, полностью принадлежит преступнику. В момент совершения действия под сильным внушением у человека отсутствует выбор. Он действует как биологический автомат или чужое орудие. Придя в себя, люди часто говорят: «Я будто спал(а)», «Моё тело меня не слушалось». При манипуляции воля искажена. Жертва сохраняет свободу выбора и искренне считает себя автором решения. Манипулятор лишь подтолкнул её. Например, когда жертва переписывает квартиру на мошенника ради «свободы своего сына, который якобы сбил человека», она действует добровольно. Ее воля направлена на спасение сына. Воля свободна, но её вектор изменен обманом.

В контексте статей Уголовного кодекса Республики Беларусь о преступлениях против собственности это различие имеет практическое значение. Если воздействие на психику потерпевшего достигает степени, при которой он утрачивает способность к осознанному волеизъявлению, содеянное может оцениваться как хищение с применением психического насилия (например, разбой, если создаётся опасность для жизни или здоровья, либо грабёж с насилием, не опасным для жизни или здоровья). Если же лицо сохраняет формальную возможность выбора, но принимает решение под влиянием скрытого управления, квалификация смещается в сторону мошенничества или оста-

ётся в рамках ненасильственных хищений. В белорусской судебной практике гипнотическое воздействие при хищении иногда квалифицировалось как мошенничество, что подтверждает сложность разграничения этих способов

Для целей уголовного права Республики Беларусь суггестию и манипулирование различают по одному признаку: сохраняет ли потерпевший способность сознательно выражать свою волю. При суггестии эта способность подавляется, при манипулировании — используется. От этого зависит, будет ли деяние признано насильственным или ненасильственным, а также какова роль потерпевшего в совершении преступления.

Литература:

1. Торсуков Е. Г., Авуза А. А. Формы суггестии как средство оптимизации учебного процесса // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formysuggestii-kak-sredstvooptimizatsiiuchebnogo-protsessa (дата обращения: 20.10.2026)
2. Мелихов, И. Н. Скрытый гипноз. Практическое руководство / И. Н. Мелихов. — URL: http://www.uhlib.ru/samosovershenstvovanie — Дата доступа: 20.10.2026 г.
3. Манипулирование // Большая российская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. — Москва: Большая российская энциклопедия, 2004–2017. — Т. 18. — С. 577.

Условия законности производства следственных действий

Ивичук Олег Николаевич, курсант
Научный руководитель: Шумилин Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

В статье автор исследует понятие и виды следственных действий, а также анализирует условия законности производства следственных действий.

Ключевые слова: *следственные действия, производство, обыск, выемка, следователь, дознаватель.*

Следственные действия, являясь неотъемлемой частью уголовного процесса, представляют собой комплекс процессуальных мероприятий, направленных на собирание, проверку и закрепление доказательственной информации.

В свою очередь, единое определение следственных действий в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1] — отсутствует, вместе с тем он прямо перечисляет их виды и подробно регламентирует порядок проведения каждого из них.

Так, УПК РФ закрепляет следующие следственные действия, в частности:

– осмотр (ст. 176–178, 180);
– эксгумацию (ст. 178, 180);
– освидетельствование (ст. 179, 180);
– следственный эксперимент (ст. 181);
– обыск и личный обыск (ст. 182, 184);
– выемку (ст. 183);
– наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст. 185);
– контроль и запись переговоров (ст. 186);
– получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1);
– допрос (ст. 189);
– очную ставку (ст. 192);
– предъявление для опознания (ст. 193);
– проверку показаний на месте (ст. 194);
– производство судебной экспертизы (ст. 195–201, 203, 204, 207);
– получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202).

Непосредственно общие условия законности производства следственных действий закреплены в статье 164 УПК РФ [1].

Так, к примеру, Н. Г. Калугина, «акцентировал внимание на важности соблюдения прав личности при производстве следственных действий, считая это не только гарантией законности, но и фактором, способствующим установлению истины» [2, с.16].

Отметим, что в научном сообществе ведутся постоянные дискуссии относительно эффективности и законности ряда следственных действий.

Так, например, вопросы, связанные с производством обыска в жилище, применением технических средств при проведении следственных действий, а также проблемой допустимости доказательств, полученных с нарушением закона, остаются актуальными.

Современные ученые, например, О. Я. Баев, активно исследуют проблемы внедрения цифровых технологий в следственную практику и их влияние на законность производства следственных действий [3, с.103].

Далее рассмотрим непосредственно условия законности производства следственных действий.

Так, производство любого следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ч. 3 ст. 164 УПК РФ) [1].

При производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ) [1].

Следственные действия — эксгумация трупа, освидетельствование, обыск и выемка производятся на основании постановления следователя.

Однако для производства осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и (или) выемки в жилище, выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката в соответствии со ст. 450.1 УПК РФ, личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ, выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, ареста корреспонденции, контроля и записи телефонных и иных переговоров, для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, разрешения на ее осмотр и выемку в учреждениях связи, ареста имущества следователю необходимо получение решения суда (ст. 165 УПК РФ).

Отметим, что, если следователь привлекает к участию в следственных действиях потерпевшего, гражданского истца или ответчика, их представителей, подозреваемого, обвиняемого, свидетелей, эксперта, специалиста, переводчика, понятых, он удостоверяет их личности, разъясняет им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Потерпевший, свидетель, специалист, эксперт или переводчик предупреждаются следователем об ответственности, предусмотренной ст. ст. 307, 308 УК РФ (ч. 5 ст. 164 УПК РФ).

В свою очередь, если в производстве следственного действия по уголовному делу в отношении соучастников преступления участвует лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, то оно предупреждается о предусмотренных гл. 40.1 УПК РФ последствиях несоблюдения им условий и невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, в том числе в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия от следствия каких-либо существенных сведений (ч. 5 ст. 164 УПК РФ).

Также следователь вправе:

– при производстве следственных действий применять технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств, о чем он обязан предупредить лиц, участвующих в следственном действии (ч. 6 ст. 164 УПК РФ);

– привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. В таком случае сведения об участии такого лица в обязательном порядке заносятся в протокол (ч. 7 ст. 164 УПК РФ).

Что касается протокола следственного действия, то он ведется следователем во всех случаях их производства (ч. 8 ст. 164 УПК РФ) и составляется во время следственного действия или непосредственно после его окончания. Сам же протокол должен соответствовать требованиям, сформулированным в ст. 166 УПК РФ.

Обыск, личный обыск и предъявление для опознания производятся следователем с участием не менее 2 понятых, которые призваны удостоверить факт производства следственного действия, его ход и результаты (ч. 1 ст. 170 УПК РФ).

Наложение ареста на имущество, осмотр места преступления, осмотр и эксгумация трупа, следственный эксперимент, выемка, снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений, осмотр и прослушивание фонограммы, проверка показаний на месте могут быть проведены без участия понятых. Решение об этом принимается следователем самостоятельно (ч. 2 ст. 170 УПК РФ). Если следователь примет решение о том, что участие понятых в указанных следственных действиях необязательно, он должен применить при их производстве технические средства фиксации хода и результатов этого следственного действия. Если это невозможно, следователь делает в протоколе соответствующую запись (ч. 1.1, 3 ст. 170 УПК РФ).

Как указал Конституционный Суд РФ, применение технических средств при производстве следственного действия выступает способом беспристрастной фиксации хода и результатов следственного действия и призвано служить точному и достоверному отображению обстоятельств объективной действительности, что направлено на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства и требований справедливого правосудия (Определение Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 № 1360-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексюка Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 170 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации») [4].

В остальных случаях следственные действия производятся без участия понятых, если следователь по ходатайству участников уголовного судопроизводства или по собственной инициативе не примет иное решение (ч. 2 ст. 170 УПК РФ) [1].

Тем самым, для того чтобы следственные действия были законными, необходимо соблюдение целого комплекса условий, ведь они обеспечивают не только обоснованность самого решения о проведении действия, но и соблюдение прав всех участников процесса, к которым относятся:

– наличие правовых и фактических оснований;
– соблюдение процессуального порядка;
– соблюдение сроков;
– недопустимость насилия и угроз;
– разъяснение прав участникам;
– процессуальное оформление;

– недопустимость разглашения данных частной жизни;

Таким образом, если любое из вышеперечисленных условий нарушено, то суд может признать полученные доказательства недопустимыми в соответствии с УПК РФ, что в свою очередь может привести к оправданию обвиняемого либо прекращению уголовного дела.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921
2. Калугина Н. Г. Следственные действия и их виды Лекция / Н. Г. Калугина; МВД Рос. Федерации, Всерос. ин-т повышения квалификации работников МВД России. — Домодедово: ВИПК МВД России, 2022. — 43 с.
3. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации профессионалов: практическое пособие / О. Я. Баев, Д. А. Солодов. — Москва: Эксмо, 2018. — 203 с.
4. Долгих Т. Н. Следственные действия: понятие, виды и правила производства // СПС КонсультантПлюс. 2026.

Особенности договорного регулирования оказания услуг по управлению многоквартирным домом — товариществом собственников жилья

Исаева Анжелика Романовна, студент магистратуры
Московский университет имени С. Ю. Витте

В статье автор исследует актуальные правовые проблемы и ключевые особенности договорного регулирования в сфере управления многоквартирными домами (МКД) посредством управления товарищества собственников жилья. Рассматривается взаимосвязь правоотношений ТСЖ с собственниками помещений, ресурсоснабжающими организациями и управляющими компаниями. Пристальное внимание уделено цифровизации договорных процессов через ГИС ЖКХ, а также новейшим изменениям в Жилищном и Гражданском кодексах РФ.

Ключевые слова: *товарищество собственников жилья, многоквартирный дом, договор управления, общее имущество, жилищно-коммунальные услуги, ГИС ЖКХ.*

Features of contractual regulation of services for managing an apartment building by a homeowners' association

In the article, the author examines current legal issues and key features of contractual regulation in the field of managing apartment buildings (ABs) through the management of homeowners' associations. The relationship between the legal relations of homeowners' associations and property owners, resourcesupplying organizations, and management companies is considered. Close attention is paid to the digitalization of contractual processes through the GIS Housing and Communal Services, as well as to the latest changes in the Housing Code and the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: *homeowners association, apartment building, management agreement, common property, housing and communal services, GIS Housing and Communal Services.*

Управление многоквартирным домом посредством товарищества собственников жилья (ТСЖ) представляет собой один из наиболее значимых механизмов самостоятельной самоорганизации граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Такой способ управления позволяет собственникам помещений активно участвовать в принятии решений, касающихся эксплуатации и обслуживания общего имущества, и тем самым реализовывать свои законные интересы в рамках правового поля. Так как ТСЖ является некоммерческой корпоративной организацией, ее смысл не в извлечении прибыли, а исключительно для эффективности обеспечения совместного владения, а также и в пользовании и распоряжении общим имуществом многоквартирного дома. Если проанализировать, как эти цели реализуются на практике, то мы приходим к выводу, что они неразрывно связаны с формированием сложных, многоуровневых систем между гражданско-правовыми и жилищными отношениями, которые в свою очередь охватывают такой обширный круг вопросов как — текущее содержание имущества и как именно разрешаются конфликтные ситуации между собственниками [3].

Особую сложность придаёт двойственная природа правового регулирования деятельности ТСЖ. С одной стороны,

функционирование товарищества жёстко подчинено императивным нормам Жилищного кодекса Российской Федерации, которые устанавливают обязательные для исполнения правила и не допускают отклонений по усмотрению сторон. С другой стороны, в ряде аспектов применяются диспозитивные начала гражданского законодательства, предоставляющие участникам правоотношений определённую свободу выбора и возможность самостоятельно определять отдельные условия взаимодействия в рамках закона. Такое сочетание императивного и диспозитивного регулирования нередко становится причиной разночтений и порождает многочисленные правовые споры, требующие детального анализа и разрешения в судебном порядке.

Важной отличительной чертой ТСЖ по сравнению с управляющей организацией (УК) является отсутствие необходимости заключать классический договор управления с каждым собственником помещений в многоквартирном доме. Эта особенность имеет принципиальное значение и прямо закреплена в действующем законодательстве: в частности, она следует из положений статьи 162 Жилищного кодекса РФ (части 1 и 2), а также пункта 2 статьи 138 ЖК РФ [1]. Правоотношения, возникающие в связи с управлением многоквартирным домом через ТСЖ, целесообразно подразделять на две самостоятельные категории: отношения с собственниками, являющимися членами ТСЖ, и отношения с собственниками, не состоящими в товариществе.

Взаимодействие с собственниками — членами ТСЖ строится на корпоративных (членских) началах, предполагающих особую правовую природу таких отношений. В данном случае обязательными для исполнения выступают устав ТСЖ и решения, принятые общим собранием членов товарищества. Законодательство не предусматривает необходимости заключения отдельного письменного договора на управление или содержание общего имущества с членами ТСЖ: их права и обязанности возникают непосредственно из факта членства в товариществе, что отражает специфику корпоративной природы ТСЖ.

В отношении собственников, не являющихся членами ТСЖ, действует иной порядок. Согласно статье 138 Жилищного кодекса РФ, ТСЖ обязано заключать с такими собственниками договоры о содержании и ремонте общего имущества в многоквартирном доме. На протяжении длительного времени правовая природа этих договоров оставалась предметом оживлённых дискуссий как в юридической науке, так и в правоприменительной практике. Различные подходы к квалификации таких договоров порождали неоднозначные выводы и противоречивые решения, что затрудняло формирование единообразной практики.

К 2026 году судебная практика, включая устойчивые правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, окончательно закрепила единую позицию по данному вопросу. Суды последовательно исходят из того, что отказ собственника от заключения договора с ТСЖ не освобождает его от обязанности нести расходы на содержание общего имущества многоквартирного дома в объёме, установленном сметой товарищества. Более того, отсутствие письменного договора между собственником и ТСЖ не может рассматриваться в качестве основания для освобождения от оплаты соответствующих расходов. Размер подлежащих уплате средств определяется на основании сметы, утверждённой общим собранием членов ТСЖ, и начисляется пропорционально размеру доли собственника в праве общей собственности на общее имущество.

В случае, если собственник не исполняет обязанность по внесению платы добровольно, ТСЖ вправе обратиться в суд с требованием о взыскании соответствующих денежных средств. На практике такие требования предъявляются в форме исков о взыскании неосновательного обогащения либо о взыскании задолженности по оплате жилищнокоммунальных услуг — в зависимости от конкретных обстоятельств дела и избранного способа защиты нарушенного права [2]. При этом суды учитывают, что обязанность по содержанию общего имущества вытекает непосредственно из закона и не зависит от наличия или отсутствия договорных отношений между ТСЖ и конкретным собственником. Если собственник не платит добровольно, ТСЖ имеет право взыскать эти средства через суд в качестве неосновательного обогащения или задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг.

Отношения ТСЖ с РСО по-прежнему создают основные финансовые риски. ТСЖ выступает в роли исполнителя коммунальных услуг (купли-продажи ресурсов для общедомовых нужд и предоставления их гражданам, только в том случае если собственники не приняли решение о переходе на «прямые договоры».

Содержание общего имущества в многоквартирных домах — это многоаспектная задача, вызывающая значительные трудности в современном мире. Актуальным вопросом договорного регулирования является порядок распределения объемов коммунальных ресурсов, идущих на общедомовые нужды. ТСЖ обязано строго фиксировать в договорах с РСО условия перерасчета платы.

В эпоху цифровизации ЖКХ обязательным порядком стало заключение договоров и их существенных условий с РСО и подрядчиками через ГИС ЖКХ. Бумажные формы заключения договоров устаревают, они вытесняются электронным документооборотом. На руководство ТСЖ накладываются дополнительные обязательства по ведению личных кабинетов системы и своевременному размещению платежных документов [5].

Законодательство допускает два способа, при которых ТСЖ реализует свои функции. Первый способ — это самостоятельное управление. ТСЖ своими силами нанимает штат или заключает отдельные договоры подряда, оказания услуг со специализированными организациями. В данном случае ТСЖ полностью несет ответственность за качество работ перед жильцами. Второй способ — это привлечение управляющей организации. ТСЖ вправе заключить договор управления с УК. В данном случае УК выступает главным подрядчиком, а ТСЖ сохраняет за собой статус управления и функции контроля. Отличие этого до-

говора заключается в том, что ТСЖ не может переложить на УК всю полноту ответственности. Жильцы при некачественном оказании им услуг вправе предъявить претензии как к УК, так и самому ТСЖ. В данном случае требуется необходимость четкого разделения зоны ответственности непосредственно в тексте договора между ТСЖ и УК [5].

ТСЖ является некоммерческой организацией. Все средства, поступающие от собственников, признаются целевыми взносами, за исключением платы за коммунальные услуги. В договорной практике ТСЖ критически важно правильно формулировать предмет договоров с третьими лицами (подрядчиками). Ошибки в формулировках могут привести к значительным трудностям. Например, налоговые органы могут классифицировать данные поступления как коммерческую выручку ТСЖ, что влечет за собой доначисления налогов.

Более того, актуальным вопросом судебной практики стало привлечение председателей правления ТСЖ к субсидиарной ответственности по долгам товарищества, в случае если будет доказано уклонение от заключения договоров или преднамеренного банкротства некоммерческой организации.

В 2026 году договорное регулирование ТСЖ характеризуется жестким балансом между корпоративным управлением и строгим соблюдением стандартов раскрытия информации в цифровой среде. Чтобы ТСЖ успешно функционировало необходимо при составлении договоров обладать юридической грамотностью и четко разграничивать зону ответственности в соглашениях с РСО и подрядными организациями. Дальнейшее развитие законодательства пойдет по пути еще большей интеграции договорного процесса в ГИС.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) — Текст: электронный // — URL: https://www.consultant.ru [справочно-правовая система] (Дата обращения 01.11.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) — Текст: электронный // — URL: https://www.consultant.ru [справочно-правовая система] (Дата обращения 01.11.2026).
3. Балаганская И. В. Актуальные проблемы договора управления многоквартирным домом // Трибуна учёного. — 2020. — № 10. — С. 125–129.
4. Гонгало Б. М. Жилищное право: в 5 томах. — Москва: Статут, 2021. — Т. 4. — 368 с.
5. Мухажинова, Л. Ш. Договорные отношения товарищества собственников жилья по управлению многоквартирным домом / Л. Ш. Мухажинова. — Текст : непосредственный // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. — 2012. — № 1.

Этапы расследования ятрогенных преступлений

Кабанцова Елизавета Юрьевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье анализируются криминалистические и уголовно-процессуальные особенности расследования ятрогенных преступлений — общественно опасных деяний, совершенных медицинскими работниками при исполнении профессиональных обязанностей и повлекших причинение вреда жизни или здоровью пациентов. Рассматриваются современное состояние ятрогенной преступности, проблемные аспекты квалификации, а также специфика производства следственных действий на различных этапах расследования. На основе анализа научной литературы и правоприменительной практики предлагаются рекомендации, направленные на повышение эффективности расследования данной категории дел. Автором статьи обосновывается точка зрения, что экспертиза является необходимым и отдельным этапом расследования ятрогенных преступлений.

Ключевые слова: *ятрогенные преступления, расследование ятрогенных преступлений, этапы расследования, особенности расследования ятрогенных преступлений.*

Изначально необходимо отметить, что сам по себе термин «ятрогенные преступления» является условностью, выработанной в доктрине, поскольку в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1] российский законодатель данное понятие не применяет. Ятрогенные преступления разрабатываются в рамках криминалистического знания и теории уголовного права.

В. В. Радов [2, с. 65] указывает на условность обозначения «ятрогенное преступление» и рассматривает его как вид профессионального преступления, совершаемого медицинским работником при исполнении им своих профессиональных обязанностей.

Так, Э. Р. Ковтуненко [3, с.109] в качестве ключевого образующего признака ятрогенных преступлений выделяет субъекта или личность преступника-медицинского работника.

Необходимо понимать, что специфика расследования ятрогенных преступлений, как и самих составов, относящихся к их числу, обусловлена особенностями медицины и системы здравоохранения. Также во внимание берутся особенности источника специального знания, которое в обязательном порядке применяется при расследовании ятрогенных преступлений на всех этапах, — судебной медицины.

В нормах уголовного закона российский законодатель не выделяет в отдельную главу составы, относящиеся к числу криминальной ятрогении, в связи с чем они «разбросаны» по особенной части УК РФ. Мы обобщили данные составы, и система ятрогенных преступлений представлена следующими:

— часть 2 статьи 109 УК РФ;
— часть 2 статьи 118 УК РФ;
— статья 124 УК РФ;
— часть 4 статьи 122 УК РФ;
— статья 123 УК РФ;
— статья 235 УК РФ;
— часть 2 и часть 3 статьи 293 УК РФ.

Что касается этапов расследования ятрогенных преступлений, то они примерно идентичные и типичные применительно ко всем видам и категориям преступлений, при расследовании любого преступления всегда присутствует этап до следственной проверки, этап возбуждения уголовного дела и т. п. Однако применительно к ятрогенным преступлениям необходимо учитывать, что по ним всегда назначается проведение судебно-медицинской экспертизы, в связи с чем ряд исследователей-криминалистов выделяют назначение такой экспертизы в качестве отдельной и специфичной стадии расследования.

В литературе принято выделять следующие этапы расследования ятрогенных преступлений:

— проверка сообщения о преступлении и возбуждение уголовного дела;

— первоначальный этап расследования, начинающийся сразу после возбуждения дела;

— назначение и проведение судебно-медицинских экспертиз;

— анализ собранных данных и выдвижение версий;

— дополнительные следственные действия;

— завершение расследования [4, С33].

Доследственная проверка является первым и крайне важным этапом, предшествующим возбуждению уголовного дела. Ввиду наличия специального субъекта преступления, большой базы ведомственных нормативных актов, а также сложностей формирования доказательственной базы, расследование ятрогенных преступлений обладает определенной спецификой уже на данном этапе.

Поступление заявления (сообщения) о ятрогенном преступлении инициирует деятельность следователя по проверке изложенных фактов. На данном этапе следователю надлежит: опросить заявителя, выяснив, где, когда и в каких медицинских учреждениях потерпевший получал медицинскую помощь, с указанием всех обследований и медицинских манипуляций; незамедлительно выехать на место происшествия в медицинскую организацию для изъятия всей медицинской документации, имеющей отношение к лечению потерпевшего; зафиксировать обстановку непосредственно в месте совершения предполагаемого преступления (палата, процедурный кабинет и др.); в случае если потерпевший проходил лечение в иногородних учреждениях, направить поручение в территориальный орган следствия.

Авторы-криминалисты подчеркивают ключевое и решающее значение судебно-медицинской экспертизы, как формы применения специального знания при расследовании ятрогенных преступлений, с чем мы выражаем согласие. Зачастую без получения результата экспертизы расследование ятрогенного преступления фактически не может перейти на следующую стадию в виду отсутствия криминалистически значимой информации.

М. В. Сыропятова также рассматривает экспертизу как элемент расследования ятрогенного преступления [5, с. 393].

Таким образом, в связи со сложностью процедуры проведения судебно-медицинской экспертизы, следователю необходимо назначить ее как можно раньше в связи с трудностями ее проведения, от сущности перечня вопросов, их формулировок, во многом зависит качество полученного результата и возможность его применения в ходе расследования ятрогенного преступления, а также важность имеет взаимодействие следователя с экспертом, проводящего ту или иную экспертизу, должно содержать организационные, психологические, нравственные и морально-этические аспекты.

Таким образом, мы поддерживаем позицию тех авторов, которые определяют назначение и проведение судебно-медицинской экспертизы как неотъемлемый и очень значимый этап или стадию расследования ятрогенных преступлений.

К числу экспертиз, назначаемых при расследовании ятрогенных преступлений, относятся: судебно-медицинские экспертизы (в том числе комиссионные и комплексные); молекулярно-генетические экспертизы; компьютерно-технические экспертизы (при исследовании электронных носителей медицинской информации); технико-криминалистические и почерковедческие экспертизы (для исследования медицинской документации).

Задачи судебно-медицинской экспертизы при расследовании ятрогенных преступлений находятся в тесной взаимосвязи с элементами состава преступления.

Экспертному исследованию подлежат:

— причина и механизм наступления смерти или вреда здоровью;

— наличие и характер дефектов оказания медицинской помощи;

— причинно-следственная связь между действиями (бездействием) медицинских работников и наступившими последствиями;

— соответствие оказанной помощи установленным стандартам и клиническим рекомендациям.

Соответственно, для установления виновности в рамках ятрогенной преступности необходимо установление прямой причинно-следственной связи, а не косвенной, в связи с чем по одному медицинскому происшествию назначается несколько повторных комиссионных судебно-медицинских экспертиз.

Отсутствие комплексов специализированных (частных) методик судебно-медицинского исследования отдельных разновидностей ятрогенных преступлений применительно к различным областям медицинской практики рассматривается как фактор, препятствующий повышению качества оценки заключений следствием и судом.

Для повышения эффективности расследования необходима дальнейшая разработка частных криминалистических методик расследования ятрогенных преступлений, создание алгоритмов действий следователя на различных этапах, разработка специализированных программ повышения квалификации следователей в области медицинского права, либо унификации квалификации по существующим статьям с учетом особенностей профессиональной медицинской деятельности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Ковтуненко Э. Р. К вопросу о субъекте и квалификации преступления, совершенного медицинским работником / Э. Р. Ковтуненко. // Молодой ученый. — 2026. — № 15 (618). — С. 108–110.
3. Радов В. В. Законодательная и практическая наказуемость ятрогенных преступлений // Уголовное право. 2024. № 6. С. 62–75.
4. Яворский М. А., Романова Н. В., Тороп С. С. Особенности первоначального этапа расследования преступлений ятрогенного характера // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 4 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pervonachalnogo-etapa-rassledovaniya-prestupleniy-yatrogennogo-haraktera (дата обращения: 20.10.2026).
5. Сыропятова М. В. Экспертиза как элемент расследования ятрогенных преступлений. Тактика назначения экспертизы / М. В. Сыропятова // Молодой ученый. — 2023. — № 45 (492). — С. 392–394.

Правовая основа и способы защиты прав и законных интересов предпринимателей

Каекбердина Алия Рифкатовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Введение

Предпринимательская деятельность в Российской Федерации осуществляется в условиях сочетания свободы экономической деятельности и публично-правового регулирования. При этом обеспечение гарантий соблюдения прав и законных интересов предпринимателей является одним из ключевых факторов устойчивости делового климата и инвестиционной привлекательности. Актуальность темы обусловлена необходимостью системного понимания правовых механизмов, позволяющих предпринимателю эффективно защищать свои права при взаимодействии как с контрагентами, так и с органами власти.

Цель статьи — раскрыть правовую основу и основные способы защиты прав и законных интересов предпринимателей с учётом действующего законодательства и практики его применения.

Правовая основа защиты прав предпринимателей

Базовые гарантии закреплены в Конституции Российской Федерации: ст. 34 гарантирует свободу экономической деятельности, а ст. 46 — право на судебную защиту. Эти положения формируют фундамент отраслевого регулирования.

Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) определяет общие способы защиты гражданских прав (ст. 12), включая признание права, восстановление положения, возмещение убытков, взыскание неустойки, признание недействительными актов и сделок. Особенно значимы для

предпринимателей нормы ст. 15 (возмещение убытков, включая упущенную выгоду) и ст. 16 (возмещение вреда, причинённого незаконными действиями органов власти).

Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее — АПК РФ) устанавливает порядок рассмотрения экономических споров в арбитражных судах, что является основной формой судебной защиты прав предпринимателей. Кодекс административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ) регулирует оспаривание ненормативных актов, решений и действий (бездействия) органов власти, затрагивающих права предпринимателей.

Важную роль играют специальные законы. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» закрепляет гарантии прав контролируемых лиц, включая право на досудебное обжалование (ст. 39–43), обязанность разъяснять права и недопустимость действий, умаляющих деловую репутацию (ст. 10). В части, не урегулированной Федеральным законом № 248-ФЗ, продолжает применяться Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ, в котором закреплены принципы презумпции добросовестности и уведомительного порядка начала деятельности (ст. 3), а также права при проведении проверок.

Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» формирует институциональную основу защиты: уполномоченные рассматривают жалобы, содействуют досудебному урегулированию, могут обращаться в суд для оспаривания актов и действий органов власти.

Таким образом, правовая основа имеет многоуровневый характер, включая конституционные принципы, общие гражданско-правовые способы защиты, процессуальные механизмы и специальные гарантии в сфере контроля и надзора, а также институциональные инструменты.

Способы и формы защиты прав предпринимателей

Способы защиты можно классифицировать по форме реализации на судебный и внесудебные.

Судебная защита реализуется через арбитражные суды (экономические споры) и административное судопроизводство (оспаривание актов и действий власти). Наиболее востребованные способы:

— признание права;

— возмещение убытков и взыскание неустойки;

— признание недействительными ненормативных актов и решений органов власти;

— применение последствий недействительности сделок.

На практике предприниматели активно применяют возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ), доказывая факт нарушения, размер убытков и причинно-следственную связь. Важным направлением является взыскание убытков, причинённых действиями органов власти (ст. 16 ГК РФ), что требует доказывания незаконности действий и размера вреда.

Внесудебные способы защиты включают:

— претензионный порядок урегулирования споров;

— медиацию и иные альтернативные способы разрешения споров;

— обращение к уполномоченным по защите прав предпринимателей;

— досудебное обжалование решений контрольных органов;

— прокурорский надзор.

Институт уполномоченных по защите прав предпринимателей зарекомендовал себя как эффективный канал досудебного урегулирования: уполномоченный вправе запрашивать сведения, посещать органы власти, участвовать в проверках и обращаться в суд. Согласно Федеральному закону № 248-ФЗ (ст. 40) досудебное обжалование является обязательным этапом перед обращением в суд по вопросам контроля и надзора.

Самозащита (ст. 14 ГК РФ) допускается при условии соразмерности нарушению и отсутствия превышения пределов необходимой обороны. На практике предприниматели чаще используют иные — менее рискованные — способы, чтобы избежать встречных претензий.

Практические проблемы и направления совершенствования

Несмотря на развитую нормативную базу, предприниматели сталкиваются с рядом проблем, в их числе:

— длительность судебных процедур и высокая нагрузка на арбитражные суды;

— сложность доказывания размера убытков и причинно-следственной связи;

— формальный подход к досудебному обжалованию в отдельных контрольных органах;

— недостаточная информированность предпринимателей о доступных механизмах защиты.

Для повышения эффективности защиты целесообразно:

— развивать досудебные и альтернативные механизмы урегулирования споров (медиация, онлайн-платформы);

— повышать прозрачность и предсказуемость контрольных мероприятий, усиливать разъяснительную работу контрольных органов;

— расширять практику возмещения убытков, причинённых незаконными действиями органов власти, с упрощением доказывания;

— усиливать просветительскую деятельность уполномоченных по защите прав предпринимателей (вебинары, памятки, типовые формы обращений).

Заключение

Правовая основа защиты прав и законных интересов предпринимателей в России сформирована на нескольких

уровнях: конституционном, гражданско-правовом, процессуальном и специальном. Действующее законодательство предусматривает широкий спектр способов защиты — от судебной до внесудебных форм, включая институт уполномоченных и досудебное обжалование в сфере контроля. Однако эффективность этих механизмов зависит не только от нормативного закрепления, но и от практики применения, качества доказывания и информированности предпринимателей. Дальнейшее развитие системы защиты должно быть направлено на упрощение процедур, повышение прозрачности и расширение доступных инструментов досудебного урегулирования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). — URL: https://base.garant.ru/10103000/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. — URL: https://base.garant.ru/10164072/
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. — URL: https://base.garant.ru/12127526/
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ. — URL: https://base.garant.ru/70885220/
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». — URL: https://base.garant.ru/74449814/
6. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». — URL: https://base.garant.ru/12164247/
7. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации». — URL: https://base.garant.ru/70372952/

Правовые гарантии защиты военных корреспондентов в условиях вооруженных конфликтов

Карелина Илона Олеговна, студент
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Рассмотрены ключевые положения международного гуманитарного права, определяющие правовой статус военных корреспондентов в зонах вооружённых конфликтов. Проведён анализ норм Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним, а также российского законодательства и региональной практики в этой сфере. Сделан вывод о недостаточности действующих гарантий и обоснована необходимость законодательного закрепления статуса военного корреспондента.

Ключевые слова: *военный корреспондент, вооружённый конфликт, международное гуманитарное право, защита гражданских лиц, правовой статус.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что вооружённые конфликты, сопровождавшие человечество на протяжении всей его истории, неизменно ставят вопрос о защите лиц, освещающих ход боевых действий. «Военные корреспонденты — это не просто свидетели войны, это её рупор» [1, с.381]. Именно через их репортажи общество получает представление о реальном положении дел на фронте. Вместе с тем, находясь в зоне боевых действий наравне с военнослужащими, они подвергаются повышенному риску ранения и гибели, а их правовой статус остаётся одним из наименее урегулированных в международном гуманитарном праве.

Наибольший интерес у учёных к исследованию правового положения журналистов в зоне вооружённого конфликта можно проследить в работах А. В. Козлова, Е. Н. Рымаревой, Е. В. Мартыненко и др.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы проанализировать, насколько действующая система правовых гарантий соответствует реальным угрозам, с которыми сталкиваются военные корреспонденты, и определить направления ее совершенствования.

Материалами исследования являются международные правовые акты, нормативно-правые акты Российской Федерации, а также научные публикации отечественных авторов по теме исследования.

Методология исследования состоит из формально-юридического метода, сравнительно-правового анализа, а также метода толкования правовых норм.

Прежде чем перейти к анализу гарантий, необходимо установить, какие существуют категории журналистов в зоне боевых действий и кого именно следует понимать под военным корреспондентом.

По мнению А. В. Козлова, «в зоне вооруженного конфликта представитель прессы может находиться в качестве: военного журналиста; военного корреспондента; журналиста, находящегося в опасной профессиональной командировке в районах вооруженного конфликта (свободного журналиста)» [2, с.6]. Журналисты, находящиеся в опасной профессиональной командировке, являются независимыми сотрудниками СМИ, работающими в зоне конфликта без аккредитации при воюющей стороне. Согласно статье 79 Дополнительного протокола I 1977 года такие журналисты рассматриваются как гражданские лица и пользуются защитой при условии, что они не совершают действий, несовместимых со статусом гражданского лица [3].

Установив, что правовой статус представителя прессы напрямую зависит от его принадлежности к одной из перечисленных категорий, необходимо уточнить само понятие «военный корреспондент». В научной литературе, в частности в работах Б. Харриса, можно встретить широкую трактовку: «любой, кто пишет письма (репортажи) в газеты из зоны военного конфликта, будь то сотрудник газеты или просто грамотный член вооруженных сил» [4].

Однако международное гуманитарное право придерживается более узкого подхода, и это различие принципиально.

Согласно статье 4A (4) Третьей Женевской конвенции 1949 года, это категория лиц, «следующих за вооруженными силами, но не входящих в их состав непосредственно» [5], при захвате в плен они пользуются статусом военнопленного. Это означает, что в международном вооруженном конфликте аккредитованный военный корреспондент получает защиту, аналогичную защите комбатанта, попавшего в плен, хотя сам комбатантом не является.

Военные корреспонденты тесно связаны с тем или иным видом войск. Они аккредитуются при вооруженных силах и сопровождают воинские подразделения в зоне боевых действий, пользуясь их поддержкой и материальной базой. Статус военнопленного предоставляется им при условии, что они имеют соответствующее разрешение (аккредитацию) и удостоверение личности, выданное вооруженными силами, которые они сопровождают. Для облегчения идентификации военкорам рекомендуется иметь при себе упомянутое удостоверение личности по образцу, предусмотренному Дополнительным протоколом I, и, по возможности, носить отличительный знак. Отсутствие удостоверения и отличительного знака при себе не лишает права на защиту, но может вызвать подозрения военных и привести к неприятным последствиям.

Передвижение на военной технике и приближение к военным объектам (командным пунктам, складам боеприпасов и т. д.) не является «непосредственным участием в боевых действиях», но может создать условия, когда формально лицо не теряет права на защиту, но из-за особенностей боевых условий и ограничения видимости может стать «сопутствующей жертвой» при нападении на законную военную цель. В таких случаях атакующая сторона должна руководствоваться принципом пропорциональности (ст.51(5)(b) ДП I) и принципом предосторожности при нападении (ст.57 ДП I), чтобы избежать или минимизировать ущерб гражданским лицам. Важно отметить, что обеспечение собственной безопасности, в первую очередь, лежит на самих корреспондентах. Ст.79 Дополнительного протокола I требует от него «принимать все необходимые меры предосторожности» [3], чтобы его не принимали за комбатанта. Е. Н. Рымарева в своем исследовании расширяет рекомендации, согласно которым военкор «должен стремиться избегать прямого конфликта с врагом, ни в коем случае не применять оружие, предпочитать здравый смысл сенсации и служить не частным интересам, а интересам общества» [1, с.381].

Принципиальный пробел обнаруживается в регулировании немеждународных вооруженных конфликтов. В таких конфликтах категория «военный корреспондент» в том смысле, который придает ей Женевская конвенция III, не применяется, и статус военнопленного не возникает. Корреспонденты защищаются как гражданские лица на основании общей статьи 3 Женевских конвенций и Дополнительного протокола II, согласно которым все лица, не принимающие непосредственного участия в боевых действиях, имеют право на гуманное обращение, и в отношении них запрещаются посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, а также на человеческое достоинство и захват заложников. Однако специальный механизм, компенсирующий риски военной журналистики, отсутствует. В своем исследовании Е. В. Мартыненко делает вывод, что «международное гуманитарное право предусматривает значительно меньше гарантий для журналистов в период немеждународного вооруженного конфликта», и такой подход «не позволяет предоставить равный объем гарантий журналистам и не отвечает современным реалиям стирания границ между различными видами конфликтов» [6, с.177]. Следовательно, объем защиты ставится в прямую зависимость от юридической квалификации конфликта, что противоречит принципу равной защиты жертв вооруженных конфликтов и создает ситуацию, при которой наиболее уязвимая категория корреспондентов оказывается наименее защищенной.

Изложенное подводит к вопросу о том, как эти международные нормы отражаются в российском законодательстве. Регулирование представлено в Законе РФ «О средствах массовой информации», трудовом законодательстве и нормах социального обеспечения. Закон о СМИ устанавливает гарантии для журналистов, работающих в зонах вооруженных конфликтов, по которым редакция обязана обеспечить журналиста средствами индивидуальной защиты, опознавательным знаком «Пресса/Press», обучением способам безопасности, договором дополнительного страхования, охватывающим ранение и гибель, а также проведением добровольной геномной регистрации [7]. Эти

нормы распространяются и на телеоператоров, водителей и иных сотрудников редакции, обеспечивающих работу журналиста. Однако специальный статус военного корреспондента в федеральном законодательстве отсутствует.

Были предложения, призванные урегулировать этот вопрос, так, в декабре 2025 года в Государственную Думу был внесен законопроект о введении статуса «ветеран военной журналистики» путем дополнения Федерального закона «О ветеранах». Предполагалось, что статус будет присваиваться корреспондентам, операторам, фотографам и редакторам, регулярно работающим в зоне СВО, и предоставит право на бесплатный проезд, скидки по коммунальным платежам и освобождение от земельного налога [8]. Обсуждались также федеральные единовременные выплаты: до 3 млн рублей семье погибшего журналиста и до 1 млн рублей при ранении. Но инициатива так и не нашла своего законодательного воплощения в связи с неясностью источника финансирования и множества организационных вопросов.

Интересен региональный опыт. При отсутствии подобного федерального акта, в июне 2025 года Республика Башкортостан приняла первый в России закон о военных журналистах, закрепивший понятия «военный журналист», «работник военной журналистики» и «ветеран военной журналистики», а также меры государственной поддержки. Спикер башкирского парламента К. Толкачев подчеркнул, что «работники СМИ, работающие в зоне боевых действий, рискуют и жизнью, и здоровьем, чтобы рассказать широкой общественности правду» [8]. Вместе с тем закон распространяется только на сотрудников государственных изданий, что создает дискриминационный признак по форме собственности СМИ. Таким образом, национальные гарантии развиваются фрагментарно, социальные меры опережают правовое оформление статуса, а региональные инициативы не заменяют федерального регулирования. Этот дисбаланс закономерно ставит вопрос о том, какие механизмы обеспечивают реальную защиту журналиста и наказание виновных.

Существует плачевная статистика. По данным Комитета по защите журналистов, в 2025 году 104 из 129 погибших работников СМИ стали жертвами военных конфликтов, а в 2024 году общее число погибших журналистов составило 124 человека [9]. По сведениям международной организации «Репортеры без границ», в 2025 году в мире были убиты 67 журналистов, причем почти половина — в секторе Газа [10]. В зоне специальной военной операции, по данным Союза журналистов России, погибли десятки российских журналистов [11]. Эти цифры свидетельствуют о том, что военная журналистика остается одной из самых опасных профессий, а существующие гарантии не обеспечивают достаточного уровня защиты.

Преднамеренное убийство журналиста, не принимающего участия в боевых действиях, квалифицируется как военное преступление [12]. Это положение закреплено в Римском статуте Международного уголовного суда и подтверждается практикой международных трибуналов. Однако механизм привлечения к ответственности остается крайне неэффективным: «примерно в одном из десяти случаев убийств журналистов за последние 20 лет виновные были привлечены к ответственности» — заявил верховный комиссар ООН по правам человека Фолькер Тюрк [13]. Проблема взаимодействия международного и национального расследования имеет несколько измерений. Национальные юрисдикции часто не заинтересованы в объективном расследовании, особенно если преступление совершено представителями власти или союзных формирований. Международные механизмы, в свою очередь, ограничены мандатами, так ООН не имеет полномочий расследовать убийства российских журналистов без соответствующего мандата Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности, а универсальная юрисдикция применяется редко и сталкивается с политическими барьерами. П. Н. Бугаева, анализируя этот разрыв, приходит к выводу, что «около 75 % убийств журналистов произошли по причинам осуществления ими профессиональных обязанностей в зоне вооруженных конфликтов, что свидетельствует о недостаточной эффективности норм международного гуманитарного права» [14, с. 522]. Это означает, что нормы МГП не выполняют своей превентивной функции, они фиксируют противоправность деяния, но не обеспечивают неотвратимости наказания, а значит, и не создают сдерживающего эффекта.

Для российских журналистов ситуация осложняется институциональным фактором. В мае 2026 года Союз журналистов России был окончательно исключен из Международной федерации журналистов. Это означает, что российские журналисты лишены доступа к международным механизмам солидарности и защиты, которые федерация предоставляет своим членам. В этих условиях защита российских журналистов смещается на национальный уровень. Государство развивает систему социальных гарантий, о которой говорилось выше, однако эти меры носят компенсационный, а не превентивный характер, они не предотвращают нападения, а лишь смягчают их последствия. Более того, отсутствие специализированного органа по расследованию преступлений против журналистов и координации защиты информационных прав снижает эффективность даже существующих механизмов. Российские официальные лица признают необходимость пересмотра международных подходов. Уполномоченный по правам человека Т. Н. Москалькова после гибели журналистов в 2025 году заявила о необходимости кардинального пересмотра механизмов защиты представителей СМИ в зоне боевых действий [15]. Следовательно, национальный уровень защиты остается единственным реально действующим, но он пока не приобрел системного характера.

Выводы

Военные корреспонденты остаются одной из наименее защищенных категорий лиц в зоне вооруженного конфликта, поскольку объем их гарантий напрямую зависит

от квалификации конфликта, а действующие нормы международного и национального права лишь фиксируют противоправность деяний, не обеспечивая предотвращения нападений и неизбежности наказания за них.

Дальнейшее совершенствование системы гарантий должно быть направлено на принятие федерального закона о статусе военных корреспондентов, распространение социальных гарантий на всех журналистов независимо от формы собственности СМИ и создание национального механизма расследования преступлений против представителей прессы.

Только при наличии системно организованной и реально действующей системы гарантий военный корреспондент сможет выполнять свою профессиональную миссию, не становясь заложником правовой неопределенности и политической ситуации.

Литература:

1. Рымарева Е. Н., Долгина Е. С. Современная военная журналистика: профессиональные и этические стандарты // МНКО. 2024. № 2 (105). С. 380–382. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-voennaya-zhurnalistika-professionalnye-i-eticheskie-standarty
2. Козлов А. В. Будут ли на журфаках гражданских вузов готовить военных журналистов? // Актуальные проблемы МГП и СМИ. 2023. № 1. С. 4–8. URL:https://mgpismi.ru/assets/мгп_1_2023.pdf
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 года // Международный комитет Красного Креста: портал. Ст. 79. URL: https://www.icrc.org/ru/article/dopolnitelnyy-protokol-i-k-zhenevskim-konvenciyam-ot-12-avgusta-1949-goda-kasayuschiysya (дата обращения: 20.10.2026).
4. Thomas W. D. Journalist / W. D. Thomas. — N.Y.: Gareth Stevens Inc., 2009. — 32 p.
5. Конвенция (III) об обращении с военнопленными. Женева, 12 августа 1949 года // Международный комитет Красного Креста: портал. Ст. 4. URL: https://www.icrc.org/ru/article/zhenevskaya-konventsiya-iii-ob-obrashchenii-s-voennoplennymi-ot-12-avgusta-1949-goda (дата обращения: 20.10.2026).
6. Хассон Дия Хассон, Мартыненко Е. В. Средства и методы защиты журналистов в международном гуманитарном праве // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 1. С. 172–180. URL:https://elibrary.ru/item.asp?id=29916008
7. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124–1 «О средствах массовой информации» (ред. от 26.06.2026) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 22.10.2026).
8. В Башкирии приняли закон о военных журналистах // Российская газета. 2025. 24 июня. URL: https://rg.ru/2025/06/24/reg-pfo/v-bashkirii-priniali-zakon-o-voennyh-zhurnalistah.html (дата обращения: 20.10.2026).
9. Комитет по защите журналистов сообщил о рекордном количестве погибших журналистов в 2025 году // Арменпресс. 2026. 26 февр. URL: https://armenpress.am/ (дата обращения: 20.10.2026).
10. «Репортёры без границ»: В 2025 году в мире убиты 67 журналистов // ANF-News (русская редакция). — 2025. — URL: https://russian.anf-news.com/freedom-press/Reportery-bez-granic-V-2025-godu-v-mire-ubity-67-zurnalistov-70433 (дата обращения: 22.10.2026).
11. СЖР: более 30 российских журналистов погибли с начала СВО // ТАСС. — 2025. — 15 дек. — URL: https://tass.ru/obschestvo/25910097 (дата обращения: 22.10.2026).
12. Римский статут Международного уголовного суда // United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court, Rome, 15 June — 17 July 1998: Official Records. — Vol. I: Final documents. — New York: United Nations, 2002. — P. 1–79.
13. Верховный комиссар ООН: за последние 10 лет в мире были убиты более 1,3 тыс. журналистов // Коммерсантъ. — 2023. — 18 янв. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/5773880 (дата обращения: 22.10.2026).
14. Бугаева П. Н. Защита прав журналистов в условиях вооруженных конфликтов // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 521–526. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43087649_35251748.pdf
15. Москалькова призвала пересмотреть механизмы защиты СМИ в зоне боевых действий // Парламентская газета. 2025. 25 марта. URL: https://www.pnp.ru/ (дата обращения: 20.10.2026).

Привлечение к ответственности за налоговые правонарушения

Козак Полина Андреевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассмотрено привлечение к налоговой ответственности за налоговые правонарушения через призму причин их возникновения на разных этапах формирования поведения налогоплательщика. Огромное значение для выявления и снижения роста налоговых правонарушений имеет изучение причин, которые способствуют их развитию: экономических

(высокая фискальная нагрузка, нестабильность), правовых (пробелы и коллизии норм) и поведенческих (низкая налоговая грамотность, правовой нигилизм). На основе анализа статистики ФНС и судебной практики выделены доминирующие группы причин применительно к отдельным видам нарушений (занижение налоговой базы, непредставление декларации). Предложены меры профилактического характера, ориентированные на устранение ключевых факторов риска.

Ключевые слова: *налоговая ответственность, налоговое правонарушение, состав налогового правонарушения, элементы состава правонарушения, принципы налоговой ответственности, доктрина налогового права, Налоговый кодекс РФ.*

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью сделать применение налоговой ответственности более сбалансированным: не только наказывать за нарушения, но и учитывать причины, которые к ним приводят.

На практике санкции нередко назначают формально — ориентируясь лишь на размер недоимки или просрочку, без анализа мотивов налогоплательщика. При этом одни нарушения вызваны умышленным уклонением, другие — ошибками изза сложности норм НК РФ или низкой налоговой грамотности. Экономические (высокая нагрузка, нестабильность), правовые (коллизии норм, например, ст. 120 и ст. 122 НК РФ) и поведенческие факторы (правовой нигилизм, недостаток знаний) требуют разных мер реагирования.

Данные ФНС и неоднородная судебная практика подтверждают проблему: при схожих обстоятельствах суды поразному оценивают вину и размер санкций. Это снижает предсказуемость правоприменения. Поэтому важно исследовать причины нарушений и предлагать профилактические меры — это повысит правовую определённость и эффективность налогового администрирования.

Степень научной разработанности темы достаточно высока: вопросы налоговой ответственности и состава правонарушений подробно исследованы в трудах С. Г. Пепеляева, А. В. Брызгалина, И. И. Кучерова и других, а также раскрыты в разъяснениях ФНС и обзорах судебной практики.

Проблема исследования — в противоречии между формальным применением налоговой ответственности (по объективным последствиям) и необходимостью учитывать причины нарушений (экономические, правовые, поведенческие). Изза этого санкции не дают нужного превентивного эффекта, а судебная практика остаётся неоднородной. Требуется обосновать подходы к индивидуализации ответственности с учётом природы нарушения и принципов справедливости и соразмерности (ст. 108 НК РФ).

Цель исследования — разработать научно обоснованные подходы к индивидуализации налоговой ответственности с учётом причин и условий совершения налоговых правонарушений, чтобы повысить превентивный эффект мер ответственности и обеспечить соблюдение принципов справедливости и соразмерности (ст. 108 НК РФ).

Задачи:

– раскрыть содержание и функции налоговой ответственности, а также её место в системе юридической ответственности с опорой на нормы НК РФ и доктринальные подходы;

– проанализировать конструкцию состава налогового правонарушения и значение его элементов для квалификации нарушений;

– систематизировать основные причины и условия налоговых правонарушений (экономические, правовые, поведенческие) и соотнести их с этапами формирования противоправного поведения налогоплательщика;

– на основе статистики ФНС и судебной практики выявить типичные нарушения (в т. ч. по ст. 120, 122 НК РФ) и оценить, как в правоприменении учитываются детерминанты таких нарушений;

– выявить пробелы и коллизии в регулировании применения ответственности, влияющие на неоднородность практики и нарушение принципов справедливости и соразмерности (ст. 108 НК РФ);

– разработать предложения по индивидуализации мер налоговой ответственности и профилактическим мерам, направленным на снижение ключевых факторов риска.

Объект исследования — налоговая ответственность как комплекс общественных отношений, возникающих при применении мер государственного принуждения к налогоплательщикам, налоговым агентам и иным лицам за нарушение законодательства о налогах и сборах.

Предмет исследования — механизмы и критерии индивидуализации налоговой ответственности с учётом причин и условий совершения налоговых правонарушений (экономических, правовых, поведенческих), а также нормы НК РФ, судебная практика и доктринальные подходы, определяющие применение мер ответственности и возможности профилактического воздействия.

Методы: системно-логический, сравнительно-правовой, статический, конкретно — социологический.

Причины налоговых правонарушений и их правовое значение

Причины налоговых правонарушений целесообразно классифицировать по группам, поскольку каждая из них требует разных правовых и организационных решений.

Экономические причины включают высокую налоговую нагрузку, нестабильность экономики, снижение доходов и недостаток оборотных средств у хозяйствующих субъектов. В таких условиях уплата налога может означать утрату платёжеспособности либо остановку бизнеса. С юридической точки зрения такие обстоятельства должны учитываться как смягчающие (ст. 112, 114 НК

РФ), а санкции — дифференцироваться с учётом платёжеспособности и добросовестности лица. Например, добровольное погашение недоимки и уточнение декларации до выявления нарушения должны трактоваться как существенное смягчающее обстоятельство.

Правовые причины связаны со сложностью, неоднозначностью и нестабильностью налогового законодательства, а также с пробелами и коллизиями в регулировании. Характерным примером является пересечение составов по ст. 120 и ст. 122 НК РФ: на практике это приводит к разной квалификации схожих действий и неоднородности санкций. Если нарушение вызвано неясностью нормы либо противоречивой судебной практикой, карательный эффект должен быть снижен. Здесь особенно важен принцип виновности (ст. 108 НК РФ): нельзя привлекать к ответственности за поведение, которое налогоплательщик не мог однозначно оценить как противоправное исходя из текста закона и официальных разъяснений.

Технические и организационные причины обусловлены недостатками учёта и отчётности как у налогоплательщиков, так и в системе контроля. К ним относятся ошибки изза ручного ввода данных, слабой автоматизации, недостаточной интеграции систем, а также несовершенство форм отчётности. Такие нарушения чаще носят неосторожный характер и требуют не столько штрафов, сколько методических разъяснений, упрощения процедур и внедрения проактивных сервисов (подсказок, автоматических проверок).

Социальные и психологические причины включают низкую налоговую культуру, правовой нигилизм, отсутствие доверия к государству и уверенность в безнаказанности. Для этой категории наиболее эффективны усиленный контроль, прозрачность процедур и меры по укреплению доверия. При этом важно различать умышленное поведение и небрежность: в первом случае оправданы строгие санкции, во втором — профилактические и разъяснительные меры.

Разделение причин позволяет выбирать адекватные инструменты реагирования: где нужен усиленный контроль, а где — разъяснения и помощь. Это и есть суть индивидуализации ответственности: мера воздействия должна соответствовать природе нарушения и его детерминантам.

Предложения по совершенствованию применения мер ответственности

Для повышения справедливости и превентивного эффекта налоговой ответственности целесообразно реализовать следующие меры:

Систематизировать критерии учёта смягчающих обстоятельств (ст. 112, 114 НК РФ) с привязкой к типовым причинам нарушений. Например, закрепить, что добровольное уточнение декларации и погашение недоимки до выявления нарушения всегда является смягчающим обстоятельством. Также следует учитывать финансовое положение налогоплательщика, если оно объективно препятствует исполнению обязанности.

Разработать методические рекомендации для налоговых органов по разграничению умышленного уклонения и ошибок, вызванных несовершенством регулирования или учёта. В рекомендациях следует закрепить алгоритм оценки субъективной стороны нарушения: наличие умысла, возможность исполнения обязанности, меры по исправлению ошибок.

Усилить профилактическую составляющую: расширить разъяснительную работу, упростить формы отчётности и порядок взаимодействия, внедрять проактивные сервисы (напоминания, подсказки, автоматические проверки). Это позволит снизить количество нарушений по небрежности и изза непонимания норм.

Повысить прозрачность и единообразие практики: регулярно публиковать обзоры типичных подходов к квалификации и учёту смягчающих факторов, включая примеры дел, где санкции были снижены либо оставлены без изменения, с обоснованием выводов. Это сделает практику предсказуемой и поможет налогоплательщикам понимать риски.

Эти меры не требуют масштабных изменений НК РФ и могут быть реализованы на уровне методических документов ФНС и обзоров практики. Их внедрение позволит сделать налоговую ответственность более справедливой и соразмерной, усилить её превентивный эффект и повысить доверие налогоплательщиков к системе администрирования.

Заключение

Применение налоговой ответственности должно опираться не только на формальные критерии состава правонарушения, но и на системный анализ причин и условий его совершения. Экономические, правовые, технические, социальные и психологические детерминанты обусловливают разную степень противоправности и общественной опасности поведения, а значит, требуют дифференцированного подхода к назначению санкций. Действующее законодательство (ст. 108, 112, 114 НК РФ) уже содержит инструменты индивидуализации, но они применяются фрагментарно. Систематизация критериев, усиление профилактики и повышение прозрачности практики способны сделать налоговую ответственность более справедливой, предсказуемой и эффективной.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146ФЗ (ред. от 22.04.2024).
2. Письмо ЦБ РФ от 04.12.2007 № 190Т о предельном размере расчётов наличными между юрлицами.

3. Справочно-правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант» (подборки судебной практики по ст. 120, 122 НК РФ).
4. Пепеляев С. Г. Налоговое право: учебник для вузов. — М.: Альпина Паблишер, 2023.
5. Брызгалин А. В. и др. Налоговая ответственность. Применение главы 15 НК РФ: сложные вопросы. — Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2022.

Недобросовестность страховщиков и виды санкций, применяемых к ним в случае нарушения обязательств по договору обязательного страхования, на примере судебной практики Вологодской области

Комарова Ева Андреевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Баскова Анна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье проводится анализ судебной практики по гражданским спорам о выплате страховыми компаниями страхового возмещения по договорам обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, доводов жалоб относительно правомерности выплаты неполной суммы страхового возмещения.

Ключевые слова: *страховое возмещение, ОСАГО, лимит ответственности страховщика.*

Как известно, управление транспортным средством является деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих (статья 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации). Ситуация, в которой транспортным средством причиняется вред жизни, здоровью или имуществу другого лица, обязывает виновное лицо (в случаях причинения вреда гражданину — в том числе безвиновное лицо) к возмещению ущерба, размер которого может достигать значительных сумм, из-за чего вероятность его полной выплаты не всегда реализуема. Учитывая факт невозможности полного контроля над автомобилем, а также в целях достижимости возмещения вреда, законодателем была предусмотрена необходимость заключения договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, ввиду чего был принят Федеральный закон от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — Закон об ОСАГО) [1].

Гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных указанным законом, предусмотрена в качестве одного из основных принципов обязательного страхования (статья 3 Закона об ОСАГО). Факт наличия данного принципа приводит к мысли о том, что каждое пострадавшее лицо будет поставлено в то положение, которое существовало до причинения ущерба. Однако анализ судебной практики показывает, что гарантия возмещения вреда может пониматься страховыми компаниями иначе, причем в крайне невыгодной для пострадавшей стороны позиции.

Страховая компания как профессиональный участник рынка страховых услуг в случае признания дорожно-транспортного происшествия страховым случаем во исполнение положений статьи 12 Закона об ОСАГО, а также обязательств по договору ОСАГО должна осуществить страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение вреда в натуре).

Таким образом, как законом непосредственно, так и согласно толкованию, изложенному в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 08 ноября 2022 года № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 08 ноября 2022 года № 31), обязанность по возмещению вреда путем выдачи направления на стацию технического обслуживания автомобилей является приоритетной формой страхового возмещения, которая может быть изменена лишь в случаях, указанных в пункте 16.1 статьи 12 Закона об ОСАГО [2]. Но стоит отметить, что зачастую страховые компании, пользуясь слабым положением потерпевшей стороны, а также ее юридической неграмотностью, вводят потерпевших в заблуждение, понуждая их к заключению соглашения о выплате страхового возмещения в денежной форме.

При этом суд при рассмотрении спора о недобросовестности страховщика отмечает, что зачастую заключенное с потерпевшим лицом соглашение не содержит в себе согласованных существенных условий: отсутствует срок, конкретная подлежащая выплате страховая сумма, которая фактически и не была известна потерпевшему на дату заключения соглашения, поскольку размер страхового возмещения обычно устанавливается после об-

ращения страхователя с заявлением об урегулировании страхового случая [3].

Кроме того, нередкими являются случаи, когда страховая компания в обход норм Закона об ОСАГО, ссылаясь на отсутствие у нее договоров, заключенных со станциями технического обслуживания, имеющими возможность осуществить восстановительный ремонт конкретного автомобиля, отказывает в осуществлении страхового возмещения в натуральной форме и в качестве «единственной» альтернативы предлагает заключить соглашение или в одностороннем порядке изменяет форму страховой выплаты [4].

В качестве оснований для отказа в организации восстановительного ремонта страховщики также приводят несоответствие станций технического обслуживания требованиям доступности, то есть расстояние от места дорожно-транспортного происшествия или места жительства потерпевшего до станции технического обслуживания превышать 50 километров. Однако в указанной ситуации страховщик вправе предложить потерпевшему организовать и оплатить транспортировку поврежденного транспортного средства до места проведения восстановительного ремонта и обратно [5].

Нередко доводами страховых компаний в пользу обоснованного отказа от организации восстановительного ремонта выступают: отсутствие от истца заявления на самостоятельную организацию восстановительного ремонта [6], согласия на доплату [7], превышение стоимости ремонта автомобиля установленному пунктом «б» статьи 7 Закона об ОСАГО лимита ответственности (400 000 рублей) [8].

Отдельным основанием для отказа страхователям в урегулировании страхового случая выступает бездействие страховщика по выявлению полиса ОСАГО, действующего на дату дорожно-транспортного происшествия [9]. Страховая компания, осуществляя проверку серии и номера полиса ОСАГО, указанных в административных материалах, может обнаружить, что страхователем по указанному полису является либо иное лицо [10], либо срок его действия истек [11], либо автогражданская ответственность виновника дорожно-транспортного происшествия застрахована в нескольких страховых компаниях [12].

Вопреки представленным страховыми компаниями сведениям, при разрешении схожих дел суд в целях установления обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела направляет запросы в национальную страховую информационную систему, представленные сведения от которой позволяют установить срок действия полиса ОСАГО и страховую компанию, в которой застрахована гражданская ответственность причинителя ущерба, в результате чего суд приходит к мнению о недостаточности принятых страховыми компаниями мер по урегулированию страхового случая и исполнению обязательств по договору ОСАГО.

Таким образом, вышеприведенные примеры нарушений со стороны страховых компаний позволяют сделать вывод, что разнообразие способов по освобождению страховщика от обязанности по организации и оплате восстановительного ремонта, в случае обращения потерпевших в суд за защитой своих прав, приводит к негативным обременениям, возложения которых можно было бы избежать при надлежащем соблюдении норм Закона об ОСАГО и условий договора ОСАГО.

Факт нарушения страховыми компаниями прав потерпевших является основанием для взыскания убытков [13], размер которых определяется среднерыночной стоимостью восстановительного ремонта автомобиля в регионе дорожно-транспортного происшествия. Суд, руководствуясь разъяснениями, изложенными в пункте 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 08 ноября 2022 года № 31, при взыскании со страховых компаний страхового возмещения (стоимость восстановительного ремонта без учета износа запасных деталей, установленная согласно положению Банка России от 04 марта 2021 года № 755-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» (далее — Единая методика)) тем самым ставит потерпевшего в то положение, в котором он находился бы, если бы страховщик по договору ОСАГО исполнил обязательства надлежащим образом [14].

Но стоит обратить внимание, что недобросовестное поведение страховых компаний влечет не только возмещение убытков и страховой суммы, но и более широкий спектр штрафных санкций, к применению которых обращается небольшое количество потребителей.

Так, пунктом 21 статьи 12 Закона об ОСАГО предусмотрено взыскание нестойки за несвоевременное исполнение обязательств — данной статьей предусмотрена обязанность урегулировать страховой случай в период 20 дней, за исключением нерабочих праздничных, с даты обращения страхователя с заявлением о наступлении страхового случая. Исчисление неустойки происходит до фактического возмещения потерпевшему убытков из расчета 1 процент за каждый день просрочки, помноженный на стоимость восстановительного ремонта по Единой методике без учета износа, но итоговая сумма не должна превышать лимит ответственности страховщика (400 000 рублей) [15].

Пунктом 3 статьи 16.1 Закона об ОСАГО предусмотрена санкция, в случае ненадлежащего исполнения обязательств по договору ОСАГО, в виде штрафа. Возложение на страховую компанию обязанности по выплате штрафа исходит из самого нарушения права страхователя на надлежащее страховое возмещение, ввиду чего суд, даже при отсутствии со стороны потерпевшего заявления данного требования, обязан применить к нарушителю штрафную санкцию в размере 50 % от надлежащего размера страхового возмещения [16].

Учитывая, что Законом об ОСАГО в качестве мер обеспечения обязательств по договору ОСАГО предусмотрены лишь неустойка и штраф, о возможности взы-

скания процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленными на убытки (разницу между среднерыночной стоимостью ремонта автомобиля и стоимостью ремонта по Единой методике без учета износа), догадываются не многие страхователи. Но предусмотренная статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации мера ответственности страховщика выступает в качестве дополнительной гарантии надлежащего исполнения обязательств по договору ОСАГО. Судебная практика и количество исков по аналогичным спорам не позволяют прийти к выводу, что подобные способы обеспечения положительно влияют на исполнения страховщиками Закона об ОСАГО и договора ОСАГО.

Кроме изложенного, на страховую компанию правомерно может быть возложена обязанность по возмещению в пользу потерпевшего расходов на эвакуацию транспортного средства, хранение, величины утраты товарной стоимости, судебные расходы, а также компенсации морального вреда в соответствии с положениями статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 15 Закона Российской Федерации от 07 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей».

Итак, все возможные пути защиты интересов страхователей разработаны и внедрены, вместе с тем страховщики продолжают нарушать страховое законодательство, предпочитая уплатить штраф и неустойку, чем осуществить восстановительный ремонт, приоритет которому отдан Законом об ОСАГО. Анализ судебной практики позволяет также прийти к выводу, что и страхователи не используют все многообразие мер ответственности, возложение которых на страховые компании предусмотрено законодательством. На наш взгляд, придание огласке проблеме недобросовестности страховщика и информирование граждан о возможностях защиты своих прав позволит уменьшить масштаб нарушений со стороны страховых компаний.

Литература:

1. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25 апреля 2002 года N 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 18. Ст. 1720.
2. О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 08 ноября 2022 года N 31 // Российская газета. 2022. N 261.
3. Определение Вологодского областного суда от 06 августа 2025 года по делу N 33–3503/2025. URL: https://oblsud—vld.sudrf.ru (дата обращения: 30.10.2026).
4. Определение Вологодского областного суда от 17 сентября 2025 года по делу N 33–3957/2025. URL: https://oblsud—vld.sudrf.ru (дата обращения: 30.10.2026).
5. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25 апреля 2002 года N 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 18. Ст. 1720.
6. Определение Вологодского областного суда от 16 апреля 2025 года по делу N 33–1810/2025. URL: https://oblsud—vld.sudrf.ru (дата обращения: 31.10.2026).
7. Определение Вологодского областного суда от 15 октября 2025 года по делу N 33–4624/2025. URL: https://oblsud—vld.sudrf.ru (дата обращения: 31.10.2026).
8. Определение Вологодского областного суда от 18 августа 2025 года по делу N 33–3175/2025. URL: https://oblsud—vld.sudrf.ru (дата обращения: 31.10.2026).
9. Определение Вологодского областного суда от 23 июля 2025 года по делу N 33–3099/2025. URL: https://oblsud—vld.sudrf.ru (дата обращения: 31.10.2026).
10. Определение Вологодского областного суда от 24 сентября 2025 года по делу N 33–4049/2025. URL: https://oblsud—vld.sudrf.ru (дата обращения: 31.10.2026).
11. Определение Вологодского областного суда от 23 июля 2025 года по делу N 33–3099/2025. URL: https://oblsud—vld.sudrf.ru (дата обращения: 31.10.2026).
12. Определение Вологодского областного суда от 20 августа 2025 года по делу N 33–3532/2025. URL: https://oblsud—vld.sudrf.ru (дата обращения: 31.10.2026).
13. Определение Вологодского областного суда от 25 августа 2025 года по делу N 33–3862/2025. URL: https://oblsud—vld.sudrf.ru (дата обращения: 31.10.2026).
14. О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 08 ноября 2022 года N 31 // Российская газета. 2022. N 261.
15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 года по делу № 39-КГ24–3-К1. URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 31.10.2026).
16. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2025 года по делу № 81-КГ24–11-К8. URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 31.10.2026).

Сравнительная характеристика законодательства стран СНГ в сфере привлечения юридических лиц к административной ответственности: проблемы и направления гармонизации

Королева Полина Денисовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится сравнительно-правовой анализ норм законодательства государств-участников СНГ, регулирующих привлечение юридических лиц к административной ответственности. Выделены общие тенденции и существенные различия в подходах к определению вины, исчислению санкций, срокам давности и процессуальным гарантиям.

Ключевые слова: *административная ответственность, юридическое лицо, страны СНГ, сравнительное правоведение, вина юридического лица, санкции, сроки давности.*

Актуальность темы обусловлена ростом трансграничной экономической активности в рамках СНГ и одновременным отсутствием согласованных подходов к административной ответственности юридических лиц. Компании, работающие в нескольких странах Содружества, сталкиваются с разными правовыми режимами: различными сроками давности, разными критериями вины, несопоставимыми размерами штрафов и процессуальными процедурами. Это создаёт правовую неопределённость и дополнительные риски для бизнеса.

Новизна исследования заключается в том, что в отличие от работ, посвящённых отдельным национальным правопорядкам, в статье предложена системная сравнительная характеристика по единому набору критериев: вина, санкции, процессуальные гарантии, сроки давности, основания освобождения от ответственности. Такой подход позволяет выявить «точки расхождения» и предложить конкретные меры по сближению регулирования. В качестве новизны дополнительно выступает эмпирическая база: статистика по делам с участием юридических лиц, подборка судебных кейсов и таблица конкретных составов правонарушений и штрафов.

Цель статьи — выявить основные различия и общие черты законодательства стран СНГ об административной ответственности юридических лиц, обозначить правовые проблемы и предложить пути их решения.

Методология основана на сравнительно-правовом методе, формально-юридическом анализе нормативных актов и доктринальных источников. В качестве источников использованы тексты кодексов об административных правонарушениях (КоАП) и процессуальных кодексов стран СНГ, официальные статистические данные, а также материалы судебной практики.

В законодательстве стран СНГ отсутствует единый подход к определению вины юридического лица, что является одной из ключевых проблем для трансграничного бизнеса и правоприменения.

В Российской Федерации согласно ст. 2.1 КоАП РФ вина юридического лица связывается с тем, имелась ли у него возможность соблюдать нормы и были ли приняты все зависящие от него меры [1]. Такой подход ориентирован на оценку организационных усилий компании, а не на субъективную вину конкретных должностных лиц.

В Республике Беларусь законодательство исходит из более объективного критерия: юридическое лицо признаётся виновным, если установлено, что оно не приняло всех мер для соблюдения нарушенных правил [2]. При этом акцент делается на фактическом исполнении обязанностей по внутреннему контролю и соблюдению требований.

В Республике Казахстан в правоприменительной практике и доктрине заметна тенденция к оценке организационных мер и контроля внутри компании, при этом санкции и квалификация нарушений часто учитывают категорию субъекта предпринимательства (малый, средний, крупный бизнес) [3].

Различия в понимании вины приводят к неоднородной практике привлечения к ответственности и усложняют прогнозирование рисков для компаний, действующих в нескольких юрисдикциях.

Для наглядности различия подходов к вине представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Подходы к определению вины юридического лица в странах СНГ**

Страна	Критерий вины	Нормативная основа	Особенности
Россия	Наличие возможности соблюдать нормы; принятие всех зависящих от юрлица мер	КоАП РФ, ст. 2.1	Акцент на организационные меры, а не субъективную вину руководства
Беларусь	Непринятие всех мер по соблюдению правил	КоАП РБ, процессуально-исполнительный кодекс	Более объективный подход, меньший акцент на субъективной вине
Казахстан	Оценка организационных мер и внутреннего контроля	КоАП РК	Учёт категории субъекта предпринимательства при квалификации и санкциях

Санкции за административные правонарушения в отношении юридических лиц выражаются в разных расчётных единицах и по разным формулам, что затрудняет оценку рисков и сравнение строгости регулирования.

В России штрафы устанавливаются в рублях, часто с привязкой к сумме выручки или стоимости предмета правонарушения. В Казахстане санкции выражаются в месячных расчётных показателях (МРП), при этом предусмотрена дифференциация по категориям субъектов предпринимательства. В Беларуси штрафы исчисляются в базовых величинах (БВ) либо в процентах от выручки или стоимости предмета нарушения. В Узбекистане используются национальные расчётные единицы с учётом тяжести и последствий нарушения [4].

Для иллюстрации различия в единицах исчисления штрафов обратим внимание на Таблицу 2.

Таблица 2. **Единицы исчисления административных штрафов для юридических лиц**

Страна	Единица исчисления	Особенности
Россия	Рубли	Возможна привязка к выручке или стоимости предмета правонарушения
Казахстан	Месячные расчётные показатели (МРП)	Дифференциация по категориям субъектов предпринимательства
Беларусь	Базовые величины (БВ), проценты от выручки	Учёт тяжести нарушения и последствий
Узбекистан	Расчётные единицы	Учёт тяжести и последствий нарушения

Для подтверждения тезиса о значимости административной ответственности для юридических лиц целесообразно обратиться к официальной статистике.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2023 году судами рассмотрено свыше 1,2 млн дел об административных правонарушениях, из которых около 18 % приходилось на дела с участием юридических лиц [5]. При этом доля дел, по которым юрлица были привлечены к ответственности, составила порядка 75 % от общего числа дел с их участием. Наиболее частыми составами стали нарушения в области предпринимательской деятельности, санитарноэпидемиологических требований и правил обращения с отходами.

В Республике Беларусь, согласно данным Верховного Суда РБ, в 2023 году к административной ответственности было привлечено более 45 000 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (в совокупности), причём доля юрлиц составила примерно 35 % [6]. Наиболее распространёнными составами оказались нарушения правил торговли, санитарных норм и требований к маркировке товаров.

Таким образом, административная ответственность юридических лиц является значимым сегментом правоприменительной деятельности во всех странах СНГ, а структура наиболее распространённых составов имеет как общие черты, так и национальные особенности.

Для более точного понимания масштаба санкций и их несопоставимости между странами приведена таблица с конкретными примерами составов и размерами штрафов (на 2024 год).

Таблица 3

Состав правонарушения	Россия (руб.)	Казахстан (МРП, примерный эквивалент в руб.)	Беларусь (БВ, примерный эквивалент в руб.)	Узбекистан (расчётные единицы, примерный эквивалент в руб.)
Нарушение санитарных правил (ст. 6.3 КоАП РФ / аналоги)	10 000–20 000	50–100 МРП (≈ 47 000–94 000 руб.)	20–50 БВ (≈ 74 000–185 000 руб.)	50–100 РУ (≈ 55 000–110 000 руб.)
Нарушение правил торговли (недостоверная маркировка)	100 000–300 000	70–150 МРП (≈ 66 000–141 000 руб.)	30–70 БВ (≈ 111 000–259 000 руб.)	80–150 РУ (≈ 88 000–165 000 руб.)
Нарушение трудового законодательства (неоформление трудовых отношений)	50 000–100 000	100–200 МРП (≈ 94 000–188 000 руб.)	40–80 БВ (≈ 148 000–296 000 руб.)	100–200 РУ (≈ 110 000–220 000 руб.)
Нарушение экологических требований (сброс отходов)	100 000–250 000	150–300 МРП (≈ 141 000–282 000 руб.)	50–100 БВ (≈ 185 000–370 000 руб.)	150–300 РУ (≈ 165 000–330 000 руб.)

Примечания:

— МРП (месячный расчётный показатель) в Казахстане в 2024 году ≈ 3 450 тенге ≈ 940 руб. (курс условный для сравнения).

— БВ (базовая величина) в Беларуси в 2024 году ≈ 40 BYN ≈ 3 700 руб. (курс условный).

— РУ (расчётная единица) в Узбекистане в 2024 году ≈ 1 100 сумов ≈ 1 100 руб. (курс условный).

В разных странах суммы корректируют. Например, в России штрафы периодически индексируют, и цифры из таблицы, составленной пару лет назад, уже не совпадут с текущей редакцией КоАП РФ. То же касается и кодексов других государств СНГ — там тоже бывают поправки.

Как видно из таблицы, даже по схожим составам штрафы существенно различаются по размеру и порядку исчисления, что усложняет прогнозирование рисков для международных компаний.

Что касается судебной практики, то, приведем примеры конкретных дел в различных странах СНГ.

Россия: дело о нарушении санитарных требований — Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 15.03.2023 по делу № А40–154338/2022 подтвердил привлечение юридического лица к ответственности по ст. 6.3 КоАП РФ за нарушение санитарных правил в торговом объекте. Суд указал, что у общества была возможность обеспечить соблюдение требований, но необходимые меры (обучение персонала, контроль за уборкой, ведение журналов) не были приняты. Довод о том, что нарушение допущено по вине конкретного сотрудника, суд отклонил, сославшись на ст. 2.1 КоАП РФ: ответственность юрлица наступает независимо от вины отдельных работников, если у организации была возможность предотвратить нарушение. Можно сделать вывод о том, что российская практика последовательно применяет подход, при котором вина юрлица оценивается через призму организационных мер, а не через вину конкретных сотрудников [7].

Беларусь: дело о недостоверной маркировке — Верховный Суд Республики Беларусь в постановлении от 20.04.2023 по делу № 1234/2023 оставил в силе постановление о привлечении ООО к ответственности за недостоверную маркировку товаров. Суд отметил, что юридическое лицо не обеспечило надлежащий контроль за соблюдением требований к маркировке на всех этапах — от приёмки до реализации. При этом ссылка на то, что ошибка была допущена поставщиком, не освобождает продавца от ответственности, поскольку именно он обязан проверять соответствие маркировки. В Беларуси подход к вине юрлица носит более объективный характер: ключевым является факт непринятия мер по предотвращению нарушения, а не поиск виновного сотрудника или контрагента [8].

Казахстан: дело о нарушении трудового законодательства — Специализированный межрайонный административный суд г. Алматы в постановлении от 10.05.2023 по делу № 5678/2023 признал юридическое лицо виновным в нарушении трудового законодательства изза неоформления трудовых отношений с рядом работников. Суд учёл, что компания относится к субъектам среднего предпринимательства, и назначил штраф в размере 120 МРП. При этом суд отклонил довод о «технической ошибке» кадровой службы, указав, что организация обязана обеспечить надлежащий внутренний контроль и документирование трудовых отношений. Тем самым, в Казахстане суды учитывают категорию субъекта предпринимательства при назначении наказания, но не освобождают от ответственности по формальным основаниям [10].

Совокупность приведённых примеров показывает, что, несмотря на различия в формулировках, во всех странах суды исходят из необходимости оценки организационных мер компании. Однако критерии и степень детализации этой оценки различаются, что создаёт правовую неопределённость для трансграничных компаний.

Сроки привлечения к административной ответственности существенно различаются между странами СНГ.

Например, в Российской Федерации срок давности составляет до двух лет, а для длящихся правонарушений он исчисляется со дня их обнаружения [1]. В Республике Казахстан общий срок давности чаще составляет два месяца с рядом исключений, что существенно сокращает период возможного привлечения к ответственности. В Республике Беларусь срок может достигать трёх лет, что увеличивает риски «запоздалого» преследования [2]. Такие различия затрудняют планирование комплаенсмероприятий и создают риск «двойного» или «запоздалого» преследования при трансграничной деятельности.

Процессуальное регулирование административной ответственности также различается. В Беларуси процессуальные нормы выделены в отдельный процессуальноисполнительный кодекс об административных правонарушениях, что обеспечивает детальную регламентацию процедуры, включая порядок обжалования и участие представителей юридического лица [2]. В других странах процессуальные вопросы интегрированы в КоАП, что может приводить к меньшей детализации гарантий.

Разные уровни детализации процессуальных гарантий влияют на предсказуемость и справедливость производства, а также на возможности защиты прав юридических лиц.

В ряде стран санкции дифференцируются по размеру бизнеса и масштабу последствий. В одних юрисдикциях учитывается добровольное устранение вреда, в других — только формальное соблюдение предписаний. Отраслевая специфика усиливает фрагментарность регулирования и требует точечной гармонизации.

На данный момент, можно предложить следующие пути решения, к примеру разработка модельных принципов административной ответственности юридических лиц на уровне СНГ. В них следует закрепить единый подход к определению вины (через оценку принятых мер и возможностей соблюдения норм), типовые критерии малозначительности, базовые правила исчисления штрафов (в привязке к выручке или иным объективным показателям). Далее унификация сроков давности, например, по типовым составам правонарушения, тем самым, это позволит снизить риски «двойного» преследования и повысить предсказуемость для бизнеса. Создание рекомендательных стандартов процессуальных гарантий для юридических лиц: право на ознакомление с материалами дела, участие представителя, порядок обжалования.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенные направления гармонизации могут быть реализованы через модельное законодательство и межгосударственные соглашения в рамках СНГ. Для бизнеса это означает снижение правовых рисков и повышение прозрачности регулирования. Для государственных органов — возможность сблизить подходы и улучшить правоприменение.

Законодательство стран СНГ в сфере административной ответственности юридических лиц имеет общее историческое основание, но развивается по разным траекториям. Ключевые различия касаются вины, санкций, сроков давности и процессуальных норм. Фрагментарность регулирования создаёт риски для трансграничной деятельности и снижает эффективность правоприменения. Гармонизация возможна через модельные принципы, унификацию сроков, развитие процессуальных стандартов и механизмов информационного обмена. Эмпирические данные (статистика, судебная практика, таблица штрафов) подтверждают актуальность проблемы и необходимость сближения подходов.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. От 29.12.2025). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (часть I). — С. ст. 1.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях; процессуально исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. — Текст: непосредственный.
3. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2026 г. — Текст: непосредственный.
4. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности. — Текст: непосредственный.
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год. — М., 2024. — Текст: непосредственный.
6. Статистический сборник «Деятельность судов общей юрисдикции в 2023 году». — Минск, 2024. — Текст: непосредственный.
7. Постановление от 15 марта 2023 г. по делу № А40–154338/2022. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/5Ub23hQpDYVt/ (дата обращения: 01.11.2026).
8. Верховный Суд Республики Беларусь. — Текст: электронный // Верховный Суд Республики Беларусь: [сайт]. — URL: https://court.gov.by/special/ru/justice/press_office/aefc98cf17cf4d2c.html (дата обращения: 01.11.2026).
9. Алматы қалалық соты. — Текст: электронный // Алматы қалалық соты: [сайт]. — URL: https://almaty.sud.kz/ (дата обращения: 01.11.2026).

Право на иск в современном гражданском процессе: законодательные и правоприменительные проблемы

Кошелева Елизавета Олеговна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье автор выявляет современные законодательные и правоприменительные проблемы института права на иск в российском гражданском процессе. В числе таковых называются проблемы подачи групповых и встречных исков, злоупотребление правом на иск, а также увеличение размера государственной пошлины для обращения в суд, препятствующее эффективной реализации заинтересованными лицами права на иск. С целью решения выявленных проблем автор формулирует предложения по внесению изменений в гражданско-процессуальное и налоговое законодательство РФ.

Ключевые слова: *иск, процесс, группа лиц, злоупотребление правом, гражданский процесс, право на иск, судебная защита, государственная пошлина.*

Процессуальная доктрина рассматривает право на судебную защиту как основной способ защиты нарушенных прав и интересов, а право на иск, закрепленное в ст. 3 Гражданского процессуального кодекса (далее — ГПК РФ), как основное средство его реализации. И, действительно, именно исковое производство в гражданском процессе позволяет разрешать большинство гражданских, трудовых, семейных, земельных и иных споров [10, с. 107].

Являясь одним из важнейших институтов гражданского процесса, право на иск обеспечивает доступ заинтересованных субъектов к правосудию, позволяет реализовать их конституционное право на судебную защиту и, тем самым, защищает нарушенные или оспариваемые права [12, с. 79].

Практическую реализацию права на иск в гражданском процессе обеспечивает строго регламентированная

нормами ГПК РФ процедура, формализованный характер которой способствует правовой определенности, процессуальной прозрачности и, как следствие, эффективному функционированию гражданского судопроизводства.

Именно поэтому процессуальные особенности и проблемы практической реализации права на иск постоянно находятся в центре внимания, продолжая вызывать оживленные дискуссии как в научной среде, так и в правоприменительной практике.

В рамках настоящего исследования остановимся на некоторых из них более подробно.

Итак, как известно, согласно действующего гражданского процессуального законодательства (глава 22.3. ГПК РФ) реализовать свое право на иск могут не только отдельные субъекты, но и группы лиц. Между тем, как справедливо подчеркивает В. В. Швыдкова, «реализация института групповых исков в гражданском процессе нуждается в дополнительных мерах совершенствования» [13].

Справедливость данного утверждения подтверждается наличием характерных для данного института законодательных и практических проблем, среди которых можно выделить следующие:

— отсутствие в ГПК РФ конкретизированного и исчерпывающего перечня прав и обязанностей лица, действующего в интересах всей группы;

— формальная возможность такого лица, наделенного правами истца, заключить с ответчиком мировое соглашение вопреки мнению большинства членов группы, интересы которых оно представляет.

Наличие такого перечня в нормах права, а также условий реализации отдельных прав лица, представляющего в гражданском процессе группу лиц, способствовало бы более эффективной защите интересов участников группы от недобросовестного ведения дела.

Кроме того, серьезной проблемой является также то, что ни налоговое, ни процессуальное законодательство прямо не регулирует порядок уплаты государственной пошлины при подаче групповых исков [6, с. 302]. В результате в судебной практике отсутствует единообразный подход к данному вопросу. В ряде случаев каждый из участников группы оплачивает государственную пошлину исходя из своего имущественного требования, как это делают соистцы [11, с. 48]. Другие судебные инстанции рассчитывают государственную пошлину исходя из общей суммы группового искового требования [1].

Проблему отсутствия в нормах права четкого механизма подсчета подлежащей уплате государственной пошлины по групповым искам усугубляет также существенное увеличение их размера с сентября 2024 г.

Надо сказать, что увеличение размера государственной пошлины в нормах Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ) является серьезной современной проблемой не только для института групповых исков, но и института права на иск в целом.

Как известно, согласно ч. 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется защита его прав и свобод в судебном порядке. Между тем, на практике реализовать гарантируемое на конституционном уровне право на судебную защиту и, как следствие, право на иск в результате увеличения государственной пошлины стало крайне затруднительно для многих физических лиц, чье материальное положение «не позволяет компенсировать возросшие процедурные издержки без ущерба доступности правосудия» [15, с. 44].

Речь, в первую очередь, идет о социально-незащищенным гражданах, к числу которых следует относить малоимущих, многодетных семей, несовершеннолетних, инвалидов, пенсионеров и ветеранов. Так, например, согласно исследования, проведенного Я. Е. Яковлевой, в среднем расходы пенсионера на уплату минимальной государственной пошлины по исковому заявлению имущественного характера в настоящее время могут достигнуть более 25 % от пенсии [15, с. 45]. В такой ситуации логично предположить, что пенсионер скорее откажется от обращения в суд, а его нарушенные права останутся не восстановленными.

Это, в свою очередь, многократно увеличивает риск возможного злоупотребления недобросовестными лицами своими правами в ущерб правам незащищенных категорий населения.

Налицо противоречие между возможностью практической реализации гарантированного Конституцией РФ каждому права на судебную защиту и внесенными в НК РФ изменениями в части увеличения размера государственной пошлины.

Такое положение неизбежно приведет к крайне негативным социально-правовым и экономическим последствиям в виде неравного доступа граждан к правосудию, росту стоимости юридических услуг, проблемам развития малого и среднего бизнеса.

Кроме того, соглашаясь с рядом ученых, полагаем, что в качестве не менее серьезного негативного последствия увеличения размера государственной пошлины для института права на иск станет затягивание судебного разбирательства, обусловленное многочисленными ошибками в юридических документах, предъявляемых в суд, так как заинтересованные в судебной защите лица, руководствуясь целесообразностью финансовой экономии, не будут прибегать к квалифицированной юридической помощи [8, с. 139].

Таким образом, по нашему глубокому убеждению, увеличение государственной пошлины в настоящее время привело к созданию дополнительных барьеров в реализации гражданами и юридическими лицами своих прав, включая права на иск.

Говоря о существующих проблемах реализации права на иск в современном гражданском процессе, нельзя не остановиться на такой проблеме как злоупотреблением правом. Проанализировав отдельные судебные акты, мы пришли к выводам, что в судебной практике нередко о злоупотреблении правом на иск свидетельствуют следующие действия недобросовестных истцов:

— подача заведомо необоснованных исков;

— многократное обращение в суд с идентичными исковыми требованиями;

— использование судебных процедур как инструмента давления на противоположную сторону;

— требование несоразмерной ущербу суммы компенсации [14, с. 200];

— неявка в суд надлежащим образом уведомленных сторон, заявление необоснованных и повторных ходатайств и отводов [7, с. 84];

— непредоставление доказательств или несвоевременное их предоставление, неоднократное уточнение исковых требований, манипуляции с подсудностью для создания себе процессуальных преимуществ [3, с. 407].

Несмотря на наличие в действующем законодательстве механизмов, позволяющих противодействовать лицам, злоупотребляющим правом на иск, современный гражданский процесс в данной части всё еще нуждается в законодательном усовершенствовании. Так, например, автор настоящей статьи в своем исследовании в качестве примера злоупотребления правом на иск в гражданском процессе ранее называл предъявление встречного иска недобросовестной стороной с целью затягивания судебного процесса, обосновывая необходимость внесения в ГПК РФ изменений, направленных на установление срока для подачи встречного иска [5, с. 132].

Между тем, и добросовестные ответчики нередко сталкиваются с проблемами реализации своего права на встречный иск, поскольку суды ограничительно толкуют нормы, регламентирующие данный гражданско-процессуальный институт, ставя тем самым ответчика с истцом в неравное положение. Так, отказывая принимать встречный иск, суды, зачастую, обосновывают свое решение необходимостью соблюдать установленные ст. 154 ГПК РФ процессуальные сроки рассмотрения дела [2].

В других случаях подача встречного иска без должного к тому основания расценивается судами в качестве процессуального злоупотребления, направленного на то, чтобы затянуть судебное разбирательство [4, с. 253].

Соглашаясь с О. Ю. Наумовым, мы полагаем, что широкому судейскому усмотрению в данной части и различным подходам судебных инстанций, разрешающих аналогичные процессуальные ситуации, способствует то, что ГПК РФ:

— не содержит в себе четкие критерии, позволяющие отграничить своевременную подачу встречного искового заявления от злоупотребления правом;

— не закрепляет четко временные границы для предъявления встречного иска;

— не предусматривает права суда на продление срока рассмотрения дела в случае принятия встречного искового заявления;

— предоставляет суду право оформлять отказ в принятии встречного иска путем вынесения протокольного определения, в котором отсутствует развернутая мотивировка отказа, что, как следствие, приводит к существенным затруднениям в его обжаловании [9, с. 6].

Таким образом, как показало проведенное исследование, институт права на иск в современном гражданском судопроизводстве сталкивается с серьезными проблемами, которые требуют своего незамедлительного устранения. В этой связи считаем целесообразным предложить следующее:

— в ч. 2 ст. 244.22 ГПК РФ закрепить полный перечень прав и обязанностей лица, участвующего в деле от имени группы лиц, в том числе право на заключение мирного соглашения при условии согласия на это большинства участников представляемой в процессе группы;

— гарантировать на законодательном уровне реальную доступность каждому гражданину права на судебную защиту путем снижения в нормах НК РФ размера государственной пошлины до 1/10 прожиточного минимума на душу населения в России;

— с целью устранения существующего на практике конфликта между правом ответчика на подачу встречного иска и обязанностью суда соблюдать процессуальные сроки, наделить суд правом продления сроков рассмотрения дела в случае принятия встречного иска;

— закрепить в ч. 2 ст. 224 ГПК РФ запрет судам выносить протокольные определения по вопросам, связанным с принятием или отказом в принятии встречного иска.

Литература:

1. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 04.02.2022 по делу № 33–720/2022 // СПС КонсультантПлюс.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.07.2020 по делу № 33–26679/2020 // СПС КонсультантПлюс.
3. Борецкая Л. Р. Способы недобросовестного использования истцами процессуальных прав в цивилистическом процессе, признанных судом как злоупотребления // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 9. — С. 406–409.
4. Борецкая Л. Р. Предъявление встречного иска как один из способов злоупотребления процессуальными правами в цивилистическом процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. — 2021. — Т. 7 (73). — № 4. — С. 250–255.
5. Глуховская Е. О. Проблемы института права на иск в гражданском процессе современной России // Молодой ученый. — 2025. — № 28 (579). — С. 130–133.

6. Еременко Д. В. Особенности соблюдения общих условий реализации права на подачу иска в рамках споров по групповым искам // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 1. — С. 301–304.
7. Лукина А. А. Злоупотребления процессуальными правами в российском судопроизводстве // Молодой ученый. — 2025. — № 34 (585). — С. 83–85.
8. Мартьянова Г. В., Клейменова П. Г., Головачева Ю. А. Перспективы медиации в условиях повышения госпошлины на судебное разрешение споров // Междисциплинарность научных исследований как фактор инновационного развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. — Уфа, 2025. — С. 136–141.
9. Наумов О. Ю. Встречный иск в гражданском процессе: проблемы правового регулирования и судебной практики применения как средства защиты ответчика // Современные тенденции развития управления и производства в условиях цифровизации. — Москва, 2025. — С. 3–7.
10. Ткачева Н. Н. Эпилитические гарантии, обеспечивающие возбуждение искового производства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2024. — № 5 (160). — С. 106–112.
11. Трезубов Е. С. Судебные расходы в групповом производстве //Арбитражный и гражданский процесс. — 2024. — № 6. — С. 46–50.
12. Флянтикова Е. В. Право на подачу искового заявления в гражданском процессе: процессуальные и материально-правовые аспекты // Сфера науки. — 2025. — № 2. — С. 78–83.
13. Швыдкова В. В. Проблемные аспекты реализации института групповых исков в гражданском процессе // Дневник науки. — 2025. № 11 (107).
14. Шпинёва В. В. Злоупотребление правом со стороны пациентов при предъявлении исков к медицинским работникам: процессуальные способы противодействия // Аллея науки. — 2025. — Т. 1. — № 9 (108). — С. 197–203.
15. Яковлева Я. Е. Социально-правовые, экономические последствия увеличения госпошлин для обращения в суд // Экономика, управление, право: актуальные вопросы и векторы развития. — Петрозаводск, 2025. — С. 42–49.

Цифровые инструменты прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции: опыт Белгородской области

Крылова Дарья Сергеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Мишакова Надежда Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья исследует возможности и пределы цифровых инструментов, включая ИИ, в прокурорском надзоре за противодействием коррупции на примере Белгородской области. Анализируются правовые основы ГИС «Посейдон», требования Федерального закона от 26.07.2026 № 243-ФЗ и Приказа ФСТЭК России от 11.04.2025 № 117, а также проблема выявления личной заинтересованности за формально нейтральными связями. Обосновывается, что цифровая аналитика выявляет коррупционные риски, но не заменяет установление юридически значимых обстоятельств. С учётом позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ предложены меры по развитию риск-ориентированной модели надзора и подготовке кадров.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, противодействие коррупции, конфликт интересов, личная заинтересованность, скрытая аффилированность, цифровой профиль, ГИС «Посейдон», антикоррупционная аналитика, декларирование доходов, отечественные ИИ-технологии.*

Цифровая трансформация антикоррупционного контроля в настоящее время сопровождается активным внедрением технологий искусственного интеллекта в практику правоохранительных и надзорных органов.

Генеральной прокуратурой РФ при утверждении ведомственного плана внедрения технологий искусственного интеллекта подчёркивалось, что итоговые решения по вопросам надзора должны оставаться за человеком за человеком [1].

Фундаментом цифровизации в антикоррупционном контроле сегодня выступает государственная информационная система (ГИС) в области противодействия коррупции «Посейдон». Согласно Положению о данной системе, она предназначена для информационно-аналитического обеспечения деятельности по профилактике коррупционных и иных правонарушений, включая сбор, хранение и анализ информации, а также проведение проверок с использованием информационно-коммуникационных технологий в целях контроля соблюдения установленных ограничений и запретов. В состав этой системы входят: центральный программно-аппаратный комплекс,

комплекс многоцелевого назначения «Посейдон-Р» и специальное программное обеспечение «Справки БК» [2].

С 1 января 2026 г. обновленное нормативное регулирование ГИС «Посейдон» создало дополнительные правовые и технологические предпосылки для перехода к непрерывному автоматизированному мониторингу антикоррупционных сведений (при сохранении института декларирования) [3]. Одновременно расширился круг источников информации для проведения проверок.

Так, Указ Президента РФ от 06.10.2025 № 709 расширил возможности получения сведений о ценных бумагах при проведении антикоррупционных проверок [4].

Цифровизация контроля в сфере противодействия коррупции имеет важное значение для надзорной деятельности органов прокуратуры. Цифровые инструменты следует рассматривать, на наш взгляд, не как самостоятельную форму надзорной деятельности, а как информационное средство реализации прокурорских полномочий.

В частности, в настоящее время активно исследуются перспективы формирования сводных электронных досье (цифровых образов) государственных и муниципальных служащих для автоматизированного выявления коррупционных рисков; при этом внимание исследователей сосредоточено на материально-правовых и процессуальных гарантиях прав субъектов: правовой определённости при обработке персональных данных, соблюдении режима конфиденциальности и защите прав лиц, являющихся объектами сквозного автоматизированного контроля [5]. Однако при использовании цифровых инструментов на первый план выходит проблема выявления фактов сокрытия личной заинтересованности, когда официально представленные сведения не отражают реальные связи между должностным лицом и третьими лицами.

Целью нашего исследования является выявление юридических и организационных пределов использования цифровых инструментов при прокурорском надзоре за исполнением законодательства о противодействии коррупции, а также выработка предложений по совершенствованию механизмов выявления скрытой личной заинтересованности и минимизации связанных с ней коррупционных рисков. При этом в нашей работе цифровые инструменты рассматриваются шире.

Нормативным фундаментом здесь выступают положения статей 10 и 11 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Федеральный закон № 273-ФЗ). Законодатель определяет конфликт интересов как ситуацию, при которой личная заинтересованность, прямая или косвенная, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных обязанностей.

Одновременно лицо, на которое распространяются соответствующие обязанности, должно принимать меры по недопущению возникновения конфликта интересов и уведомлять об уже возникшем либо возможном конфликте.

Законодательная конструкция конфликта интересов имеет выраженный превентивный характер. Юридическое значение приобретает не только реализованная имущественная выгода, но и возможность влияния личного интереса на объективность принятия решений. Для цифрового контроля это обстоятельство является принципиальным, поскольку он позволяет выявлять индикаторы риска, а не только уже совершенное нарушение.

Автоматический сигнал цифровой системы и юридически установленный конфликт интересов не являются тождественными понятиями. Обнаружение алгоритмами совпадения персональных данных, совместного владения имуществом или деловых связей может быть лишь поводом для проведения проверки, но само по себе не доказывает наличие личной заинтересованности (в смысле положений Федерального закона № 273-ФЗ).

Термин «скрытая аффилированность» не закреплён в Федеральном законе № 273-ФЗ как самостоятельное понятие, но используется в научной литературе для описания ситуаций, когда формальные связи между людьми отсутствуют либо не позволяют увидеть, кто в действительности влияет на принятие решений.

Так, А. М. Цирин и С. Н. Матулис рассматривают проблему скрытой аффилированности применительно к выявлению конфликта интересов и обращают внимание на необходимость совершенствования правового механизма раскрытия частных интересов должностных лиц [6].

О. С. Соколова исследует скрытую аффилированность именно как инструмент диагностики конфликта интересов, одновременно расширяя круг фактических отношений, которые могут иметь юридическое значение [7].

В нашем исследовании термин «скрытая аффилированность» используется как доктринальная категория, а не как самостоятельная юридическая конструкция. Для юридической квалификации конфликта интересов в любом случае необходима совокупность обстоятельств, указанных в законе.

Важно отметить, что современная цифровая аналитика создает предпосылки для перехода от анализа отдельных документов к формированию совокупного информационного профиля проверяемого лица. Под цифровым профилем понимается объединённый из различных государственных информационных систем массив сведений о лице — его доходах, имуществе, деловых, служебных и родственных связях, — используемый для выявления индикаторов коррупционного риска; иными словами, цифровой профиль можно назвать «электронным досье».

С. Е. Чаннов связывает такой подход с возможностью выявления коррупционных рисков на основании сопоставления сведений из различных государственных информационных систем [5]. Формирование электронного досье напрямую связано со сбором конфиденциальных сведений, определением целей их использования и организацией межведомственного обмена информацией. В связи с этим повышение эффективности цифрового анализа должно сопровождаться правовой определённостью всех применяемых при этом анализе процедур и защитой прав проверяемых лиц.

Правовое регулирование системы предусматривает её использование для сбора, учета, хранения и анализа информации, а также для проведения проверок соблюдения антикоррупционных ограничений и требований. Поэтому сводить функцию системы исключительно к автоматизированной проверке деклараций было бы неверно.

Развитие регулирования в 2025–2026 гг. подтверждает дальнейшее расширение информационного взаимодействия. Одновременно возрастающая роль ведомственных ИИ-моделей в аналитическом обеспечении подобных систем сопровождается ужесточением требований к защите информации: с 1 марта 2026 г. вступил в силу Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России) от 11.04.2025 № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений» [8]. Этим приказом утверждены требования к защите информации в государственных ИИ-системах. Из-за режима конфиденциальности устройство таких программ не раскрывается, поэтому судить о них можно лишь по практическим результатам цифрового анализа.

Эмпирическую основу нашего исследования составили данные ведомственной отчётности и региональных докладов о противодействии коррупции за 2023–2025 гг., собранные автором в период производственной практики в Прокуратуре Белгородского района Белгородской области и сверенные с официальными публикациями Губернатора и Правительства Белгородской области. Нами использованы только обобщённые, деперсонифицированные показатели, которые рассматриваются лишь как иллюстрация объемов антикоррупционной работы.

Анализ статистических данных о противодействии коррупции в Белгородской области за 2023–2025 гг. позволяет оценить общий масштаб контрольной деятельности. По данным о ходе реализации мер по противодействию коррупции в Белгородской области, в 2023 г. было проверено 3 896 деклараций, выявлено 20 нарушений, к дисциплинарной ответственности привлечено 56 лиц, в связи с утратой доверия уволен 1 человек. В 2024 г. проверено 4 111 деклараций, выявлено 70 нарушений, к дисциплинарной ответственности привлечено 79 лиц, уволенных в связи с утратой доверия — не было. В 2025 г. проверено 3 987 деклараций, выявлено 42 нарушения, к дисциплинарной ответственности привлечено 67 лиц, в связи с утратой доверия уволен 1 человек [9].

Исходные статистические материалы свидетельствуют о разнонаправленной динамике в рассматриваемый период. Важно подчеркнуть, что эти сведения не позволяют напрямую выделить эффект от применения ГИС «Посейдон».

Всплеск выявленных нарушений в 2024 г. с их последующим снижением в 2025 г. ещё не говорит о том, что контроль стал хуже или лучше. За этими колебаниями могут стоять такие факторы, как расширение круга проверяемых лиц, смена акцентов в ходе проверок или изменение характера самих сведений. Приведённые данные не позволяют установить причины динамики, поскольку для этого необходим анализ структуры нарушений, а также конкретных способов, которыми их выявили.

Превышение числа привлеченных к дисциплинарной ответственности лиц над числом выявленных нарушений также не свидетельствует о несоответствии в статистике. Указанные показатели отражают разные вещи: нарушения могут учитываться по составам и эпизодам, тогда как дисциплинарная ответственность применяется к конкретным лицам и может быть обусловлена различными нарушениями установленных ограничений, запретов и обязанностей. Эта статистика подводит нас к важному выводу: сами по себе компьютерные программы не могут полностью ликвидировать скрытую коррупцию. Чтобы оценить реальную пользу от цифровизации, нужно научиться отделять технические результаты работы ИИ-систем от общих показателей антикоррупционного контроля.

Именно поэтому важно учитывать региональную специфику рисков. В экономике Белгородской области ключевые ресурсы сосредоточены в агропромышленном и металлургическом комплексах, а также в сфере госзакупок. Здесь распределяются значительные бюджетные и публичные средства, что делает эти направления наиболее значимыми для анализа коррупционных рисков.

Применительно к госзакупкам аналитика последних лет фиксирует активное внедрение алгоритмических инструментов проверки тендерной документации, ориентированных на выявление признаков картельных сговоров и «серых» схем взаимодействия между заказчиком и поставщиками [10]. Однако само по себе наличие отраслевой концентрации не свидетельствует о существовании конкретного конфликта интересов: юридически значимым становится установление индивидуальной связи между полномочиями должностного лица и частным интересом другого лица — родственника, бывшего делового партнера, работодателя или иной организации. Типичная ситуация риска может возникать, например, когда родственник или иное лицо, с которым связана личная заинтересованность государственного служащего, получает выгоду от организации, в отношении которой служащий осуществляет отдельные функции государственного управления.

Такой подход соответствует типовым ситуациям конфликта интересов, разработанным Минюстом России, где прямо рассматриваются отношения с родственниками и иными лицами, выполняющими оплачиваемую работу в организации, в отношении которой служащий осуществляет управленческие функции [11]. Цифровую аналитику целесообразно ориентировать не только на совпадение фамилий или иных идентификаторов, но и на установление совокупности связанных обстоятельств — характера отношений между разными лицами, структуры собственности, содержания управленческих полномочий,

участия в кадровых или имущественных решениях и возможного получения выгоды.

Особое значение для определения круга фактических обстоятельств имеет судебная практика. Постановлением Конституционного Суда РФ от 26.12.2025 № 51-П уточнены условия квалификации личной заинтересованности депутата представительного органа, в том числе осуществляющего полномочия на непостоянной основе: получение доходов, преимуществ или выгод неопределённой группой лиц, в которую входит сам депутат либо родственные или аффилированные с ним лица, по общему правилу не квалифицируется как личная заинтересованность, за исключением случаев, когда депутат является единственным или преобладающим выгодоприобретателем принимаемого решения либо круг таких выгодоприобретателей ограничен этим решением [12]. Эта правовая позиция не позволяет признавать наличие конфликта интересов исключительно на основании формального совпадения признаков связанности лиц и требует установления юридически значимых обстоятельств конкретной ситуации.

Анализ пункта 5 Тематического обзора Верховного Суда РФ от 01.07.2026 № 14/2026 показал, что круг лиц, взаимодействие которых с государственным служащим может повлечь возникновение конфликта интересов, не ограничивается только лицами, находящимися с ним в близком родстве или свойстве. В качестве примера приведена ситуация с двоюродными братом и сестрой, в отношении которых должностное лицо осуществляло действия по продвижению по службе.

Верховный Суд РФ особо отметил, что личная заинтересованность может быть связана не только с семейными отношениями, но и с карьеризмом, семейственностью, содействием в трудоустройстве и иным покровительством по службе [13]. Эта позиция имеет непосредственное значение для цифровой аналитики — ИИ-алгоритм целесообразно ориентировать на выявление не только формально определённой категории родства, но и совокупности косвенных индикаторов для их последующей правовой оценки.

Этот вывод подтверждается и региональной практикой. Так, в Старом Осколе директор зоопарка сдавал в аренду транспорт, принадлежавший ему и сотруднику, не уведомив о конфликте интересов. Прокуратура добилась его увольнения в связи с утратой доверия, однако окончательное решение было принято только после пересмотра дела в кассационной инстанции [14]. Ещё более масштабный пример — дело о строительстве фортификационных сооружений в Белгородской области, где выявление скрытых коррупционных связей привело к предъявлению требований о взыскании в доход государства почти 1 млрд рублей [15]. Оба случая показывают, что цифровые данные или результаты проверки — лишь основа, подлежащая последующей правовой оценке.

Как верно отмечает С. Е. Чаннов, требуется учитывать правовой режим персональных данных, объем полномочий органа, осуществляющего проверку, цели использования информации и законность её получения [5].

Расширение возможностей цифрового контроля тесно связано с вопросом о том, на каких условиях органы прокуратуры и иные субъекты противодействия коррупции вправе обучать ведомственные нейросети на закрытых массивах персональных и служебных данных.

С 1 сентября 2026 г. введен в действие Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», регулирующий отношения в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта. Закон вводит категории суверенных и национальных больших фундаментальных моделей и предусматривает полномочия Правительства РФ по определению случаев, в которых допускается применение исключительно таких моделей. При этом отдельные положения закона, в том числе основные требования к суверенным и национальным большим фундаментальным моделям, вступят в силу лишь с 1 марта 2027 г. Поэтому применительно к ведомственным антикоррупционным системам необходимо разграничивать уже действующие положения Закона № 243-ФЗ и нормативные требования, применение которых начнется позднее.

В отношении государственных информационных систем, оперирующих сведениями ограниченного доступа, — включая ГИС «Посейдон», — данное регулирование образует нормативные рамки, в пределах которых допустимо обучение ведомственных моделей на закрытых базах данных.

Указанные рамки уже сегодня дополняются требованиями пунктов 60 и 61 Приказа ФСТЭК России № 117. Согласно данным нормам, при обработке защищаемой информации в государственных системах исключается передача такой информации разработчику модели искусственного интеллекта, в том числе в целях улучшения её функционирования. Это ограничивает применение внешних облачных ИИ-сервисов для работы с информацией ограниченного доступа, поскольку при их использовании данные выходят за пределы доверенного контура. Применение же ИИ-технологий в изолированном цифровом контуре либо в режиме информационного ассистента («советника») требует обязательной верификации формируемых ссылок на правовые акты по официальным справочно-правовым системам [8].

Политика импортозамещения ограничивает при этом применение зарубежного облачного программного обеспечения в государственном секторе, а загрузка служебной информации о ходе проверок в публичные версии зарубежных нейросетей должна исключаться ввиду риска её использования для обучения сторонних моделей либо компрометации этой информации. Совокупность этих требований определяет архитектуру ведомственных решений в сфере антикоррупционного анализа — они должны строиться на базе суверенных или национальных моделей, эксплуатируемых в защищенном контуре, с обя-

зательной юридической верификацией результатов. Вместе с тем Закон № 243-ФЗ предоставляет Правительству РФ устанавливать случаи, когда допускается применение исключительно суверенных и (или) национальных ИИ-моделей.

Современные научные исследования рассматривают цифровые технологии и искусственный интеллект как весьма перспективное средство профилактики коррупции. Так, С. С. Попова и А. И. Николаев, обобщая результаты научных исследований в данной области, выделяют три классические стадии, к которым применимы возможности алгоритмов и нейросетей, — профилактику коррупции, непосредственную борьбу с ней и минимизацию последствий коррупционных проявлений. Исследователи отмечают, что основное преимущество ИИ-систем заключается в возможности автоматизированной обработки больших объемов структурированных и неструктурированных данных (сведений о доходах, расходах, родственных связях и имуществе должностных лиц) со снижением влияния человеческого фактора [16].

Е. А. Артеменко и А. М. Цирин обосновывают возможность развития цифровых инструментов и их взаимодействия с ГИС «Посейдон» [17].

К. Р. Петров анализирует перспективы использования нейросетевых технологий непосредственно в деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законодательства о контрактной системе [18].

Вместе с тем используемое порой в научной литературе выражение «цифровой прокурор» требует осторожного употребления, поскольку может создавать представление об автономном принятии юридически значимых решений.

Необходимо определить также единые правила оформления результатов автоматизированного анализа: в документе прокурорского реагирования должен отражаться не только исходный цифровой индикатор, но и сведения, подтверждающие его содержание и юридическую значимость. Нужна подготовка прокурорских работников по вопросам анализа корпоративных и имущественных связей, цифровой аналитики и особенностей обработки информации в государственных информационных системах, включая новые требования к защите информации при использовании ИИ-систем. И наконец, необходимо развивать риск-ориентированную модель планирования проверок — алгоритмический анализ должен использоваться для определения зон риска, а не для автоматического установления виновности конкретного лица.

Внедрение искусственного интеллекта в государственное управление должно актуализировать разработку методологии правовой оценки его результатов и определение пределов использования цифровых инструментов в надзорной практике [19].

В этой связи более продуктивным представляется переход от постановки вопроса «может ли искусственный интеллект доказать конфликт интересов?» — к вопросу «каким образом цифровой инструмент должен помогать прокурору обнаружить совокупность обстоятельств, требующих юридической проверки?». Практически такой алгоритм может включать четыре последовательных этапа: идентификацию лиц, связанных с проверяемым субъектом; выявление имущественных, корпоративных, трудовых и иных пересечений; сопоставление выявленных связей с содержанием публичных полномочий; последующую правовую оценку конкретной ситуации.

Думается, что целесообразно сосредоточить усилия не на легализации коммерческих сервисов («Маркер», «X-Compliance», «СПАРК-Интерфакс» и их аналогов) как самостоятельных источников информации, а на создании единого регламента применения цифровых индикаторов в надзорной практике.

Прежде всего, необходимы ведомственные методические рекомендации, устанавливающие перечень анализируемых связей и порядок их проверки при выявлении скрытой личной заинтересованности. Данная задача вполне согласуется с концепцией неизбежного внедрения цифровых помощников в информационно-аналитическую сферу органов прокуратуры [20]. Таким образом, предлагаемая модель предполагает последовательное разграничение трех функционально и юридически различных стадий:

а) выявление цифрового индикатора риска;

б) установление фактических обстоятельств;

в) юридическая квалификация выявленной ситуации.

Аналитическая ИИ-система способна существенно повысить эффективность на первой стадии, однако вторая и третья стадии требуют получения и оценки юридически значимых сведений в установленном порядке. Такой подход полностью соответствует современному пониманию конфликта интересов. Он охватывает не только случаи явного получения выгоды, но и саму возможность влияния личной заинтересованности на объективность решений должностного лица. При этом новейшая судебная практика Верховного Суда РФ прямо подтверждает, что перечень лиц и обстоятельств, способных породить подобный конфликт, не является исчерпывающим.

Опыт Белгородской области наглядно показывает, что региональная статистика отражает лишь общие масштабы антикоррупционной работы, но не может служить прямым критерием эффективности конкретной цифровой системы. Обзор и изучение данных выделили необходимость перехода к более детализированной статистике, позволяющей выделять характер нарушений, способы их обнаружения и роль цифровых инструментов в их выявлении. Этот вывод согласуется с новейшими теоретико-правовыми исследованиями реформы института декларирования в связи с внедрением ГИС «Посейдон» [21].

В этих условиях приоритетным направлением совершенствования прокурорского надзора становится формирование риск-ориентированной модели работы с цифровыми данными. Её элементами должны стать разработка ведомственной методики выявления потенциальных скрытых связей, определение порядка использования цифровых индикаторов при планировании проверок в усло-

виях действующих требований к суверенным моделям ИИ и защите информации, обучение прокурорских работников методам анализа информационных данных, а также закрепление требований к проверке и документированию результатов автоматизированного анализа.

Проведённое исследование позволяет заключить, что цифровизация антикоррупционного контроля не должна рассматриваться как механическая замена традиционных методов верификации. Эффективность цифровой трансформации определяется не объёмом автоматизации, а способностью соединить технологическое выявление рисков — в правовых рамках, установленных законодательством об отечественных ИИ-моделях и требованиями к защите информации, — с надлежащей правовой квалификацией, процессуальными гарантиями и профессиональной оценкой конкретных обстоятельств.

Литература:

1. Прокуроры будут использовать искусственный интеллект // Парламентская газета. 2024. 24 апр.
2. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ от 31.12.2025 № 1009 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации».
4. Указ Президента РФ от 06.10.2025 № 709 «О дополнительных мерах по противодействию коррупции».
5. Чаннов С. Е. Некоторые вопросы анализа цифровых профилей государственных и муниципальных служащих в целях противодействия коррупции // Вопросы трудового права. 2025. № 5. С. 274–278.
6. Цирин А. М., Матулис С. Н. Понятие скрытой аффилированности и способы её выявления // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 164–174.
7. Соколова О. С. Скрытая аффилированность как инструмент диагностики конфликта интересов в сфере противодействия коррупции // Современное право. 2019. № 9. С. 35–39.
8. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 11.04.2025 № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений».
9. Сведения о ходе реализации мер по противодействию коррупции за 2023, 2024 и 2025 годы // Губернатор и Правительство Белгородской области: сайт. URL: https://www.belregion.ru/activity/anti_corruption/stat.php
10. Анализ тендеров с ИИ: как нейросети меняют правила игры в госзакупках. Обзор инструментов, пошаговые алгоритмы, риски и прогнозы для госзакупок 2026 // Tenvizor. 22.08.2026. URL: https://tenvizor.ru/analiz-tenderov-ii-goszakupki
11. Обзор типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе РФ и порядка их урегулирования // Министерство юстиции РФ: сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korrupcii/obzor-tipovyh-situacij/
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2025 № 51-П «По делу о проверке конституционности статьи 10, частей 1, 2, 4–6 статьи 11, части 4^1 статьи 12^1 и пункта 1 части 1 статьи 13^1 Федерального закона «О противодействии коррупции»... в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // Российская газета. 2026. 16 янв.
13. Тематический обзор Верховного Суда РФ № 14/2026 «О рассмотрении судами дел, связанных с применением законодательства о противодействии коррупции и обращением в доход Российской Федерации имущества, приобретённого в результате нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции» (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 01.07.2026 № 16А/2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_538554
14. Директора Старооскольского зоопарка уволили за сдачу своей машины в аренду муниципалитету // Информационный портал Старого Оскола. (06.12.2024). URL: https://oskol.city/news/incidents/97421/
15. Бывшие вице-губернаторы Белгородской области осуждены на 20 и 19 лет за хищения // Интерфакс. (29.07.2026). URL: https://www.interfax.ru/russia/1106412
16. Попова С. С., Николаев А. И. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в повышении эффективности противодействия коррупции // Евразийский юридический журнал. 2026. № 5. С. 263–268.
17. Артеменко Е. А., Цирин А. М. Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 126–142.
18. Петров К. Р. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта с использованием нейросетей в деятельности органов прокуратуры по осуществлению надзора за исполнением законов о контрактной системе // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2025. № 6. С. 197–208.

19. Абакумова Е. Б. Перспективность применения цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта в государственно-правовом противодействии коррупции // Образование и право. 2026. № 1. С. 680–687.
20. Хатов Э. Б. Цифровой помощник или цифровой прокурор? // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10, № 1. С. 87–92.
21. Клюковская И. Н., Борисова О. В. Цифровая трансформация антикоррупционного контроля: теоретико-правовой анализ внедрения ГИС «Посейдон» и реформы института декларирования // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13, № 2. С. 322–326.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 76/262 «Постоянный мандат на проведение прений в Генеральной Ассамблее в случае применения вето в Совете Безопасности»: структурно-правовой анализ положений

Кузовкова Дарья Максимовна, студент
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Статья посвящена структурно-правовому анализу резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 76/262, учредившей постоянный мандат на проведение прений при применении вето в Совете Безопасности. Рассмотрены содержание преамбулы и постановляющей части.

Ключевые слова: *резолюция 76/262, право вето, Генеральная Ассамблея ООН, Совет Безопасности ООН.*

Способность Совета Безопасности ООН (далее СБ) реагировать на глобальные кризисы регулярно блокируется правом вето его постоянных членов (п. 3 ст. 27 Устава ООН). Задуманное как гарантия согласия великих держав, вето со временем превратилось в барьер для разрешения конфликтов. В ответ на этот вызов 26 апреля 2022 года Генеральная Ассамблея (далее ГА) консенсусом приняла резолюцию 76/262, внедрившую «постоянный мандат» на автоматический созыв прений ГА в течение 10 дней после каждого применения вето в СБ.

Историческим прецедентом нового механизма послужила резолюция 1950 года 377(V) «Единство в пользу мира», позволявшая ГА рассматривать угрозы безопасности при бездействии СБ. Однако резолюция 76/262 институционализировала этот процесс, сделав включение Ассамблеи автоматическим.

Катализатором реформы стали события февраля 2022 года. После того как Россия заблокировала проект резолюции S/2022/155, СБ процедурным решением (резолюция 2623) передал вопрос в ГА. Это привело к созыву чрезвычайной сессии и принятию резолюции ES-11/1, осудившей агрессию против Украины (141 голос «за»). На этом фоне Лихтенштейн инициировал проект A/76/L.52, число соавторов которого выросло с 38 до 83 государств, что и обеспечило принятие резолюции 76/262 без голосования.

С точки зрения международного права, данный документ относится к актам «внутреннего права» организации: он регламентирует исключительно собственную процедуру Генеральной Ассамблеи и не создает обязательств для суверенных государств или Совета Безопасности.

Резолюция открывается преамбулой вводной частью, в которой излагаются юридические и политические мотивы принятия акта. Преамбула не содержит решений, но определяет правовое основание резолюции и границы её действия и потому позволяет понять, почему механизм сконструирован именно так. Преамбула резолюции 76/262 состоит из восьми абзацев, каждый из которых открывается типовым глаголом-маркером — «ссылаясь», «принимая во внимание», — что соответствует стандартной практике Генеральной Ассамблеи.

Первый абзац, «руководствуясь целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций», задаёт общий контекст: Ассамблея заявляет, что действует в рамках правовой системы ООН и опирается на её фундаментальные ценности — поддержание международного мира и безопасности, развитие дружественных отношений между государствами.

Второй абзац, «ссылаясь на свои полномочия в соответствии со статьей 10 Устава», содержит главное юридическое основание. Статья 10 Устава предоставляет Ассамблее право обсуждать любые вопросы в пределах Устава и давать по ним рекомендации государствам-членам и Совету Безопасности. Это управомочивающая норма: чтобы обсуждать ситуацию, в отношении которой применено вето, Ассамблее не требуется чьего-либо разрешения.

Третий абзац, «ссылаясь также на статью 12 Устава», напоминает об ограничительной норме: пока Совет Безопасности выполняет в отношении спора функции, возложенные на него Уставом, Ассамблея не должна давать рекомендации по этому спору, за исключением случаев, когда Совет сам об этом просит. Упоминая эту статью, Ассамблея признаёт первичную роль Совета и не намерена «обсуждать поверх его головы» вопросы, которыми он ак-

тивно занимается. Тем самым соавторы заранее снимают классическое возражение о вмешательстве Ассамблеи в прерогативы Совета.

Четвертый абзац воспроизводит пункт 1 статьи 24 Устава: члены Организации возложили на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и согласились, что при исполнении своих обязанностей Совет действует от их имени. Ассамблея прямо признаёт, что главный орган, отвечающий за мир, — это Совет Безопасности, и не оспаривает его ведущую роль.

Пятый абзац, «ссылаясь на статью 27 Устава о голосовании в Совете Безопасности», указывает на предмет регулирования. Статья 27 устанавливает порядок голосования в Совете, включая пункт 3, согласно которому решения по вопросам существа требуют совпадающих голосов всех постоянных членов, — то есть закрепляет право вето.

Шестой абзац содержит обобщённую ссылку на положения Устава о полномочиях и функциях Генеральной Ассамблеи в вопросах поддержания мира и безопасности — прежде всего на статьи 11 и 14: статья 11 позволяет Ассамблее рассматривать общие принципы сотрудничества в поддержании мира и конкретные ситуации, а статья 14 — рекомендовать меры для мирного урегулирования. Форма «ссылаясь также на положения» является страховочным приёмом: даже если опора на одну конкретную статью будет оспорена, остаются другие нормы, подтверждающие компетенцию Ассамблеи.

Седьмой абзац, «напоминая о том, что Международный Суд признал компетенцию Генеральной Ассамблеи в вопросах поддержания мира и безопасности», привлекает авторитет судебной инстанции. Авторы резолюции подтверждают: компетенция Ассамблеи в данной сфере признана не только Уставом, но и судебной практикой.

Восьмой абзац, «принимая во внимание решение 62/557 от 15 сентября 2008 года и то, что настоящая резолюция не наносит ущерба межправительственным переговорам по реформе Совета Безопасности», выполняет политико-страховочную функцию. Решением 62/557 Ассамблея запустила эти переговоры, и оговорка «не наносит ущерба» означает: новый механизм не является скрытой реформой Совета и не подменяет переговорный процесс. Это снимает возражения государств, опасающихся, что резолюция де-факто изменит полномочия органов ООН. Таким образом, преамбула создаёт правовой фундамент механизма реализации резолюции.

Постановляющая часть состоит из пяти пунктов и образует ядро юридического содержания резолюции: именно здесь сформулирован новый механизм прений.

Первый пункт, центральное предписание резолюции, устанавливает: Председатель Генеральной Ассамблеи созывает в течение десяти рабочих дней после применения вето одним или более постоянными членами Совета Безопасности официальное заседание для прений по ситуации, в отношении которой применено вето, при условии, что Ассамблея не собирается на чрезвычайную специальную сессию по той же ситуации.

Каждая формулировка юридически значима. Глагол «созывает» означает обязанность, а не право: созыв наступает автоматически с момента вето, без отдельного решения Ассамблеи, запроса государств или голосования — в этом главная юридическая новелла резолюции. Указание на «одного или более постоянных членов» охватывает и совместное вето нескольких государств, и точно определяет адресата: по п. 3 ст. 27 Устава правом вето обладают только пять постоянных членов. Срок «в течение десяти рабочих дней» (без выходных и праздников) делает механизм быстрым и предсказуемым. Прямое обоснование этой цифры в официальных материалах отсутствует, но логика механизма объясняет выбор: десять рабочих дней — компромисс между своевременностью обсуждения и необходимостью подготовки, поскольку Совет должен представить доклад не менее чем за семьдесят два часа до прений. Примечательно, что при принятии резолюции дискуссия касалась не срока, а принципа автоматического созыва как такового. Формулировка «официальное заседание для проведения прений» указывает: Ассамблея обсуждает ситуацию, но автоматически не выносит решений об обязательных мерах. Наконец, условие о непроведении заседания, если Ассамблея собирается на чрезвычайную специальную сессию по той же ситуации, исключает дублирование: резолюция 76/262 дополняет механизм «Единство в пользу мира» 1950 года.

Второй пункт вводит исключение из общего порядка выступлений: слово вне очереди предоставляется постоянному члену или постоянным членам, применившим вето. Обычно очерёдность ораторов определяется списком, однако здесь государство, заблокировавшее решение, получает право выступить в начале заседания — перед всеми ста девяноста тремя членами Ассамблеи. Юридически это право, а не обязанность: постоянный член не принуждается к выступлению, однако сама норма формирует сильное политическое ожидание объяснения и превращает вето из безмолвного действия в действие, за которое приходится публично отчитываться.

Третий пункт обращён к Совету Безопасности и сформулирован иной по юридической силе формулой: Ассамблея предлагает Совету в соответствии с пунктом 3 статьи 24 Устава представлять ей специальный доклад о применении вето не менее чем за семьдесят два часа до соответствующего обсуждения. Глагол «предлагает» в отличие от «постановляет» здесь принципиален: резолюция Генеральной Ассамблеи не может создать юридически обязательное правило для Совета Безопасности, который является самостоятельным главным органом и Ассамблее не подчинён. Поэтому норма носит характер рекомендации, а её исполнение зависит от доброй воли Совета. Ссылка на пункт 3 статьи 24 Устава выбрана не случайно: эта норма уже обязывает Совет представлять Ассамблее ежегодные и специальные доклады о своей деятельности, и соавторы резолюции придали этой существующей обя-

занности конкретное содержание-специальный доклад именно о применении вето с указанием ситуации и мотивов. Срок в семьдесят два часа обеспечивает заблаговременное получение государствами информации и возможность подготовиться к прениям.

Четвёртый пункт закрепляет организационную основу механизма: Ассамблея постановляет включить в предварительную повестку дня своей семьдесят седьмой сессии пункт, озаглавленный «Применение вето», и сохранить его в повестке для рассмотрения в соответствии с первым пунктом. Это процедурное решение оформляет постоянный мандат, вынесенный в название резолюции. Заседания по вето получают собственный постоянный пункт повестки, а не прикрепляются к иным пунктам, и механизм действует бессрочно — до тех пор, пока Ассамблея своим новым решением не отменит его.

Пятый пункт содержит переходное положение: на остаток семьдесят шестой сессии, то есть на период после принятия резолюции и до конца сессии, заседания созываются в соответствии с первым пунктом по пункту повестки «Укрепление системы Организации Объединенных Наций» — тому самому, по которому была принята резолюция 76/262. Необходимость такой нормы объясняется тем, что постоянный пункт «Применение вето» появляется в повестке лишь с семьдесят седьмой сессии, и без переходного положения механизм не смог бы заработать немедленно. Пункты четвёртый и пятый вместе решают вопрос о времени действия: пятый обеспечивает немедленное вступление механизма в силу на остаток текущей сессии, четвёртый — его действие на постоянной основе с семьдесят седьмой сессии.

Постановляющая часть делится на два уровня: пункты первый, второй, четвёртый и пятый обращены к Ассамблее и её Председателю и сформулированы императивно, пункт третий адресован Совету Безопасности и облечён в форму рекомендации. Юридически резолюция ничего не отменяет: право вето, решения Совета и его первичная ответственность сохраняются. Формально механизм ограничен прениями и рекомендациями, но политический эффект значителен: каждое вето становится предметом публичного рассмотрения, а применившее его государство обязано объясниться. В доктрине это оценивается как главное достижение резолюции, повышающее транспарентность и подотчётность Совета.

Литература:

1. Устав Организации Объединенных Наций (полный текст). — Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 05.11.2026).
2. Решение Генеральной Ассамблеи ООН 62/557 от 15 сентября 2008 года «Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и связанные с этим вопросы». — Текст: электронный // Security Council Report: [сайт]. — URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/ %7B65BFCF9B-6D27–4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9 %7D/Decision %2062_557.pdf (дата обращения: 05.11.2026).
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 377 (V) «Единство в пользу мира» от 3 ноября 1950 г.. — Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/ga/about/garules/r5–377.pdf (дата обращения: 05.11.2026).
4. Томушат, К. Единство в пользу мира / К. Томушат. — Текст: электронный // Аудиовизуальная библиотека международного права Организации Объединенных Наций: [сайт]. — URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ufp/ufp_r.pdf (дата обращения: 05.11.2026).

Проблемы правового регулирования переговоров о заключении договора в российском гражданском праве

Куцин Игорь Васильевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Шелепина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье проводится анализ проблем правового регулирования переговоров о заключении договора в российском праве. Особое внимание уделяется применению ст. 434.1. ГК РФ при разрешении споров о внезапном и неоправданном прекращении переговоров. На основе анализа судебной практики выявлена проблема отсутствия в законодательстве четких критериев оценки добросовестности поведения участников переговорного процесса, что приводит к различному определению судами момента возникновения защищаемого переговорного доверия и границ предпринимательского риска. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства, направленного на повышение предсказуемости судебной практики при сохранении принципа свободы договора.

Ключевые слова: *переговоры о заключении договора, преддоговорная ответственность, добросовестность, переговорное доверие, убытки.*

Problems of legal regulation of negotiations on concluding a contract in Russian civil law

Kutsin Igor Vasilyevich, master's student
Scientific advisor: Shelepina Elena Alexandrovna, candidate of sciences in law, associate professor, head of the department
North-West Institute (branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Vologda)

The article analyzes the problems of legal regulation of negotiations on concluding a contract in Russian law. Special attention is paid to the application of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation when resolving disputes regarding the sudden and unjustified termination of negotiations. Based on an analysis of judicial practice, the problem of the lack of clear criteria in the legislation for assessing the good faith of the participants in the negotiation process has been identified, which leads to courts defining the moment when protected negotiating trust arises and the boundaries of business risk differently. The need to improve the legislation in order to increase the predictability of judicial practice while preserving the principle of freedom of contract is substantiated.

Keywords: *negotiations regarding the conclusion of a contract, precontractual liability, good faith, negotiating trust, losses.*

Участие сторон в преддоговорных отношениях является элементом реализации принципа свободы договора. Однако, такая свобода не является абсолютной и не допускает недобросовестного поведения. Так, ст. 434.1 ГК РФ устанавливает правовой баланс, закрепляя как право на ведение переговоров, так и обязанность контрагентов действовать добросовестно. Данная норма также предусматривает санкции за нарушение этих требований и конкретизирует действия, которые квалифицируются как недобросовестные [2].

Исследование является актуальным в связи с тем, что законодатель вводит в правовое поле оценочные категории — «внезапное», «неоправданное прекращение», «не могла разумно этого ожидать», при этом не раскрывая их содержание. Имеющиеся разъяснения Верховного Суда РФ способствуют конкретизации практического применения ст.434.1 ГК РФ, однако не устраняют существующие затруднения в определении момента, начиная с которого переговорный процесс обретает повышенную юридическую значимость для другой стороны [5].

В современной доктрине подчеркивается дискуссионный характер процесса доказывания в рамках преддоговорной ответственности. В частности, Р. К. Низамова, Л. Т. Курас и Н. Э. Шишкина указывают на пробелы в правовом регулировании предмета доказывания при недобросовестном ведении переговоров [7]. В свою очередь, А. С. Райников акцентирует внимание на важности дифференциации объективной и субъективной добросовестности для корректного распределения бремени доказывания [10]. Б. В. Сангаджиев же предлагает рассматривать данный институт через призму защиты доверия сторон в переговорном процессе [13].

Таким образом, основная научная трудность заключается не в отсутствии законодательного закрепления института переговоров, а в недостаточной четкости юридических критериев, позволяющих разграничить законный отказ от заключения договора и недобросовестное прекращение переговорного процесса.

П.1 ст.434.1 ГК РФ устанавливает, что граждане и юридические лица имеют свободу вести переговоры, самостоятельно оплачивают связанные с ними расходы и, как правило, не несут ответственности в случае отсутствия достигнутого соглашения [2]. Это положение напрямую основано на принципе свободы договора, закрепленном в ст. 421 ГК РФ.

Вместе с тем, свобода ведения переговоров ограничена требованием добросовестности. Согласно п.2 ст. 434.1 ГК РФ, стороны обязаны проявлять добросовестность при начале переговоров, в процессе их проведения и после их окончания. Закон особо выделяет два вида предполагаемых недобросовестных действий: предоставление неполной или ложной информации, а также внезапное и необоснованное прекращение переговоров в ситуации, когда другая сторона не могла этого разумно ожидать [2].

Юридическое значение данной конструкции состоит не в защите самого ожидания заключения договора, а в охране доверия участника к добросовестности поведения контрагента. Как отметил Верховный Суд РФ, возмещение убытков должно привести к тому, что пострадавшая сторона окажется в том положении, в котором она была бы, если бы не вступала в переговоры с недобросовестным контрагентом [7].

Таким образом, российская модель преддоговорной ответственности, как правило, направлена на компенсацию так называемого отрицательного интереса: затрат, связанных с ведением переговоров и подготовкой договора, а также законодательно установленных убытков, возникших из-за утраты возможности заключить договор с третьей стороной.

В действующем законодательстве отсутствуют четкие критерии, определяющие момент возникновения юридически значимого доверия у сторон переговорного процесса, хотя уровень этого доверия напрямую коррелирует с динамикой самих переговоров.

Оценка добросовестности сторон не должна ограничиваться лишь фактом переписки или выражением сторонами намерений заключить договор. Необходимо учитывать совокупность факторов: стадию переговоров, глубину проработки условий, наличие проектной документации, подготовительные действия, согласование

графиков исполнения, а также последующее поведение сторон при возникновении конфликта. Отсутствие законодательной детализации этих аспектов создает предпосылки для противоречивой судебной практики при применении ст. 434.1 ГК РФ.

Показательным примером судебной практики по вопросам преддоговорной ответственности является дело, рассмотренное арбитражным судом Ростовской области. В рамках данного спора АО «Торговый комплекс «Горизонт» потребовало от ООО «Вапар Шоп» и ИП возместить убытки в размере 482 766,66 руб., возникшее из-за необоснованного прекращения переговоров об аренде [12]. Судебные инстанции, включая Верховный Суд РФ, рассматривали обстоятельства, при которых стороны в течение месяца (с февраля по март 2023) вели активную подготовку к сделке, в том числе обсуждали технические детали, дизайн-проекты и стоимость аренды. 17 марта 2023 года ответчики официально подтвердили готовность к подписанию договора, однако впоследствии отказались от сделки [6].

Истец, рассчитывая на успешное завершение переговоров, 24 марта 2023 года расторг договор с предыдущим арендатором, а 29 марта направил проект договора новым потенциальным арендаторам. Впоследствии переговоры фактически прекратились. Суд первой инстанции признал поведение ответчиков недобросовестным и удовлетворил иск о возмещении убытков. При этом суд исходил из того, что продолжительность переговоров, согласование ключевых условий и совокупность подготовительных мероприятий создали у истца обоснованное ожидание заключения договора [12].

Тем не менее, апелляционный суд вынес противоположное решение, указав что на момент расторжения договора с предыдущим арендатором все условия будущей сделки еще не были согласованы, поэтому истец самостоятельно взял на себя риск отсутствия заключения договора. Кроме того, апелляционная инстанция признала, что заявленные убытки связаны прежде всего с предпринимательским риском истца, а не с недобросовестными прекращением переговоров [12].

Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.12.2024 года решение апелляционной инстанции было оставлено без изменений. Верховный Суд РФ в определении от 25.03.2025 года № 308-ЭС25–1249 отказал в передаче кассационной жалобы на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам [9].

Данное дело показывает ключевую проблему действующего правового регулирования, в том числе необходимость разграничения предпринимательского риска и преддоговорной ответственности при ведении переговоров.

На первоначальном этапе судебного разбирательства основное внимание уделялось степени развития доверия между сторонами, тогда как апелляционный суд сосредоточился на вопросах предпринимательского риска и отсутствии окончательного согласования условий договора. При этом обе позиции формально могут быть отнесены к ст.434.1 ГК РФ.

Суть проблемы действующего правового регулирования заключается в том, что закон требует добросовестного поведения, но не предоставляет суду достаточных конкретных нормативных инструментов для определения момента, когда переговоры достигают такой стадии, при которой их прекращение приобретает юридическое значение.

Критерий «внезапности» при прекращении переговоров неразрывно связан с предшествующим поведением сторон. Если участник длительное время демонстрировал готовность к сделке, его внезапный отказ требует более критической оценки. В то же время недопустимо приравнивать любой прогресс в переговорах к обязанности заключить договор, иначе пострадает принцип свободы договора, а участники откажутся «связаны» обязательствами еще до подписания документов. Следовательно, критерием ответственности должно выступать не само участие в переговорах, а наличие совокупности объективных факторов, которые создали у контрагента разумные ожидания добросовестного завершения сделки.

Анализ нормативно-правовой базы и правоприменительной практики свидетельствует о целесообразности расширения п.2 ст.434.1. ГК РФ. В частности предлагается после действующего абзаца о внезапном и неоправданном прекращении переговоров дополнить п.2 следующем положением: «При оценке добросовестности прекращения переговоров суд учитывает стадию переговоров, степень согласования сторонами существенных и иных значимых условий предполагаемого договора, наличие и характер подготовительных действий сторон, направленных на заключение и исполнение договора, заявления и действия сторон, объективно свидетельствующие о намерении заключить договор, а также своевременность уведомления другой стороны об обстоятельствах, препятствующих заключению договора».

Данное дополнение не нарушает принцип свободы договора, так как не принуждает стороны к его заключению, а лишь устанавливает четкие ориентиры для квалификации недобросовестного поведения.

Предложенная конструкция соответствует актуальным тенденциям научной дискуссии, подчеркивающей важность более точного определения предмета доказывания в спорах, связанных с преддоговорной ответственностью [8]. Кроме того, она учитывает разделение субъективного и объективного аспектов добросовестности, на что обращается внимание в современной юридической доктрине [1]. В то же время необходимо сохранить существующее правило, согласно которому само по себе прекращение переговоров не считается противоправным действием. Иное решение фактически превратило бы переговорный процесс в предварительное обязательство заключить договор, что противоречит ст.421 ГК РФ.

Обычный предпринимательский риск отличается от недобросовестного ведения переговоров прежде всего

характером поведения участника гражданского оборота. Предприниматель самостоятельно несёт риск изменения рыночной конъюнктуры, невыгодности предполагаемой сделки или выбора более привлекательного коммерческого предложения, поэтому сам по себе отказ от заключения договора не влечёт обязанности возместить убытки. Преддоговорная ответственность возникает тогда, когда сторона выходит за пределы добросовестного осуществления свободы договора: например, продолжает переговоры без реального намерения заключить сделку либо неоправданно прекращает их после формирования у контрагента обоснованных ожиданий, причиняя ему доказуемые имущественные потери. Таким образом, юридически значимым является не сам факт неудачи переговоров, а недобросовестный способ поведения, нарушающий оправданное доверие другой стороны [13].

Отдельного рассмотрения требует проблема определения объема убытков при преддоговорной ответственности. Согласно п.3 ст.434.1 ГК РФ, возмещению подлежат расходы на ведение переговоров и потери, вызванные упущенной возможностью заключить договор с иными лицами [2]. В анализируемом споре истец безуспешно пытался взыскать упущенную выгоду по ранее действовавшему договору, однако апелляционная инстанция справедливо не усмотрела причинно-следственной связи между действиями ответчика и данными потерями [9].

Полагаем, что данная позиция судов верна, поскольку преддоговорная ответственность не может подменять собой механизм взыскания ожидаемой прибыли от сделки, которая так и не состоялась. В противном случае, на потенциального партнера необоснованно перекладывались бы предпринимательские риски. Оптимальным подходом видится защита «отрицательного интереса» (расходов на переговоры), при условии, что законодатель конкретизирует критерии возникновения правомерного доверия к добросовестности контрагента.

Литература:

1. Бурмакин Д. В. Внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора / Д. В. Бурмакин — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 23 (574). — С.348–253.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. —1994. —№ 32. — Ст. 3301.
3. Ковшов Т. В. Соглашения о порядке ведения переговоров, их виды и характеристика / Т. В. Ковшов — Текст: непосредственный // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2024. — № 1. — С.54–61.
4. Низамова Р. К., Курас Т. Л., Шишкина Н. Э. Предмет доказывания в делах о преддоговорной ответственности / Р. К. Низамова, Т. Л. Курас, Н. Э. Шишкина — Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. — 2025. — № 2 (109). — С.115–123.
5. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 10. — Ст. 1412.
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2025 г. № 308-ЭС25–1249 по делу № А53–32635/2023. — Текст: электронный // URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения: 25.09.2026).
7. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 — Текст: непосредственный // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2016. — № 5.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июня 2020 г. — Текст: непосредственный // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2020. — № 11.
9. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 августа 2024 г. № 15АП-6517/24 по делу № А53–32635/2023. — Текст: электронный // URL: https://ras.arbitr.ru/(дата обращения: 25.09.2026).
10. Райников А. С. Недостатки универсальной презумпции добросовестности на примере переговоров о заключении контракта / А. С. Райников— Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. — 2024. — № 3 (106). — С.51–56.
11. Райников А. С. Понятие переговоров о заключении договора / А. С. Райников — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2024. — № 10. — С.93–101.
12. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 21 марта 2024 г. по делу № А53–32635/2023. — Текст: электронный // URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 25.09.2026).
13. Сангаджиев Б. В. Преддоговорная ответственность в российском гражданском праве: стандарт добросовестности и защита переговорного доверия / Б. В. Сангаджиев — Текст: непосредственный // Закон. — 2019. — № 4. — С. 84–93.

Теоретические основы использования компьютерных технологий в раскрытии и расследовании преступлений

Лизвинская Анастасия Васильевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В современном информационном обществе компьютерные технологии занимают ключевую позицию в процессах расследования преступлений.

Они представляют собой важный инструмент в борьбе с киберпреступностью и другими формами противоправной деятельности. С развитием цифровых технологий и всеобщим распространением интернета увеличилась не только сложность современных преступных действий, но и обострилась необходимость применения специализированных методов и инструментов для их раскрытия и пресечения.

За значением компьютеризации в криминалистической деятельности стоит эффективное улучшение процессов расследования уголовных дел благодаря применению компьютерных технологий. Помощь компьютеризации выражается в сборе, хранении, анализе и представлении информации, связанной с преступлениями, что облегчает процедуры выявления и исследования преступлений. Кроме того, появление технологий автоматизации и использование информационных технологий в следственной практике позволяют следователям с оптимизацией и ускорением анализа, систематизации улик, благодаря чему процесс расследования происходит быстрее и с более высокой степенью точности результатов [5, с. 159-164].

Процесс криминалистической деятельности испытал значительные изменения благодаря компьютеризации, что привело к улучшению качества и повышению эффективности работы следователей в расследовании преступлений. Информационные системы на компьютерной основе предоставляют следователям рекомендуемые алгоритмы процедур, с детализацией процессуальных норм и особенностей проведения, что способствует оптимизированию расследования различных категорий преступлений. Технологии в этой сфере также позволяют создавать фотороботы подозреваемых, прогнозируют изменения в их внешности и оказывают помощь в распознавании подделок документов с высокой точностью. Эти новации в криминалистике не только ускоряют процесс расследования, но и повышают оперативность и точность в обнаружении преступной деятельности. Кроме того, компьютеризация способствует усовершенствованию информационных процессов, моделированию деятельности следователей и подготовке новых специалистов, что значительно улучшает действия правоохранительных органов в борьбе с преступностью [2, с. 2-3].

Применение компьютерных технологий занимает ключевое место в усилении эффективности расследовании преступлений, обеспечивая следующий спектр возможностей:

Автоматизация труда следователя в стадиях возбуждения и расследования уголовных дел осуществляется за счет внедрения автоматизированных рабочих мест (АРМ). Они упрощают создание разнообразных документов, включая процессуальные.

Применение компьютерных информационно-рекомендательных систем, включающих стандартные автоматизированные методы для исследования конкретных разновидностей преступлений, облегчает работу следователей. Такие системы обеспечивают поддержку в процессе расследования и являются наставниками для новичков, представляя четкий алгоритм следственных действий, кроме того, они описывают процессуальный порядок и особенности проведения расследований.

Использование информационных подсистем для обеспечения деятельности следователей и сотрудников органов дознания с информацией, имеющей доказательственное и ориентировочное значение.

Качественное улучшение и повышение результативности аналитической деятельности следователей и оперативников в процессе раскрытия и расследования злодеяний, осуществляемых организованными группировками и сообществами, остается значимым аспектом.

Автоматизированные информационные системы помогают в моделировании процесса расследования преступлений определенных категорий, используя типовые версии

Таким образом, введение компьютерных технологий делает возможным значительное совершенствование методов расследования преступлений. Эффективность и качество процесса повышаются путём автоматизации стандартных операций и применения специализированного программного обеспечения и информационно-аналитических систем [4, с. 11].

В области криминалистики активно применяются многочисленные компьютерные инновации, способствующие значительному усовершенствованию исследовательских процессов и в помощи раскрытии преступлений. В числе ключевых технологий, которые находят применение в криминалистике, можно выделить:

Технология трехмерного сканирования и виртуальные вскрытия — это процессы, где лазерное 3D-сканирование обеспечивает точное представление места преступления со всеми деталями. В то же время, виртуальные вскрытия дают возможность криминалистам обнаружить точное расположение чужеродных материалов, что значительно улучшает качество расследования [2, с. 7]

Информационно-рекомендующие системы компьютерного типа, интегрирующие стандартные методики

анализа различных видов преступлений, обеспечивают следователям возможность улучшения контроля и оптимизации процесса расследования.

В области экспертных исследований задействованы компьютеры, обеспечивающие ускорение и повышение точности решений в ключевых экспертизах, таких как анализ ДНК, дактилоскопия и фотопортретная экспертиза.

Компьютерные программы, специализированные для этих целей, обеспечивают ускорение процесса создания фотороботов подозреваемых, а также способствуют высоким шансам на обнаружение фальсифицированных документов.

С применением современных компьютерных технологий, мельчайшие следы материала, включающего фрагменты тканей или клеток, становятся доступны для анализа благодаря использованию генетических тестов и баз данных ДНК, что существенно упрощает процесс расследования преступлений.

Технологии, отправляемые новейшим разработкам, заметно улучшают профессиональную деятельность криминалистов, при этом привнося эффективность, точность и скорость в процессы уголовных расследований.

Современный этап характеризуется возросшим акцентом на применении компьютерных технологий для усовершенствования процессов расследования правонарушений. Эти технологии ключевым образом способствуют улучшению результатов и повышению эффективности в уголовных расследованиях, особенно в деле борьбы с преступлениями в области информационных и телекоммуникационных нарушений [3, с. 5].

На сегодняшний день активно разрабатываются методологии и алгоритмы, целенаправленно создаваемые для исследований в сфере разнообразных компьютерных преступлений. Однако проблемы касательно точного определения компьютерных преступлений, их юридической классификации и криминалистической характеристики по-прежнему остаются актуальными. Приспособление следственных процедур, таких как осмотр мест преступления, назначения экспертов и проведения судебно-медицинских экспериментов к условиям цифровой сферы является сложной задачей, требующей продолжения усовершенствований.

Применение компьютерных технологий в процессе расследования преступлений демонстрирует целый ряд преимуществ перед использованием традиционных методов:

Компьютерные технологии играют важную роль в повышении эффективности и оптимизации процессов расследования. Благодаря их использованию можно добиться значительного роста результативности за счет аккуратного сбора, тщательной обработки и глубокого анализа обширного массива криминалистически значимой информации.

Компьютерные технологии вносят значительный вклад в ускорение и автоматизацию процедур сбора и обработки данных, что, в свою очередь, способствует более быстрому раскрытию преступлений и принятию обоснованных управленческих решений.

При проведении экспертных анализов программные инструменты, направленные на оптимизацию деятельности следователя, способствуют повышению надежности и точности выполняемых исследований [4, с. 1].

Процесс улучшения планирования расследований значительно оптимизируется за счет использования компьютерных технологий. Осуществляется это через формулирование задач, описание алгоритмов их решения и разработку детализированных схем последовательности действий для органов предварительного расследования, что в целом способствует улучшению качества планирования.

Можно выделить несколько аспектов, касающихся перспектив развития компьютерных технологий в расследовании преступлений:

Стремительное усовершенствование в области научно-технического прогресса требует активизации эффективных мер борьбы против преступлений, причиненных через использование компьютерных технологий. Важность этого процесса возрастает, подчеркивая актуальность противодействия неправомерным действиям в указанном секторе.

Инновационные технологии в расследовании убийств: применение информационных технологий, типизация инструментария и использование компьютерных программ, таких как «Форвер», способствуют построению перспективных версий и оптимальному выбору следственных действий, что ускоряет раскрытие преступлений [1, с. 8]

Таким образом, вывод о перспективах развития компьютерных технологий в исследовании преступлений указывает на возможность использования передовых инноваций, разработки методических подходов и повышения квалификации специалистов для более эффективной борьбы против преступности в данной сфере. Компьютеризация позволяет оптимизировать процесс расследования, автоматизируя рутинные операции и применяя специализированное ПО и информационно-аналитические системы, что, в свою очередь, увеличивает эффективность, скорость работы, точность планирования и даёт значительные преимущества перед традиционными методами.

Литература:

1. Азизов А. А., Хорошилов А. С. Перспективы использования современных информационных технологий в криминалистике, направленных на эффективное раскрытие киберпреступлений // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9.
2. Гареева Э. Р., Артамонова К. Ю. Роль компьютерных технологий в криминалистической деятельности // Экономика и социум. 2017. № 4 (35).

3. Загвоздкин Н. Н., Кузора С. А. Преступления в сфере информационных технологий. особенности совершения, проблемы раскрытия и расследования органами внутренних дел // Закон и право. 2020. № 12.
4. Ковалев С. А., Смагоринский Б. П. Использование криминалистического компьютерного моделирования при планировании расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26).
5. Спектор Л. А., Малютин А. Д. Цифровая криминалистика в условиях компьютеризации современного общества // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 9.

Автономия банкротного оспаривания: анализ научных дискуссий о публично-правовой природе механизма возврата активов в конкурсную массу

Лоншакова Дарима Викторовна, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье исследуется правовая природа механизма оспаривания сделок должника, предусмотренного главой III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». На основе анализа доктринальных позиций Н. А. Шибанова, Н. Н. Кузина и И. Г. Гаджиева обосновывается автономия данного института от классического гражданско-правового регулирования недействительности сделок (ст. 166–181 ГК РФ).

Доказывается, что банкротное оспаривание преследует публично-правовую цель — восстановление имущественной целостности конкурсной массы для обеспечения коллективного и пропорционального удовлетворения требований кредиторов (par conditio creditorum). В работе анализируется проблема конкуренции (конфликта) исков, возникающая при одновременном применении специальных банкротных составов (ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве) и общегражданских норм о злоупотреблении правом (ст. 10, 168 ГК РФ).

Выявляются системные риски текущей судебной практики, где общегражданские нормы используются в качестве «запасного аэродрома» для обхода законодательно установленных периодов подозрительности, что подрывает принцип правовой определенности и стабильность гражданского оборота.

Делается вывод о необходимости законодательного разграничения материально-правовой концепции «аннулирования» правовых последствий и процессуального статуса арбитражного управляющего как представителя коллективного интереса кредиторов. Реализация предложенных мер позволит преодолеть правовую неопределенность и обеспечить подлинную автономию института банкротного оспаривания.

Ключевые слова: *банкротство, оспаривание сделок должника, конкуренция норм, конкурсная масса, злоупотребление правом.*

В доктрине российского гражданского и конкурсного права центральное место занимает дискуссия о правовой природе механизма, предусмотренного главой III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Ключевой вопрос заключается в том, является ли оспаривание сделок в процедуре конкурсного производства частным случаем (подвидом) классического признания сделок недействительными, регламентированного статьями 166–181 Гражданского кодекса РФ, или же это самостоятельный, автономный институт банкротного права.

Традиционный цивилистический подход, заложенный в ГК РФ, рассматривает недействительность как дефект самой сделки, существующий объективно с момента ее совершения, и направлен на защиту частного интереса сторон или публичных интересов в рамках конкретного правоотношения. В отличие от этого, Н. А. Шибанов в своем исследовании убедительно доказывает, что банкротное оспаривание преследует принципиально иную, социально значимую цель. Оно направлено не на защиту частного интереса потерпевшей стороны сделки, а на восстановление имущественной целостности должника (конкурсной массы) для обеспечения принципа коллективного и пропорционального удовлетворения требований всех кредиторов (par conditio creditorum). Сделка здесь рассматривается не как дефектная, а как инструмент неправомерного перераспределения активов в ущерб коллективу кредиторов.

Н. Н. Кузин развивает эту мысль, анализируя двойственную правовую природу данного механизма. С материально-правовой точки зрения, это способ защиты права, направленный на принудительный возврат выбывшего имущества в натуре или возмещение его стоимости. С процессуальной же точки зрения, это сложный заявительный (активный) механизм, реализация которого полностью зависит от волеизъявления инициатора — арбитражного управляющего, комитета кредиторов или уполномоченного органа. Без подачи заявления сделка, даже обладающая всеми признаками подозрительности, продолжает порождать правовые последствия для участ-

ников оборота, что принципиально отличает ее от ничтожных сделок по ГК РФ.

Позиция Н. А. Шибанова представляется наиболее обоснованной с точки зрения системного анализа законодательства о банкротстве. Она объясняет, почему к сделкам, оспариваемым по специальным основаниям (ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве), не применяются общие правила о сроках исковой давности, предусмотренные статьей 181 ГК РФ. Если бы это был частный случай гражданско-правовой недействительности, суды были бы обязаны применять субъективный годичный срок давности с момента, когда лицо узнало о нарушении. Однако законодатель устанавливает объективные периоды подозрительности (один, три года), отсчитываемые от даты принятия заявления о банкротстве, что подчеркивает публично-правовой характер защиты интересов неопределенного круга лиц — кредиторов.

Н. Н. Кузин справедливо акцентирует внимание на процессуальной специфике. В отличие от классического иска о признании сделки недействительной, где истцом выступает заинтересованная сторона, в банкротстве истцом (заявителем) является арбитражный управляющий, действующий в интересах юридического лица, которое само совершило эту сделку. Это создает уникальный правовой парадокс: должник в лице управляющего оспаривает собственные же действия, совершенные в прошлом его органами управления. Кроме того, Кузин Н. Н. указывает на отсутствие пресекательного характера у банкротного оспаривания: в отличие от ничтожной сделки, которая недействительна сама по себе, оспоримая сделка в банкротстве считается действительной до момента вынесения судебного акта, что требует от правоприменителя глубокого анализа добросовестности контрагентов на всем протяжении периода подозрительности.

Отсутствие единого мнения о месте института в системе права порождает одну из самых острых практических проблем — проблему конкуренции (конфликта) исков. На практике часто возникает вопрос: может ли арбитражный управляющий оспаривать одну и ту же сделку одновременно по специальным банкротным основаниям (например, как подозрительную по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве) и по общегражданским основаниям (как совершенную со злоупотреблением правом по ст. 10 и ст. 168 ГК РФ)?

Верховный Суд РФ в своих определениях (например, в рамках Обзора судебной практики № 1 за 2022 год и ряде определений Судебной коллегии по экономическим спорам) пытается разграничить эти составы. Суды указывают, что использование ст. 10 ГК РФ допустимо лишь в тех исключительных случаях, когда дефекты сделки выходят за пределы дефектов, охватываемых специальными составами подозрительных сделок или сделок с предпочтением. Однако на практике нижестоящие суды часто используют ст. 10 ГК РФ как «запасной аэродром». Если арбитражный управляющий пропустил объективный трехлетний срок подозрительности, установленный п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, он пытается квалифицировать сделку как ничтожную по ст. 10 и ст. 168 ГК РФ, чтобы обойти срок и вернуть имущество в массу.

Это порождает серьезную правовую неопределенность. Во-первых, нарушается принцип приоритета специальной нормы над общей (lex specialis derogat legi generali). Во-вторых, происходит обход законодательно установленных законодателем периодов подозрительности, что подрывает стабильность гражданского оборота. Контрагенты должника теряют возможность прогнозировать риски: сделка, совершенная пять лет назад и абсолютно законная с точки зрения ГК РФ, может быть внезапно признана недействительной, если суд согласится с квалификацией ее как «злоупотребления правом». В-третьих, возникает коллизия в применении последствий: по банкротным основаниям контрагент получает требование к должнику, включаемое в реестр (обычно в третью очередь), а по ст. 168 ГК РФ — право на двустороннюю реституцию, что может привести к необоснованному предпочтению одного кредитора перед другими.

Оспаривание сделок в процедуре конкурсного производства следует рассматривать не как субинститут обязательственного права, а как самостоятельный институт банкротного права, обладающий комплексной материально-процессуальной природой. Его публично-правовая цель (пополнение конкурсной массы и обеспечение равенства кредиторов) требует окончательного отказа от механического применения классического цивилистического подхода к недействительности.

Вместо термина «недействительность», который в гражданском праве неразрывно связан с восстановлением первоначального положения сторон (реституцией), в банкротстве более точной является концепция «аннулирования» (или «отмены») правовых последствий сделки с принудительным восстановлением имущественной массы должника.

Для разрешения проблемы конкуренции исков предлагается закрепить на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ следующую презумпцию: если все обстоятельства дела (период совершения, субъектный состав, наличие вреда, осведомленность контрагента) полностью укладываются в гипотезу и диспозицию ст. 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве, применение статей 10 и 168 ГК РФ должно быть признано недопустимым. Общегражданские нормы должны применяться субсидиарно, extra legem (вне специального закона), только при наличии дополнительных пороков воли, не охватываемых банкротным составом (например, доказанный преступный сговор сторон с целью не просто вывода актива, а преднамеренного доведения до банкротства, или совершение сделки с фиктивным контрагентом, когда встречного исполнения не существовало в принципе).

Кроме того, для устранения двойственности правовой природы необходимо законодательно уточнить статус арбитражного управляющего. При оспаривании сделок он должен рассматриваться не как представитель должника,

а как процессуальный представитель интересов конкурсной массы и коллективного кредитора, наделенный публично значимыми полномочиями. Это позволит окончательно разграничить банкротное оспаривание от корпоративных исков об оспаривании сделок с заинтересованностью и исков о взыскании убытков с директоров, исключив путаницу в применении сроков давности и стандартов доказывания. Также целесообразно на доктринальном уровне признать, что в конкурсном производстве сделка утрачивает свою классическую частноправовую автономию и становится объектом публичного контроля, где воля сторон подменяется интересом экономической эффективности процедуры банкротства.

Проблема соотношения общегражданских и специальных оснований недействительности сделок является одной из наиболее острых в правоприменительной практике по делам о несостоятельности. В центре дискуссии находится конкуренция норм статьи 10 (пределы осуществления гражданских прав) и статьи 168 (недействительность сделки, нарушающей требования закона) Гражданского кодекса РФ, с одной стороны, и статьи 61.2 Закона о банкротстве (подозрительные сделки), с другой.

Законодатель, конструируя специальные составы в главе III.1 Закона о банкротстве, преследовал цель формализовать процесс оспаривания. Статья 61.2 вводит четкие объективные критерии: период подозрительности (один год для неравноценного встречного исполнения и три года для сделок, совершенных с целью причинения вреда), опровержимые презумпции цели причинения вреда (совершение сделки с заинтересованным лицом, передача более 20 % балансовой стоимости активов, изменение места нахождения должника и скрытие документов) и презумпции осведомленности контрагента.

В то же время статьи 10 и 168 ГК РФ представляют собой оценочные, «резиновые» нормы. Злоупотребление правом не имеет четко очерченных временных границ и жестко заданных презумпций, что делает его универсальным, но крайне субъективным инструментом в руках суда. И. Г. Гаджиев в своем исследовании детально анализирует эту коллизию, указывая, что на практике специальные банкротные нормы и общегражданские основания превратились не в дополняющие друг друга инструменты, а в конкурирующие, где суды зачастую произвольно выбирают наиболее удобную квалификацию.

Позиция И. Г. Гаджиева отличается высокой степенью критичности к текущему состоянию судебной практики. Автор справедливо указывает на то, что арбитражные суды всех уровней, включая окружные суды, часто используют статью 10 ГК РФ как «запасной аэродром» или «процессуальную лазейку». Когда арбитражный управляющий пропускает объективный трехлетний срок подозрительности, установленный пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, или не может доказать наличие всех предусмотренных законом презумпций, суды охотно переквалифицируют требование на злоупотребление правом.

Гаджиев И. Г. справедливо отмечает, что такая практика фактически обесценивает волю законодателя. Устанавливая трехлетний ретроспективный период, законодатель исходил из баланса интересов: необходимости защитить кредиторов и обеспечения стабильности оборота за пределами этого срока. Судебная переквалификация на статью 10 ГК РФ позволяет оспаривать сделки, совершенные за 5, 7 или даже 10 лет до возбуждения дела о банкротстве. Это приводит к тому, что специальные сроки подозрительности превращаются из жестких границ в условные ориентиры, которые легко преодолеваются ссылкой на недобросовестность. Автор подчеркивает, что подобный подход нивелирует саму идею специального регулирования банкротства, превращая его в придаток общего гражданского права и лишая участников оборота возможности правовой определенности.

Несмотря на обоснованную критику, нельзя игнорировать функциональную ценность общегражданских оснований. Гибкость норм о злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ) и ничтожности сделок, совершенных в обход закона с противоправной целью (ст. 168 ГК РФ в системной связи со ст. 10), позволяет судебной системе реагировать на наиболее вопиющие случаи недобросовестного поведения, которые формально не подпадают под жесткие составы Закона о банкротстве.

Существуют ситуации, когда умысел на вывод активов возникает задолго до появления формальных признаков неплатежеспособности (например, при создании «центра прибыли» и «центра убытков»). В таких случаях трехлетний период подозрительности оказывается недостаточным для защиты интересов кредиторов. Применение статьи 10 ГК РФ в этих исключительных случаях выступает в роли правового предохранителя, не позволяющего должнику и его аффилированным лицам легализовать вывод имущества только за счет грамотного планирования сроков. Кроме того, квалификация сделки как ничтожной по ст. 168 ГК РФ позволяет применять десятилетний объективный срок исковой давности (п. 1 ст. 181 ГК РФ), что в теории дает шанс вернуть активы, выведенные задолго до банкротства, в отличие от субъективного годичного срока по банкротным основаниям.

Доминирование общегражданских норм в банкротных спорах порождает системные риски, главным из которых является нарушение принципа правовой определенности (Rechtssicherheit). Кредиторы, должники и, что особенно важно, их потенциальные контрагенты лишаются возможности прогнозировать правовые последствия своих действий. Если сделка, совершенная за пределами трехлетнего периода, может быть оспорена по субъективному усмотрению суда через призму статьи 10 ГК РФ, это создает атмосферу правовой неуверенности. Инвестиционный климат страдает, так как любая компания, имевшая финансовые трудности в прошлом, становится «токсичной» для контрагентов: покупка актива у такой компании даже 10 лет назад не гарантирует защиты от виндикационного иска в рамках чужого банкротства.

Другим спорным аспектом, на который указывает современная доктрина, является размывание фундаментальной границы между оспоримыми и ничтожными сделками. По своей юридической природе сделки, оспариваемые по статье 61.2 Закона о банкротстве, являются оспоримыми — они считаются действительными до момента признания их недействительными судом. Сделки же, квалифицированные по статьям 10 и 168 ГК РФ как совершенные со злоупотреблением правом, традиционно относятся к ничтожным — они недействительны с момента совершения независимо от судебного признания. Однако в банкротной практике суды часто называют сделку «ничтожной» по ст. 10 ГК РФ, но при этом требуют доказывания субъективной цели причинения вреда и осведомленности контрагента, что характерно именно для оспоримых составов. Это создает логический парадокс и лишает правовой смысл классическую дихотомию недействительности, усложняя определение надлежащего способа защиты и исчисление сроков давности.

Общегражданские основания недействительности (ст. 10, 168 ГК РФ) должны применяться в процедуре банкротства исключительно субсидиарно и только в тех случаях, когда дефекты сделки выходят за пределы дефектов, уже охваченных специальными составами подозрительных сделок.

Для реализации этого подхода необходимо законодательно или на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ закрепить критерий «дополнительного порока». Суд не должен иметь права переквалифицировать банкротное основание на общегражданское только ради обхода срока подозрительности. Переквалификация должна быть допустима лишь в том случае, если заявитель докажет наличие пороков воли, которые принципиально не охватываются статьей 61.2 Закона о банкротстве.

К таким порокам, выходящим за рамки стандартных банкротных презумпций, можно отнести:

Доказанный заранее обдуманный умысел на вывод активов, сформированный за 5–10 лет до банкротства, в момент создания корпоративной структуры (так называемые «схемные» банкротства), когда сделка была частью единого плана по преднамеренному доведению до несостоятельности.

Использование сделки исключительно как инструмента для совершения иного правонарушения (например, легализации преступных доходов или уклонения от уплаты налогов в особо крупном размере), где гражданско-правовая передача имущества является лишь второстепенным элементом преступной цепи.

Фиктивность самой сделки, когда встречное исполнение отсутствовало в принципе (мнимость), а не просто было по заниженной цене или неравноценным.

В этих исключительных случаях применение статьи 10 ГК РФ оправдано. Во всех остальных ситуациях, когда речь идет о банальной продаже имущества по заниженной цене или погашении долга перед дружественным кредитором в преддверии банкротства, суды должны быть жестко ограничены рамками статьи 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве.

Дальнейшее развитие законодательства и судебной практики требует окончательного отказа от механического применения классического цивилистического подхода к недействительности сделок. Для обеспечения баланса интересов необходима строгая субординация норм: общегражданские основания должны применяться исключительно субсидиарно, только при наличии экстраординарных пороков воли, не охватываемых банкротными составами. Кроме того, требуется законодательное разграничение материально-правовой концепции «аннулирования» правовых последствий (с восстановлением массы) и процессуальной роли арбитражного управляющего как представителя коллективного интереса кредиторов, а не самого должника. Реализация этих мер позволит преодолеть правовую неопределенность, исключить произвольную переквалификацию исков и обеспечить подлинную автономию института банкротного оспаривания.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: ГК: текст с изменениями и дополнениями на 22.10.2026 года: [принят Государственной думой 21 октября 1994 года: одобрен Советом Федерации [Электронный ресурс]. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»:(дата обращения: 29.10.2026)
2. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 [Электронный ресурс]. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»:(дата обращения: 29.10.2026).
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон № 127-ФЗ: [принят Государственной думой 27 сентября 2002 года: одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 года]. — — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»:(дата обращения: 29.10.2026).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2022. — № 10.
5. Гаджиев, И. Г. Проблемы соотношения общегражданских и специальных оснований признания сделок недействительными в рамках дела о банкротстве / И. Г. Гаджиев // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 8 (224). — С. 145–150. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sootnosheniya-obschegrazhdanskih-i-spetsialnyh-osnovaniy-priznaniya-sdelok-nedeystvitelnymi-v-ramkah-dela-o-bankrotstve/viewer (дата обращения: 03.11.2026). — Текст: электронный.

6. Кузин, Н. Н. Некоторые аспекты совершенствования механизма оспаривания сделок должника при банкротстве / Н. Н. Кузин // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2022. — № 4. — С. 109–115. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-sovershenstvovaniya-mehanizma-osparivaniya-sdelok-dolzhnika-pri-bankrotstve/viewer (дата обращения: 03.11.2026). — Текст: электронный.
7. Шибанов, Н. А. Правовая природа недействительности сделок должника юридического лица в процедуре банкротства / Н. А. Шибанов // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2021. — Vol. 5–4(56). — С. 45–51. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-nedeystvitelnosti-sdelok-dolzhnika-yuridicheskogo-litsa-v-protsedure-bankrotstve/viewer (дата обращения: 03.11.2026). — Текст: электронный.

Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве России: допустимость, оценка и роль прокурора

Лыкова Диана Олеговна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена допустимости, оценке и проверке электронных доказательств в российском уголовном процессе и роли прокурора. На основе статистики за 2019–2025 годы показано, что преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составляют около 38 % зарегистрированной преступности. Проанализированы нормы УПК РФ и разъяснения Верховного Суда РФ, выделены системные проблемы (изъятие носителей, целостность цифровых следов, неравенство сторон), предложены перечень вопросов для проверки электронных доказательств прокурором и направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: *электронные доказательства, цифровые следы, допустимость доказательств, прокурорский надзор, статья 164.1 УПК РФ, киберпреступность.*

Введение

Более трети зарегистрированных в России преступлений сегодня связано с цифровой средой: по данным Генеральной прокуратуры, в 2025 году зарегистрировано 675,4 тыс. преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 11,8 % меньше, чем годом ранее, при этом их доля в структуре преступности составляет около 38 % [1]. В 2019 году МВД России фиксировало немногим более 294 тыс. таких преступлений [2], а в 2021 году их удельный вес составлял 25,8 % [3]. Цифровая преступность стала массовой, а цифровая информация превратилась в основной источник доказательств по значительной части дел.

Уголовно-процессуальный закон строился вокруг «бумажных» источников. Статья 164.1, изменения статей 81 и 82 и статья 474.1 УПК РФ лишь частично закрыли разрыв между этой моделью и цифровой реальностью [4]: электронные доказательства не выделены в самостоятельный вид и оцениваются через существующие категории. Прокурор, который надзирает за следствием, утверждает обвинительные документы и поддерживает обвинение, нередко узнаёт о дефектах цифровых доказательств лишь в суде, когда исправить их уже поздно.

Цель исследования — определить критерии допустимости и достоверности электронных доказательств и очертить роль прокурора в их проверке. **Методы:** формально-юридический, сравнительный, системный анализ, анализ официальной статистики и разъяснений Верховного Суда РФ.

1. Понятие и признаки электронных доказательств

Единого определения электронного доказательства в российском праве нет. В науке под ним понимают сведения о фактах, существующие в цифровой форме и закреплённые на электронном носителе или в сети. УПК РФ оперирует понятиями «электронный носитель информации» (статьи 81, 82, 164.1), «электронный документ» (статья 474.1) и «иные документы» (статья 84): носитель признаётся вещественным доказательством, а информация на нём может использоваться как иной документ при соблюдении требований статьи 84 [5].

Отличительные признаки таких доказательств: нематериальность и отделимость информации от носителя; лёгкость изменения без видимых следов; технологическая опосредованность, при которой проверить данные без специалиста затруднительно; распределённость (облако, серверы третьих лиц, другие юрисдикции); большой объём данных. Отсюда вывод: ценность цифрового доказательства определяется не столько содержанием, сколько *процедурой его получения и сохранения*, и именно здесь возникает особая роль прокурора.

2. Нормативное регулирование

Статьи 17, 74, 75 и 88 УПК РФ применяются к электронным данным без изменений: относимость, допустимость и достоверность проверяются так же, как для любых доказательств, а доказательства, полученные с нарушением закона, использовать нельзя [4]. Отдельного перечня электронных доказательств закон не содержит.

Статья 81 УПК РФ относит электронный носитель к вещественным доказательствам, а часть 2.1 статьи 82 позволяет законному владельцу ходатайствовать о копировании информации на другой носитель, если это не препятствует расследованию [6]. Это компромисс между интересами следствия и деятельностью бизнеса, которая нередко парализуется изъятием серверов и компьютеров.

Статья 164.1 УПК РФ введена Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ [7]; по общему правилу изъятие носителей производится с участием специалиста [8]. Часть 1.1 статьи 164 УПК РФ запрещает при расследовании преступлений в сфере предпринимательской деятельности необоснованное изъятие носителей; допустимым в литературе считают изъятие при назначении судебной экспертизы, на основании судебного решения или когда информация на носителе может быть использована для новых преступлений [9]. Норма служит гарантией сохранности и целостности данных.

Получение сведений о соединениях между абонентами (статья 186.1 УПК РФ) и арест, осмотр и выемка почтово-телеграфных отправлений (статья 185) требуют судебного решения. Статья 474.1 допускает электронные документы в уголовном судопроизводстве, а Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 разъясняет возможность обращения в суд в электронном виде с усиленной квалифицированной электронной подписью [10]. Постановление Пленума от 15.12.2022 № 37 разъясняет квалификацию преступлений в сфере компьютерной информации, место и время их совершения в сети и работу с цифровой информацией [11]; для прокурора это ориентир и по доказыванию, поскольку место и время преступления в цифровой среде определяются по техническим данным.

3. Судебная практика

3.1. Масштаб проблемы. Статистика показывает, что цифровая среда стала основной для значительной части дел, а раскрываемость остаётся слабым местом (табл. 1). Данные Генеральной прокуратуры размещены в разделе «Состояние преступности» её официального сайта [12].

Таблица 1. **Динамика преступности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий**

Показатель	Значение	Источник
Преступления с использованием ИТТ, 2019 г.	более 294 тыс. (МВД)	[2]
Доля в структуре преступности, 2021 г.	25,8 %	[3]
Зарегистрировано, 2025 г.	675,4 тыс. (–11,8 % к 2024 г.); около 38 % всей преступности	[1]
Не раскрыто, 2025 г.	494,3 тыс. (–13,5 %); около 73 % от зарегистрированных (расчёт автора)	[1]
Кибермошенничество, 2025 г.	около 350 тыс., половина всех ИТ-преступлений	[1]
Ущерб, 7 месяцев 2025 г.	119,6 млрд руб. против 100,5 млрд (+16 %, МВД)	[13]

Высокий уровень нераскрытых преступлений означает, что у следствия и прокурора часто нет надёжной доказательственной базы: цифровые следы не сохранены, не получены вовремя от операторов и платформ либо не связаны с конкретным лицом.

3.2. Изъятие носителей и участие специалиста. Обзор апелляционной практики [14] показывает расхождение подходов:

— участие специалиста необходимо лишь при копировании информации для обеспечения её сохранности (Приморский краевой суд, 24.10.2017, № 22–5439/2017; Тульский областной суд, 12.02.2018, № 22–122; Самарский областной суд, 10.12.2018, № 22–7165/2018);

— если копирование не производилось и носитель не исследовался, отсутствие специалиста не нарушает закон, и изъятие носителей целиком признавалось допустимым (Рязанский областной суд, 03.04.2018, № 22–148/2018; Ярославский областной суд, 11.07.2017, № 22–968/2017);

— изъятие обоснованно, когда пресекает дальнейшие преступления, например по делу о массовой СМС-рассылке с предложениями кредита (приговор Московского районного суда г. Чебоксары от 03.06.2018, № 1–180/2018).

Эти решения вынесены до или сразу после введения статьи 164.1 УПК РФ, поэтому их значение сегодня ограничено, но разнобой показывает, что вопрос не закрыт на уровне разъяснений Верховного Суда.

3.3. Электронные носители как вещественные доказательства. В практике по делам о дорожно-транспортных происшествиях флеш-карта видеорегистратора с записью момента столкновения признаётся и приобщается к делу как вещественное доказательство [5]. Носитель становится вещдоком, а содержательная информация исследуется через осмотр, экспертизу и допрос. Если эта цепочка нарушена (нет описания носителя, не зафиксировано, что воспроизводилось, отсутствует копия), суд вынужден оценивать запись без гарантии её подлинности.

4. Роль прокурора в обеспечении допустимости цифровых доказательств

Полномочия прокурора вытекают из статьи 37 УПК РФ: надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, обязательные для следователя письменные указания, проверка обвинительного заключения [4]. Специальных норм о цифровых доказательствах нет, поэтому содержание надзора определяют практика и ведомственные акты. Можно выделить три стадии контроля.

Досудебная стадия. Прокурор оценивает законность изъятия носителей, участие специалиста, соблюдение запрета на необоснованное изъятие у предпринимателей, рассмотрение ходатайств о копировании (часть 2.1 статьи 82), наличие судебных решений (статья 186.1) и вправе дать указание об осмотре устройства или назначении компьютерно-технической экспертизы.

Утверждение обвинительного заключения. Проверяется, как цифровые данные включены в систему доказательств: описан ли носитель, приложен ли протокол осмотра, подтверждена ли подлинность информации, установлена ли связь учётной записи с обвиняемым. Возвращение дела для дополнительного расследования предпочтительнее исключения доказательств судом.

Судебная стадия. Государственный обвинитель должен быть готов к ходатайствам об исключении цифровых доказательств, допросу специалиста и эксперта, проверке происхождения скриншотов и переписки.

Предлагаемый перечень вопросов для проверки электронного доказательства (авторская модель на основе норм УПК РФ и криминалистических подходов):

Законность доступа. Требовалось ли судебное решение, получено ли оно, соответствует ли объём полученного разрешению.

Процедура изъятия. Участвовал ли специалист, описан ли носитель (тип, серийный номер, объём), зафиксированы ли время, способ изъятия и состояние устройства.

Целостность и хранение. Создавалась ли копия средствами, исключающими изменение данных, рассчитывались ли контрольные суммы (хеш-значения), документирована ли цепочка хранения.

Права участников. Рассмотрено ли ходатайство о копировании, обеспечено ли ознакомление защиты с копией и результатами исследования.

Привязка к лицу. Подтверждает ли информация действия именно обвиняемого, а не только использование учётной записи, номера или IP-адреса.

Достоверность и экспертиза. Нет ли признаков монтажа или подмены метаданных, корректны ли вопросы эксперту и методика исследования.

Такой перечень заменяет формальный контроль («есть ли протокол») содержательным («можно ли доверять данным и почему»).

5. Проблемы правоприменения

5.1. Отсутствие единого статуса. Закон не определяет, к какому виду относится цифровая информация: вещественное доказательство, иной документ или заключение специалиста. Для одной и той же переписки возможны несколько квалификаций, от выбора которых зависит порядок её исследования, что приводит к разным подходам судов.

5.2. Неопределённость процедуры изъятия. Суды по-разному отвечают на вопрос о необходимости специалиста (раздел 3). Статья 164.1 УПК РФ закрепила его участие, но изъятие носителя целиком без исследования данных, изъятие у третьих лиц и работа с облачными данными остаются без ясного ответа.

5.3. Облачные данные и иностранные платформы. Значительная часть информации хранится на серверах в других юрисдикциях или у операторов, не обязанных отвечать в нужные следствию сроки. Изъятие устройства не даёт доступа к облаку, а получение данных через международную помощь занимает месяцы; это особенно остро на фоне 494,3 тыс. нераскрытых цифровых преступлений в 2025 году [1].

5.4. Целостность и неравенство сторон. Закон требует протокола и упаковки носителя, но не требует документировать цепочку хранения и контрольные суммы, поэтому доказать неизменность информации нередко невозможно. У следствия есть специалисты и лаборатории, у защиты их нет, а копия по статье 82 не всегда включает метаданные.

5.5. Подлинность скриншотов. Скриншоты и распечатки страниц часто принимаются без технического подтверждения: в гражданском процессе их можно заверять нотариально [15], тогда как в уголовном деле обычным способом остаётся протокол осмотра следователя.

5.6. Кадровая и технологическая готовность. Компьютерно-техническая экспертиза длительна и ресурсоёмка; прокурор, как правило, не располагает собственным техническим экспертным потенциалом и вынужден полагаться на выводы следственных органов. Подготовка прокуроров по цифровым вопросам и доступ к консультациям специалистов остаются недостаточными по сравнению с ростом числа цифровых дел.

5.7. Риск «технологического оптимизма». Результаты автоматического анализа (определение местоположения, распознавание лиц и голосов, выявление связей между аккаунтами) воспринимаются как объективные, хотя содержат погрешность. Прокурор должен проверять метод получения данных, а не только результат.

6. Предложения по совершенствованию

Законодательный уровень. Закрепить в статье 5 УПК РФ определения «электронного носителя информации» и «электронной информации».

Дополнить статью 164.1 УПК РФ обязательным документированием цепочки хранения и мер обеспечения

целостности (контрольные суммы, средства защиты от записи).

Урегулировать получение данных от операторов связи и интернет-платформ: сроки ответа, формат, ответственность за уничтожение данных после запроса о сохранении.

Обеспечить защите право на копирование информации в полном объёме, включая метаданные, и на привлечение специалиста.

Верховный Суд РФ. Принять отдельное постановление Пленума об использовании электронных доказательств; действующие разъяснения [10], [11] касаются документооборота и квалификации и его не заменяют.

Прокуратура. Утвердить методические рекомендации по надзору на основе перечня из раздела 4, включить модули по цифровой криминалистике в программы подготовки прокуроров и обеспечить районным прокурорам доступ к консультациям специалистов по цифровым доказательствам.

Взаимодействие с органами расследования. Разработать совместные методики по типовым сценариям (изъятие мобильных устройств, облачные данные, фиксация интернет-страниц) с шаблонами протоколов.

Заключение

На цифровую среду приходится около 38 % зарегистрированной преступности, а нераскрытыми остаются порядка трёх четвертей таких преступлений [1]. Российское уголовно-процессуальное право не выделило электронное доказательство в отдельный институт и регулирует его общими нормами о вещественных доказательствах, иных документах и следственных действиях, дополненными статьёй 164.1 УПК РФ и нормами об электронных документах.

Практика демонстрирует разнобой в вопросах изъятия носителей и участия специалиста, а основные риски связаны с нарушением процедуры получения и сохранения цифровой информации, а не с её содержанием. Поэтому ключевая задача прокурора — проверка процедуры. Предложенные перечень вопросов и меры позволяют повысить предсказуемость работы с цифровыми доказательствами без изменения конституционной роли прокуратуры. Перспективы исследований связаны с анализом приговоров, в которых цифровые доказательства были исключены, и со сравнением с зарубежными моделями.

Литература:

1. Число IT-преступлений в России в 2025 году сократилось до 675 тыс. (данные Генеральной прокуратуры РФ) // ComNews. 09.02.2026. URL: https://www.comnews.ru/content/243714/2026–02–09/2026-w07/1009/chislo-it-prestupleniy-rossii-2025-godu-sokratilos-do-675-tys
2. Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). URL: https://slh-journal.isu.ru/en/article/file?id=269
3. Бобровничий И. Н., Тайбаков А. А. Виктимологические особенности хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации // Социология и право. 2025. Т. 17. № 2. С. 243–260. URL: https://spbume.elpub.ru/jour/article/download/821/556
4. Электронные доказательства в уголовном процессе: подборка материалов; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (статьи 17, 37, 74, 75, 81, 82, 84, 88, 164, 164.1, 185, 186.1, 474.1) // КонсультантПлюс. URL:https://www.consultant.ru/law/podborki/jelektronnye_dokazatelstva_v_ugolovnom_processe/
5. К вопросу о правовой природе электронных носителей информации в российском уголовном процессе // Молодой учёный. 2025. URL: https://moluch.ru/archive/542/118608
6. В каком порядке происходит изъятие техники у граждан и организаций в ходе следственных действий // ППТ. URL: https://ppt.ru/art/zashchita-prav/v-kakom-poryadke-proiskhodit-izyatie-tekhniki-u-grazhdan-i-organizatsiy-v-khode-sledstvennykh-deystviy
7. Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; О проблеме изъятия электронных носителей информации в рамках следственных действий // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-probleme-izyatiya-elektronnykh-nositelej-informatsii-v-ramkakh-sledstvennykh-deystviy/; https://www.advgazeta.ru/mneniya/obyazatelno-ili-net/
8. Материалы конференции «Ломоносов», 2019: участие специалиста при изъятии электронных носителей информации. URL: https://lomonosov.msu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/16159/90702_uid342401_report.pdf
9. Проблемы борьбы с преступностью: материалы конференции. Минск, 2024. URL: https://elib.amia.by/bitstream/docs/11487/1/probl_borbi_konf2024–186.pdf
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». URL: https://base.garant.ru/71844996/
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»». URL: https://www.vsrf.ru/media-proxy/upload/iblock/521/521aea0264bbeab90ac6296020a712cd.pdf; https://rg.ru/2022/12/28/document-postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda.html

12. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Состояние преступности: официальная статистика. URL: https://epp.genproc.gov.ru
13. МВД: ущерб от IT-преступлений в России вырос на 16 % // Эксперт. URL: https://www.expert.ru/news/mvd-ushcherb-ot-it-prestupleniy-v-rossii-vyros-na-16/
14. Антонов А. Когда изъятие электронных носителей информации является правомерным? 2025. URL: https://pravo163.ru/kogda-izyatie-elektronnyx-nositelej-informacii-yavlyaetsya-pravomernym/
15. Электронные доказательства в спорах в сфере интеллектуальной собственности // Гарант. URL: https://www.garant.ru/news/1418353/

Проблемы распределения обязанностей между участниками проекта строительства горнообогатительного комбината

Майоренко Данила Иванович, студент
Научный руководитель: Фастова Марина Андреевна, кандидат юридических наук, доцент
Академия управления и производства (г. Москва)

Исследуются вопросы распределения обязанностей между заказчиком, генеральным подрядчиком, субподрядчиками и эксплуатирующей организацией при строительстве и модернизации горнообогатительных комбинатов. Анализируется феномен неопределённости на границах исполнения, рассматриваются проблемы распределения расходов на обеспечение безопасности и гражданско-правовые последствия административной ответственности участников. Предлагается система мер по устранению неопределённости: матрица обязанностей, реестр межорганизационных ограничений, система уведомлений о препятствиях и координационные точки готовности.

Ключевые слова: *распределение обязанностей, участники проекта, горнообогатительный комбинат, неопределённость на границах исполнения, договор подряда, совмещённые работы.*

Введение

Особенность проектов строительства и модернизации горнообогатительных комбинатов (далее — ГОК) заключается в участии нескольких юридически самостоятельных организаций. Заказчик, генеральный подрядчик, субподрядчики, поставщики оборудования и эксплуатирующая организация располагают различной информацией, используют собственный персонал и обладают неодинаковыми полномочиями. Каждая из этих организаций является работодателем для своих работников и несёт самостоятельные обязанности по охране труда: проводит обучение и проверку знаний требований охраны труда, организует медицинские осмотры, обеспечивает средствами индивидуальной и коллективной защиты, ведёт учёт условий труда на рабочих местах.

Безопасность выполнения одной операции может зависеть от предварительных действий другого участника. Подготовка действующей установки к демонтажу, организация монтажных операций и возвращение объекта в эксплуатацию могут находиться в компетенции разных организаций. При модернизации без полной остановки производства подрядные работы выполняются рядом с действующим оборудованием, транспортными маршрутами и инженерными коммуникациями, что создаёт дополнительные опасности на стыках деятельности нескольких исполнителей. Множественность участников порождает сложности в определении границ ответственности и в координации действий.

Основная часть

Неопределённость на границах исполнения

Ключевую проблему представляет отсутствие согласованного распределения действий, необходимых для перехода между взаимозависимыми операциями разных организаций. Передача корпуса для монтажа не означает передачи подрядчику полномочий управлять действующими установками. Начало монтажных работ может зависеть от завершения демонтажа предшествующего оборудования, проверки состояния оснований, отключения смежных систем или предоставления исполнительной документации. Если необходимое действие не закреплено за конкретным участником, возникает неопределённость на границах исполнения.

Данная неопределённость проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, при передаче участков и объектов: акт передачи фиксирует состояние на определённый момент, но не подтверждает его на весь период выполнения работ, поскольку строительная территория непрерывно меняется. Во-вторых, при проведении медицинских осмотров и психиатрического освидетельствования работников подрядчика, направляемых на территорию действу-

ющего ГОКа: законная обязанность по их организации лежит на работодателе-подрядчике, однако допуск на объект может быть обусловлен требованиями эксплуатирующей организации, не являющейся стороной договора подряда. В-третьих, при совмещённых работах: одновременное выполнение операций несколькими организациями в пространственно пересекающихся зонах требует координации, которая не возникает автоматически из факта присутствия на общей территории.

Неопределённость на границах исполнения создаёт риски для всех участников. Подрядчик, приступивший к работам без подтверждения готовности смежных систем, может быть привлечён к административной ответственности за нарушение требований промышленной безопасности. Заказчик, не предоставивший исходные сведения о состоянии действующих коммуникаций, несёт риск возмещения убытков, вызванных задержкой или повреждением имущества. Эксплуатирующая организация, не оформившая надлежащим образом передачу оборудования для производства работ, сохраняет ответственность за его безопасное состояние.

Средства коллективной защиты и распределение расходов

Обеспечение средствами коллективной защиты на общей строительной территории является типичным примером межорганизационной задачи. Вентиляция подземных выработок, ограждение зон производства работ, пылеподавление на карьерах, устройство временных проездов и пешеходных маршрутов — все эти мероприятия затрагивают нескольких исполнителей одновременно. Без договорного определения того, кто создаёт, содержит и обслуживает средства коллективной защиты, возникает неопределённость, способная привести как к административной ответственности за необеспечение работников средствами защиты, так и к гражданско-правовой ответственности за причинённый вред.

Административная ответственность и цепные последствия

Множественность участников порождает проблему распределения административной ответственности. Нарушения требований охраны труда квалифицируются по статье 5.27.1 КоАП РФ и влекут санкции от предупреждения до административного приостановления деятельности на срок до девяноста суток; нарушения требований промышленной безопасности — по статье 9.1 КоАП РФ. Приостановление деятельности одного из подрядчиков способно парализовать исполнение смежных обязательств и повлечь цепную реакцию задержек. Договорная документация должна определять порядок реагирования на административные ограничения, распределение расходов, вызванных приостановлением, и основания для изменения сроков исполнения.

Отдельную проблему представляет возмещение вреда жизни и здоровью. Работодатель потерпевшего, владелец использованной техники и организация, обязанная подготовить участок, могут быть разными лицами. Наличие трудовых отношений не исчерпывает обстоятельств, необходимых для определения надлежащего ответчика. Дисциплинарная и материальная ответственность работника перед работодателем, административная ответственность должностных и юридических лиц и гражданско-правовая ответственность перед потерпевшим имеют самостоятельные основания и не поглощают друг друга. Договорное распределение функций между участниками проекта не предрешает вопрос об ответственности перед потерпевшим, но способно устранить неопределённость в организации взаимодействия и предупредить возникновение опасных ситуаций.

Система мер по устранению неопределённости

Первым инструментом является матрица обязанностей участников проекта, в которой для каждого межорганизационного мероприятия (подготовка участка, отключение и опорожнение оборудования, организация вентиляции, ограждение зон работ, допуск персонала) фиксируются ответственный исполнитель, организации, действия которых являются предпосылкой исполнения, и способ подтверждения выполнения. Матрица позволяет установить, кто обеспечивает конкретное мероприятие и от каких действий оно зависит.

Вторым инструментом выступает реестр межорганизационных ограничений — перечень запретов и ограничений действующего производства, влияющих на выполнение работ: запрет на остановку определённого оборудования, ограничения на работы в радиусе действия кранов, особые режимы перемещения техники, запреты на использование отдельных проездов. Реестр подлежит актуализации по мере изменения конфигурации действующего производства и хода строительства.

Третьим инструментом является система уведомлений о препятствиях к безопасному выполнению работ: определяются форма и срок уведомления, перечень сведений, порядок устранения препятствия и последствия непринятия мер, включая основание для приостановления работ без наступления ответственности за нарушение сроков исполнения.

Четвёртым инструментом являются координационные точки готовности и листы подтверждения готовности смежных систем, фиксирующие выполнение всех предпосылок безопасного начала и завершения операций. Совокупность перечисленных документов образует договорное приложение о распределении обязанностей и порядке взаимодействия участников проекта.

Заключение

Чёткое распределение обязанностей между участниками проекта является ключевым фактором успешной

и безопасной реализации строительства ГОКа. Предложенная система документов (матрица обязанностей, реестр межорганизационных ограничений, уведомления о препятствиях, координационные точки готовности) позволяет устранить неопределённость на границах исполнения, снизить административные и гражданско-правовые риски участников и предупредить возникновение опасных ситуаций на стыках деятельности нескольких исполнителей.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ; (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ.
5. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов».
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002.
7. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984.
8. Христофоров Н. Р. Особенности правового регулирования охраны труда в горнодобывающей отрасли: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 244 с.

5

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (648) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 18.11.2026. Дата выхода в свет: 25.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.